

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

7-351618

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Под редакцией профессора
Н. А. ЦАГОЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1979

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензент
доктор экономических наук Г. А. Джавадов

Земл, 1 кг, 1 кг, 1 кг

Актуальные проблемы политической экономии.
Под ред. Н. А. Цаголова. М., Изд-во Моск. ун-та,
1979. 287 с.

В сборнике статей получили освещение наиболее узловые, сложные методологические проблемы политической экономии, актуальные проблемы современного экономического развития нашей страны, стран мирового социалистического содружества, капиталистических государств. Сборник подготовлен к публикации кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ и проблемной научно-исследовательской лабораторией МГУ по комплексному изучению экономических законов в условиях развитого социализма.

Расчитан на преподавателей политической экономии, аспирантов, пропагандистов экономической теории.

А $\frac{10701-162}{077(02)-79}$ 19-78 0603000000

© Издательство Московского университета, 1979 г.

WMB
AM
Y.M.I.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1975 г. в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова было проведено Всесоюзное совещание-семинар заведующих кафедрами политической экономии университетов, институтов повышения квалификации, экономических и других вузов страны, имеющих экономические факультеты, совместно с заведующими конкретно-экономическими кафедрами университетов, готовящих специалистов по политической экономии.

Актуальность и практическая значимость проблем, обсуждавшихся на совещании-семинаре, стали еще более очевидными в свете решений XXV съезда КПСС, поэтому при подготовке книги по материалам совещания-семинара в нее были внесены существенные дополнения, обусловленные задачами, поставленными перед экономической наукой XXV съездом КПСС.

В работе совещания-семинара приняли участие ученые Академии наук СССР, руководящие работники Госплана СССР, работники Отдела науки и высших учебных заведений ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Международного института экономических проблем мировой социалистической системы СЭВ, представители 216 вузов из всех союзных республик.

В целом на совещании-семинаре было заслушано 34 доклада представителей 19 вузов и организаций страны. В ходе обсуждения докладов выступили 37 представителей 17 вузов. Все это свидетельствует о широком участии представителей экономической науки нашей страны в обсуждении актуальных политико-экономических проблем.

Рассмотрение методологических, общетеоретических и учебно-методических проблем политической экономии, а также вопросов повышения квалификации научно-педагогических кадров, улучшения организации учебного процесса на экономических факультетах в области политической экономии носило комплексный характер. Обсуждению подверглись принципиальные, наиболее

сложные методологические и теоретические проблемы политической экономии, широкий круг наиболее актуальных проблем современного экономического развития СССР, стран мирового социалистического содружества, стран капиталистического мира, а также вопросы совершенствования преподавания политической экономии в экономических вузах и университетах.

Совершенно естественно, что по ряду вопросов были обнаружены и разные подходы, и неоднозначные решения.

Тематика докладов, обсуждавшихся на совещании-семинаре и включенных в данную книгу, подразделяется на три крупные группы.

Актуальные методологические проблемы политической экономии являются объектом рассмотрения первого раздела. В данном разделе на первый план выдвигаются те вопросы предмета и метода политической экономии, которые в условиях развитого социализма приобретают особое значение в связи с разработкой системы законов и категорий политической экономии социализма. В этом разделе нашли отражение дискуссионные вопросы, с применением метода «Капитала» К. Маркса к политической экономии социализма.

Актуальным теоретическим проблемам политической экономии капитализма посвящен второй раздел книги. В нем дана политико-экономическая характеристика новых процессов в экономике монополистического капитализма, раскрыты особенности проявления законов капитализма на современном этапе.

Третий раздел книги содержит в себе результаты исследований по проблемам товарно-денежных отношений, их места в системе категорий политической экономии социализма и совершенствования использования в механизме социалистического хозяйствования в условиях развитого социализма, рассмотрены теоретические положения и практические рекомендации по коренным современным проблемам народохозяйственного планирования, управлению народным хозяйством, экономическому стимулированию. Политико-экономическому анализу категории эффективности производства и резервам повышения эффективности посвящена последняя глава раздела.

В составлении и редактировании настоящей книги принимали участие: Дунаев Э. П., Киров В. А., Козлова К. Г., Кознов Б. П., Пенкин А. Ф., Хандруев А. А.

Раздел первый

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ**

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ И ЗАКОНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

§ 1. ГЛАВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Политическая экономия является неотъемлемой составной частью марксистско-ленинской революционной теории. Она развивается в тесной связи с другими составными частями марксистско-ленинизма.

Предметом политической экономии являются производственные отношения, которые, как известно, составляют основу общественной жизни. Однако жизнь общества многогранна, она не сводится к производственным отношениям и потому политическая экономия не может ответить на все вопросы, которые ставит жизнь. Эти ответы дает марксистско-ленинская теория в целом. Политическая экономия не может и не должна претендовать на решение всех без исключения проблем развития революционного процесса. Многие проблемы революционного развития общества являются надстроечными, выходят далеко за рамки экономического базиса и уже поэтому не могут быть исследованы в рамках политической экономии. Тесная, неразрывная связь политической экономии с другими составными частями марксистско-ленинской теории в решении важнейших вопросов коммунистического строительства и выражает единство всех составных частей революционной теории марксизма-ленинизма.

Известно далее, что производственные отношения в качестве своего исходного источника развития имеют производительные силы. Однако политическая экономия не занимается изучением производительных сил как таковых. Вместе с тем политическая экономия не может не пользоваться результатами исследования производительных сил, полученными в других областях научного знания. Без оценки состояния развития производительных сил политическая экономия в исследовании производственных отношений не может сделать ни шага. В современных условиях невозможно решать политико-экономические проблемы, не обращаясь к анализу научно-технической революции. По существу процессы научно-технической революции, развития производительных сил в целом являются той доминантой, которая определяет собой

направление развития производственных отношений каждого из существующих в современную эпоху способов производства. При этом следует помнить, что производственные отношения сами оказывают определяющее обратное воздействие на развитие научно-технической революции, что в условиях капитализма, где научно-техническая революция используется в целях повышения степени эксплуатации, она получает соответствующее этой цели направление, и только «...в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление»¹.

* * *

Политическая экономия развивается в тесной связи с другими экономическими науками. Совокупность экономических наук, особенно успешно развивающихся в нашей стране в последние десятилетия, является могучим подспорьем для использования выводов политической экономии, результатов изучения объективных экономических законов применительно к отдельным специальным или отраслевым проблемам социалистической экономики. Политическая экономия выступает в качестве общей теоретической и методологической основы всех специальных и отраслевых экономических наук. Предмет и конкретные задачи этих наук различны, однако все они совместно с политической экономией решают общую задачу: раскрывают научные основы строительства социализма и коммунизма. В решении указанной задачи все экономические науки выступают подобно различным инструментам одного и того же оркестра. Для успешного выполнения своей роли каждой из них необходимо четкое разграничение их функций, что требует серьезных методологических исследований. При этом, однако, должно быть ясно, что расчленение функций экономических наук необходимо не для создания непроницаемых перегородок между ними, а для того, чтобы более производительно и эффективно использовать исследовательские силы и вести пропагандистскую деятельность в области экономических знаний.

Особое положение политической экономии в системе экономических наук повышает ее ответственность за решение важнейших задач коммунистического строительства.

* * *

В составе экономических наук ее отдельные разделы имеют различную — большую или меньшую — историю своего развития.

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 47.

Политическая экономия относится к числу наиболее старых экономических наук. Анализ отдельных видов производственных отношений относится еще к античному миру, и в этом смысле политическая экономия является древней наукой. Однако начало политической экономии как научной системы восходит к XVIII в. Политическая экономия социализма ведет свое начало от великих основоположников научного коммунизма, которые писали о коммунизме, обнаружив его материальные предпосылки в недрах капиталистического общества.

Развитие современной политической экономии полностью опирается на те коренные определения основ социализма, которые были даны Марксом, Энгельсом, Лениным. Но несмотря на долгую историю развития и огромный накопленный опыт, современные условия выдвигают перед политической экономией новые сложные задачи.

В настоящее время мы находимся на таком этапе развития, когда важнейшей научной задачей является разработка системы категорий и законов политической экономии социализма, которая бы во всех своих звеньях была научно связана и логически ясна. Разработка этой системы началась со времени подготовки учебника политической экономии, вышедшего в свет в 1954 г. Этот учебник в истории развития политической экономии, в постановке задачи разработки системы политической экономии сыграл огромную роль.

В настоящее время мы наблюдаем значительное развитие политической экономии как в нашей стране, так и в других странах социализма. За прошедшие годы проведена серьезная систематизация опыта экономического развития социалистических стран и стран капиталистического мира. Полученный в результате такой систематизации материал является сокровищницей политической экономии. Однако предстоит еще большая работа по научному обобщению тех исследований, которые проведены в вузах, институтах Академии наук и других научных учреждениях нашей страны.

Наличие многих нерешенных вопросов, которые стоят сегодня перед исследователями, работающими в области политической экономии, не означает какого-либо застоя. По мере дальнейшего развития самой жизни, практики возникают новые вопросы. С другой стороны, политическая экономия развивается не только вширь, но и вглубь: она не только теоретически обобщает и систематизирует новые явления, но и все в большей мере проникает в сущность явлений и во взаимные их связи.

Политико-экономы подвергаются серьезной и справедливой критике в связи с тем, что многие важные вопросы теории им еще не удается решить, что, в свою очередь, ослабляет степень обоснованности тех рекомендаций, которые связаны с совершенствованием механизма хозяйствования. Однако эта критика не умаляет значения нашей науки в решении задач коммунисти-

ческого строительства. Внимание, с которым деятели хозяйственных и административных органов, Госплана, министерств и предприятий следят за развитием политической экономии, свидетельствует о том, что она дает нечто необходимое для повышения научного обоснования практических решений, что политико-экономы способны теоретически решать серьезные задачи, имеющие практическое значение.

Многие проблемы, стоящие перед политической экономией, не могут быть решены без привлечения к анализу круга явлений, относящихся к области надстройки. Политическая экономия потому и носит наименование революционной науки, что она способна объяснить не только эволюционное развитие производственных отношений, но и революционные переходы от одной системы производственных отношений к другой. В отличие от реформизма, отстаивающего идею эволюционной трансформации капитализма в нечто похожее на социализм, марксизм полагает, что переход от одного способа производства к другому, от одной системы производства к другой имеет свои законы, отличные от законов движения сложившейся системы. Марксизм учит, что переход от одного способа производства к другому невозможен без внеэкономического вмешательства в основы системы производственных отношений. По существу внеэкономическое вмешательство в эти отношения и есть ключ к революционному переходу от одного способа производства к другому.

Между экономическими категориями различных способов производства нет* прямой логической связи. Под логической связью в политической экономии понимаются генетические связи между отдельными категориями, отражающие возникновение и развитие их на основе имманентных, свойственных данной системе производственных отношений закономерностей в порядке эволюционного развития.

Логические связи имеют в качестве своей материальной основы связи исторического порядка. Категории политической экономии, имеющие единое наименование и выражающие какое-либо общее отношение, подчас сильно разнятся по тому содержанию, которым они наполняются в ходе исторического развития в связи с развитием производительных сил, в зависимости от их места и роли в той или иной системе производственных отношений. Тем не менее при теоретическом воспроизведении каждого данного способа производства логические связи должны отражать глубинные исторические связи. Научное осознание этого факта лежит в основе марксистского учения о способе производства (и формации).

Оно же является и основой и предпосылкой учения о закономерной смене способов производства, являющегося научным достижением всемирно-исторического значения, принадлежащего историческому материализму.

Только исторический материализм дает законченное объяснение

процессов перехода от одного способа производства к другому. Закономерность этого перехода обусловлена действием противоречия между производительными силами и производственными отношениями. При каждом способе производства возникает ему одному свойственный тип этого противоречия. Раскрытие его — это задача политической экономии, которая изучает производственные отношения как формы развития производительных сил. Следовательно, закономерная необходимость смены одного способа производства другим раскрывается политической экономией. Но закономерность смены одного способа производства другим не сводится к спонтанному развитию производственных отношений. В эволюционном порядке одна система производственных отношений не может быть заменена другой. Внутри данной системы производственных отношений идет эволюционный процесс развития, между системами эволюционный переход невозможен. Развитие внутри системы происходит при сохранении ее основного производственного отношения, которое определяется способом соединения непосредственного производителя со средствами производства. Переход от одной системы к другой предполагает смену одного основного отношения, одного способа соединения непосредственного производителя со средствами производства другим. Этот переход не осуществляется в эволюционном порядке. Он возможен только в результате ломки прежних отношений собственности, в результате внеэкономического вмешательства в экономические отношения. Внеэкономическое вмешательство как закономерность означает, что происходит переход от одной системы, имеющей свою определенную логику развития, к другой. Разные системы покоятся на разных основах, они имеют разные (и исходные и основные) отношения. Закономерный характер перехода от одной системы производственных отношений к другой обязательно предполагает ломку сложившейся системы производственных отношений, прежде всего ее основного отношения.

Необходимость внеэкономического вмешательства для перехода от одной системы производственных отношений к другой, выходя за рамки логического развития этой системы (поскольку под последним понимается эволюционный процесс развития производственных отношений), отнюдь не выходит за рамки исторической закономерности.

В историческом процессе следует различать: основные, определяющие явления, выражающие закономерные связи в общественном развитии, которые имеют свои корни в экономических отношениях, но не сводятся к ним, и исторические явления, не выражающие общих закономерностей исторического развития, но имеющие место в силу тех или иных особых, не типических обстоятельств. Смена способа производства относится именно к первого рода историческим явлениям, закономерность которых научно установлена историческим материализмом.

Логические связи также носят закономерный характер. Возникает вопрос: в чем же различие между этими двумя типами закономерных связей? Ответ на данный вопрос прост: исторические связи охватывают все явления: как происходящие внутри данного способа производства, так и внеэкономические отношения процесса перехода от одного способа производства к другому. Они охватывают всю сумму общественных явлений, связанных с развитием способа производства. В рамках исторического процесса развития того или иного способа производства можно вычленить экономические явления. При изучении же смены способов производства недостаточно ограничиться изучением экономических условий этой смены, обязателен анализ всех социальных, классовых, политических процессов, которые только в совокупности могут дать необходимые условия перехода к новому способу производства. Революционный процесс означает прерывистость в процессе развития, предполагает обязательно нечто выходящее за рамки сложившихся экономических отношений. Закономерный процесс перехода от одного способа производства к другому предполагает связующие звенья, выходящие за рамки производственных отношений.

Исторические связи не ограничиваются лишь связями производственных отношений. Когда в политической экономии говорят об исторических связях, то не всегда обращают внимание на эту сторону, эту особенность исторических связей, а подразумевают обычно лишь исторические связи между производственными отношениями в процессе их эволюционного развития. Тогда логические связи выступают лишь как теоретическое выражение исторических связей. И это правильно, когда речь идет об одном способе производства и развитии его производственных отношений. Иначе говоря, под логическими связями в политической экономии понимаются такие теоретические связи, которые выражают исторический эволюционный процесс развития производственных отношений, а отнюдь не революционный процесс перехода от одной системы производственных отношений к другой, который не может произойти в рамках спонтанного движения производственных отношений.

Вопрос о соотношении закономерных и случайных связей нельзя подменять вопросом о соотношении исторического и логического. В политической экономии в широком смысле слова это особенно важно иметь в виду, поскольку она исследует не только логику развития данной системы производственных отношений, но и историческую закономерность и условия перехода от одной системы производственных отношений к другой.

При переходе от одной системы производственных отношений к другой все имманентные связи старой системы прерываются. Исходное и основные отношения каждого способа производства формируются по-своему, на принципиально различных началах. Поэтому прямые логические связи между категориями одного и другого способов производства не могут быть проведены.

Тем более необходимо выявить и обнажить закономерности перехода от одной системы производственных отношений к другой. Самые глубинные корни этих переходов лежат в самих производственных отношениях. Но исторический материализм тем отличается от всяких форм вульгарного «экономического материализма», что он, видя конечное основание всех общественных явлений в экономике, не сводит исторический процесс к простому механическому отражению экономического процесса, исходит из предпосылки самостоятельной роли всех других общественных отношений — социальных, политических, юридических, среди которых, опять-таки в определенные периоды, в особенности в период перехода от одного способа производства к другому, решающая роль принадлежит политическому фактору. Без революционной ликвидации условий функционирования основного производственного отношения ни один способ производства не может перерасти в другой. Но именно политическая экономия устанавливает научно, какой круг отношений является решающим с точки зрения ликвидации данного общественно-экономического строя и каковы условия возникновения и утверждения нового общественно-экономического строя. Важнейшее значение для этого имеет взятое на вооружение советской политической экономией положение об основном экономическом отношении способа производства.

Хотя изучение закономерностей движения надстройки не является предметом политической экономии, однако она не может не учитывать их, поскольку вне изменений отношений надстроечного порядка невозможен переход от одной системы производственных отношений к другой. Политическая экономия в тех разделах, где она трактует переходы от одного способа производства к другому, обязана анализировать тот круг экономических отношений, изменение которых требует революционных акций, который, хотя и направлен на экономические отношения, выходит по природе своей за их пределы, выражает обратное, активное и в определенный момент решающее воздействие надстройки на судьбы экономического строя. При этом следует иметь в виду, что подобно тому, как различны отдельные способы производства по характеру соединения непосредственного производителя со средствами производства, т. е. по характеру основного производственного отношения, так же естественно должны быть различны и закономерные условия и формы перехода от одного способа производства к другому.

Одна из важных задач политической экономии в широком смысле и заключается в том, чтобы глубоко изучить специфику основного отношения каждого способа производства, условий и форм перехода от одного способа производства к другому.

Научный коммунизм сформировался как наука, открыв основное отношение капиталистического способа производства и определив пути его революционного превращения в коммунистический. К. Марксом была создана великая научная система политической

экономии капиталистического способа производства вообще и показаны не только объективные, но и субъективные предпосылки его гибели.

Вопрос о принципах создания научной системы политической экономии освещен В. И. Лениным в ряде его работ, прежде всего при анализе учебника Богданова. Работы Ленина по теории империализма развили систему политической экономии, научно обосновав движение капитализма в условиях, прямо противоположных свободной конкуренции, т. е. в условиях господства капиталистических монополий. В. И. Ленин дал анализ докапиталистических форм производства, остатков крепостнических форм в условиях капитализма.

Наконец, опираясь на опыт строительства социализма, Ленин развил политическую экономию социализма, конкретизировав те положения, которые были высказаны Марксом и Энгельсом в дооктябрьский период. Однако создание системы политической экономии социализма не могло быть осуществлено до обобщения конкретного опыта социалистического развития. На VII экстренном съезде РКП(б) 8 марта 1918 г. в полемике с Бухариным Ленин говорил: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм,— мы ... этого сказать не можем»². Продолжая эту мысль, говоря, что неизвестно «...как будет выглядеть законченный социализм...»³, Ленин подчеркивал, что «...нет еще для характеристики социализма материалов. Кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»⁴.

Даже ныне, при значительных достижениях, имеющихся в развитии политической экономии, нельзя считать, что создана развернутая научная система политической экономии докапиталистических способов производства, что завершена работа по созданию научной системы политической экономии социализма.

Одной из актуальных задач политической экономии в широком смысле является изучение вопроса о переходных формах. Вопрос о переходных формах был поставлен и широко освещен В. И. Лениным в его многочисленных работах, посвященных развитию капитализма в России, и в работах по империализму. Громадный арсенал теоретических положений находится в ленинских работах, созданных им в период руководства подготовкой Октября, а затем и в процессе руководства социалистическим строительством в переходный период. Проблемы переходных форм подверглись многостороннему изучению и обобщению на основе практического опыта переходного периода от капитализма к социализму. И хотя здесь многое было от специфических особенностей социалистического строительства в относительно экономически отсталой стране, научное обобщение этого опыта дало громадный материал для общетеоретических выводов.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 65.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 66.

Многочисленные теоретические положения, развитые Лениным в связи с процессами перехода от феодализма к капитализму, в особенности после падения крепостного права, а также в связи с переходным периодом после победы социалистической революции, являются теоретической основой многих научных исследований в современном мире. Однако значительно меньшим вниманием пользовались высказывания Ленина о переходных формах в эпоху монополистического капитализма. Ленинская характеристика монополистического капитализма как надстройки над капитализмом вообще дает нам указание о логическом месте теории монополистического капитализма в системе категорий политической экономии капиталистического способа производства. Характеристика империализма как высшей стадии развития капитализма выявляет не только историческое место монополистического капитализма в развитии капиталистического способа производства, но и предельную логическую ступень в анализе капитализма. Характеристика империализма как умирающего капитализма, сердцевиной которой является определение монополистического капитализма как носящего переходный характер, дает ключ к пониманию того, что в недрах капитализма начали возникать и развиваться производственные отношения, находящиеся в противоречии с его основами, подрывающие их. Монополия означает появление элементов планомерности в процессах капиталистического хозяйствования.

В статье «Три источника и три составные части марксизма», написанной за три года до работы «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин писал: «Побивая мелкое производство, капитал ведет к увеличению производительности труда и к созданию монопольного положения союзов крупнейших капиталистов. Самое производство становится все более общественным,— сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм,— а продукт общего труда присваивается горстью капиталистов»⁵. Таким образом, Ленин связывал планомерность с появлением монополий. О государственно-монополистическом капитализме пока еще не шла речь.

Конечно, существует коренное отличие планомерности, возникающей путем ликвидации капиталистической собственности, и элементов планомерности, рождаемых в ходе перерастания свободной конкуренции в монополию. Однако монополия означает появление нового, неизвестного капитализму свободной конкуренции явления — появляются элементы планомерности в процессе воспроизводства капитала. Коренной признак, отличающий капиталистически-монополистическое предприятие от предприятия капитализма свободной конкуренции, заключается в том, что при свободной конкуренции предприятие производило столько товаров, сколько оно могло произвести при наличном собственном и заемном капитале. Границей производства был капитал. Величина

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

рынка была неизвестной. Обязательным признаком предприятия в качестве капиталистически-монополистического является производство с учетом возможной емкости рынка, эластичности спроса. В зависимости от этих моментов монополия определяет, оставлять ли производство данного продукта в неизменном масштабе или расширять или даже сокращать его, с тем чтобы достигнуть максимально высокой прибыли.

При капитализме свободной конкуренции был один путь борьбы за повышение прибылей, если сфера производства была уже избрана: снижение издержек производства и расширение производства. При монополистическом производстве этот путь не исключен, поскольку производство по-прежнему остается капиталистическим, если рынок данного продукта эластичен и расширяется. Но не этот путь специфичен для монополистического капитализма. Специфика монополистической формы производства заключается в возможности сознательного установления величины цены при определенном объеме производства. Таким образом, объем производства данной монополии определяется не самой по себе величиной капитала, а сознательным выбором пути, при котором можно достичь максимума прибылей. Возможность сознательного действия определяется мощностью и удельным весом монополистического предприятия в отрасли или в регионе, степенью преодоленности механизма свободной конкуренции. Последняя же определяется не только экономической мощностью монополии, но и масштабами концентрации производства на данной ступени развития производительных сил в данной сфере общественного производства.

В данном случае плановость не охватывает всего общественного производства, взятого в целом, и никогда не охватит его, пока существует институт частного предпринимательства (и поэтому качественно это есть всегда неполная плановость). Эта плановость, приходящая на смену свободной конкуренции, не может отменить конкуренции и стать всеобщей.

Чем же объяснить, что это положение о плановости не было использовано в критике теории организованного капитализма? Причина заключается в том, что теоретически в тот период не проводилось достаточно очевидного разграничения в системе производственных отношений, имеющих основополагающее значение для экономического строя, и отношений, хотя и важных, необходимых, но не характеризующих основную черту способа производства.

Дискуссия по поводу макета учебника политической экономии, который вышел под грифом Института экономики АН СССР, сыграла большую роль уже потому, что в результате ее было развито положение об основном экономическом законе способа производства. Как бы ни характеризовали отдельные авторы основное отношение и основной экономический закон, важно то, что проблема основного отношения способа производства была поставлена.

Одно из коренных отличий основного отношения от всей совокупности других производственных отношений заключается в том, что оно отражает общественный способ соединения непосредственного производителя со средствами производства. Ни одно из существующих определений основного отношения в конечном счете не может обойтись без этого генерализирующего признака. Изменение способа соединения рабочей силы со средствами производства предполагает внеэкономическое вмешательство в отношения собственности и может быть осуществлено только революционным путем. Именно этим отличается основное производственное отношение от всех других производственных отношений, которые возникают в порядке эволюционного развития.

Развитие отношений, возникающих эволюционным путем, происходит также далеко не однозначно. Одни из них органически связаны с самой системой производственных отношений как определенной законченной целостностью, в то время как другие выражают новую ступень развития производительных сил, переросших данную форму производственных отношений, потребность в смене способа производства, назревшее противоречие между ушедшими вперед производительными силами и отставшими от них производственными отношениями. В условиях, при которых смена способа производства еще не произошла, т. е. не произошло революционное изменение способа соединения непосредственного производителя со средствами производства, последние отношения приводят к появлению таких форм, которые являются как бы способом приспособления их к уровню развития производительных сил. Монополистический капитализм как выражение высокой ступени обобществления производства в определенной форме выступает как материально-экономическая предпосылка нового строя.

Рассматривая вопрос о трудностях социалистической революции в России, Ленин писал: «Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, вырастающей из феодализма, в недрах старого строя постепенно создаются новые экономические организации, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача — смести, отбросить, разрушить все пути прежнего общества...

В совершенно ином положении революция социалистическая... Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные»⁶.

Обязательная необходимость решения этих задач социалистической революцией не означает, что капитализмом не создаются экономические формы, которые могут быть использованы в условиях социализма.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 5—6.

«Отличие социалистической революции от буржуазной,—писал В. И. Ленин,— состоит именно в том, что во втором случае есть готовые формы капиталистических отношений, а Советская власть — пролетарская — этих готовых отношений не получает, если не брать самых развитых форм капитализма, которые, в сущности, охватили небольшие верхушки промышленности и совсем мало еще затронули земледелие»⁷.

В. И. Ленин ставит вопрос о различии между буржуазной и социалистической революциями не в абстрактно-теоретической, а в конкретно-исторической плоскости, говоря о тех громадных задачах по организации нового общества, которые стояли перед Советской властью, осуществлявшей социалистическую революцию в сравнительно отсталой стране. Здесь Ленин говорит «об одном из основных различий», а не об основном или о решающем различии.

Между тем рассмотрение этого вопроса возможно также и с другой стороны, а именно, абстрагируясь от специфических проблем перехода к социалистическому строю в условиях сравнительно отсталой страны. Буржуазная революция сама по себе не устанавливает какого-либо нового строя. Сознательная, организованная акция буржуазной революции заключается в разрушении всего того, что мешает утверждению новой системы производственных отношений как господствующего способа производства. Но само развитие производственных отношений нового способа производства осуществляется стихийно. Буржуазная революция не есть организатор капиталистического производства. При этом очень важно подчеркнуть, что поскольку ликвидируется условие феодального общества — личная зависимость, постольку создается условие установления нового, специфически капиталистического отношения между собственником средств производства и непосредственным производителем, т. е. нового основного производственного отношения. Сохранение тех или иных феодальных препоп развитию капитализма не исключает возникновения основного производственного отношения капитализма. Революция лишь раскрывает простор капитализму, а не создает его.

Коренным образом отлично обстоит дело с процессом социалистической революции. Социалистическая революция не просто разрушает старые, капиталистические отношения. Она не может ограничить своих задач разрушением старых порядков. Если исключить кооперативные формы производства при капитализме, в которых как бы снимается основное производственное отношение капитализма, то предпосылки нового строя при капитализме означают наличие таких экономических форм, которые рождаются процессом капиталистического обобществления, но которые по природе своей не соответствуют частной, товарной

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 6—7.

основе капитализма и требуют не частного, а общественного управления. Установление общественного управления обобществленным производством требует упразднения частной собственности на средства производства.

Таким образом, социалистическая революция не просто устраняет препятствия на пути социализма, но и ставит на место капиталистической собственности на средства производства социалистическую собственность на них. Тем самым создаются необходимые условия для появления социалистической формы хозяйствования. Средства производства, являющиеся объектом собственности всего общества, становятся и объектом его хозяйствования. На этой основе осуществляется возможность утверждения нового основного производственного отношения. Победа основного производственного отношения социализма предполагает такой уровень обобществления, который допускает возможность планомерного ведения хозяйства в масштабе всего общества. Он подготавливается процессом развития капитализма.

В этом важнейшая историческая миссия капитализма. Обобществление производства как результат развития производительных сил находит свои очевидные формы выражения в формах производственных отношений, которые вступают в противоречие с отношениями частного присвоения, составляющими неотъемлемое, определяющее свойство капиталистических производственных отношений. Таким образом, противоречие между производительными силами, созданными развитием капитализма, и его производственными отношениями находит свое выражение в противоречиях самой системы производственных отношений. Эти противоречия требуют планомерного ведения хозяйства в масштабе **всего общества**. Но такое ведение хозяйства исключено при капитализме. Ибо такое ведение хозяйства означает уничтожение капиталистической собственности. Таким образом, подготовка предпосылок планомерного хозяйствования в масштабе общества никогда не может быть превращена в условиях капитализма в реальное осуществление этого хозяйствования в масштабе общества.

Маркс писал: «Капиталистические акционерные предприятия, как и кооперативные фабрики, следует рассматривать как переходные формы от капиталистического способа производства к ассоциированному...»⁸.

Акционерные предприятия, конечно, остаются капиталистическими. Даже кооперативные фабрики, по Марксу, хотя «...в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом...», «...они всюду, в своей действительной организации, конечно, воспроизводят и должны воспроизводить все недостатки существующей системы»⁹.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 484.

⁹ Там же, с. 483.

Но акционерные предприятия — это такие «экономические формы», которые сами по себе не подрывают общую основу капиталистического способа производства, свободную конкуренцию и товарное производство. Развитие данного явления поднимается на новую, качественно отличную ступень, когда свободную конкуренцию заменяет господство капиталистических монополий.

Господство капиталистических монополий означает возникновение того экономического отношения, которое подрывает товарное производство и которое сводится к реальному проявлению элементов планомерности хозяйствования капиталистических предприятий-монополий.

Критикуя проект Эрфуртской программы, Энгельс говорил, что поскольку тресты монополизуют целые отрасли, прекращается то состояние, которое называется «отсутствие планомерности»¹⁰. Напомнив это положение Энгельса, Ленин указывал, что «...товары производятся... трестами не анархически, а по учету...»¹¹. При этом Ленин подчеркивал, что «картели и тресты, объединяя производство, в то же время усиливали на глазах у всех анархию производства...»¹².

Таким образом, при монополистическом капитализме налицо не анархичность производства трестов, а анархичность всего общественного производства.

И это состояние характерно и для государственно-монополистического капитализма, о котором Ленин говорил, что он «...есть полнейшая материальная подготовка социализма...»¹³, что при нем «механизм общественного хозяйничанья... уже готов»¹⁴.

В наибольшей мере такой «механизм» был развит к концу первой мировой войны в Германии. Сравнивая Германию с Америкой, Ленин писал: «Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки»¹⁵.

Государственно-монополистический капитализм есть высшая ступенька выражения того, что «...империализм есть умирающий капитализм, переходный к социализму...»¹⁶.

Переходность не означает, конечно, что этот переход может произойти эволюционно. Без политической власти рабочего класса такой переход не может произойти.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 234.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 362.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 22.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 193.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 33, с. 50.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 157.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 165.

Говоря о том, что и социализм немислим «...без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов»¹⁷, Ленин подчеркивал: «Социализм немислим, вместе с тем, без господства пролетариата в государстве: это тоже азбука»¹⁸.

Социализм предполагает, таким образом, два условия — экономическое и политическое.

Капитализм подготавливает экономические условия социализма. Однако общество может стать социалистическим лишь при политической власти рабочего класса, Ленин писал, что история «...родила к 1918 году две разрозненные половинки социализма, друг подле друга, точно два будущих цыпленка под одной скорлупой международного империализма. Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма, с другой стороны»¹⁹.

На монополистической стадии капитализма, в особенности в его государственно-монополистической форме, создаются такие экономические формы, которые после революции и при победе всенародной собственности над собственностью капиталистической становятся социалистическими.

Прежде всего это те формы экономических отношений, которые выражают неизбежность планомерных методов ведения хозяйства, вырастающих из процессов обобществления: элементы планомерности в масштабе целых отраслей, в отношениях между агентами капиталистического производства, в сфере кредита и банковского дела, в прямых опытах народнохозяйственного планирования (которое, хотя и не может быть в действительности осуществлено в рамках частной собственности, однако становится такой формой учета и регулирования, которая может быть использована как момент хозяйствования в масштабе общества при условии замены капиталистической собственности всенародной). Эти формы многообразны, все они есть результат процессов обобществления и свидетельствуют о подрыве товарных отношений.

Но товарные отношения являются исходной основой капитализма. Господство монополий есть подрыв исходной основы капитализма. Этот подрыв осуществляется не где-то в стороне, рядом с капиталистическим производством, а есть выражение его новой ступени, ступени его умирания как способа производства. Однако умирание не есть смерть этого способа производства и появление нового. Несмотря на подрыв товарного производства, основное отношение капитализма продолжает существовать.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 300.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Предпосылки капиталистического способа производства возникают в условиях феодального способа производства. Но дело не только в этом.

Новые экономические формы буржуазного общества, рождаемые в условиях феодализма, могут быть и отношениями, характеризующими способ соединения непосредственного производителя со средствами производства.

Рождение нового, капиталистического основного производственного отношения происходит за пределами феодального поместья. При капитализме возможно сосуществование разных основных производственных отношений.

Новые экономические формы, которые подготавливаются в ходе развития капитализма, не касаются основного отношения способа производства.

Как отношение феодализма есть отношение между отдельным непосредственным производителем и конкретным феодалом, так и отношение капитализма есть отношение между отдельным непосредственным производителем и конкретным капиталистом. Классовые отношения капиталистического и феодального способов производства непосредственно себя реализуют в единичных отношениях единичных производителей и единичных собственников. Между тем природа социализма предполагает ассоциацию в масштабе всего общества, где с общественными средствами производства соединяется ассоциированный производитель, которому они и принадлежат. Таким образом, установление социалистического основного производственного отношения означает обобществление в масштабе всего общества. Ленин говорил, что социализм «...есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра, которое может быть проведено только пролетариатом...»²⁰. В «Замечаниях на проект «Положения об управлении национализированными предприятиями» он писал: «...общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли»²¹. «Отнять право,— продолжал Ленин,— у всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны, как это вытекает из проекта комиссии, было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом»²².

Отмирание капитализма может произойти только тогда, когда исчезнет его основное производственное отношение. Пока существует основное производственное отношение капитализма, капитализм продолжает существовать в переходной форме, находящейся в конфликте с его основами, продолжая при этом оставаться капитализмом. Понимать это тем более важно, что вопрос о

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 422.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 392.

²² Там же.

переходных формах применительно к исследованию системы капитализма является предметом острейшей идеологической борьбы.

При переходе к капитализму, когда ликвидируется личная крепостная зависимость крестьян от помещиков, возникает рынок свободной рабочей силы. Но это еще не есть капитализм. Капитализм означает, что происходит соединение лично, юридически свободного непосредственного производителя с чужими средствами производства на основе товарной сделки. Долгое время после ликвидации личной зависимости сохраняются старые, полуфеодалные формы производства. Но они обречены на постепенное вымирание, ибо создано условие основного производственного отношения капитализма, а условие основного производственного отношения феодализма уже ликвидировано.

Главное условие перехода от капитализма к социализму — ликвидация крупной капиталистической собственности, превращение ее в объект общенародной собственности.

Советский Союз построил развитое социалистическое общество. Фундаментом всех успехов советского народа были коренные преобразования в экономическом строе, которые дали возможность создать мощный экономический потенциал страны.

Ликвидация помещичьей и капиталистической собственности и социалистическое преобразование мелкотоварного производства явились необходимыми формами возникновения социалистического уклада, победа которого в масштабе общества привела к установлению основ социалистического строя в стране. Укрепление социалистических производственных отношений оплодотворило созидательную деятельность советского народа, что обеспечило гигантский рост производительных сил, масштабов общественного производства и подъем социализма на новую ступень в его закономерном движении к коммунизму, на ступень развитого социализма.

Из партийных документов последнего периода очевидно, что при определении качественно новой ступени развития способа производства необходимо учитывать как состояние производственных отношений, так и уровень развития производительных сил и объем и структуру материального производства. Эта методологическая установка предопределила выбор характерных черт развитого социализма. Определяющая черта этой новой ступени заключается в таком упрочнении социалистических производственных отношений на базе высокоразвившихся производительных сил, реализовавших себя в многократно возросшем общественном производстве, в результате которого они предстали как развитая система, в которой в очевидной форме получили простор экономические законы, выражающие самую глубокую суть новой, непосредственно-общественной, планомерной формы общественного производства.

Создание системы развитой социалистической экономики по-новому поставило вопрос о соотношении экономических законов социализма и экономической политики партии и государства, задач народнохозяйственного планирования и методов решения поставленных экономических задач.

Структура совокупного общественного производства и состав производительных сил советского общества создали возможность комплексного решения задач экономического строительства, что создает простор для действия закона планомерного развития, являющегося тем экономическим законом, без которого не может действовать ни один другой экономический закон социалистического производства.

Но возможность комплексного решения задач экономического строительства означает такую зрелость социалистической экономики, когда высшая цель социалистической экономики, определяемая основным экономическим законом коммунистического способа производства, низшей фазой которого является социализм, становится *непосредственной* задачей не только перспективных планов, но и текущих.

Задачи их определяются уже не созданием отдельных звеньев, которых недоставало в технической и материально-вещественной цепи исторически данной экономической структуры, а основным экономическим законом, который находит свое прямое выражение в коренных задачах народнохозяйственных планов. Конечно, каждый новый этап в развитии приносит и новые формы реализации целей, полагаемых основным экономическим законом. Но как бы ни различались эти конкретные цели, они находятся в плоскости спектра целей, *непосредственно* вытекающих из основного экономического закона.

Основная экономическая задача народнохозяйственных планов не является уже искомой. Речь идет лишь о конкретной форме ее выражения. Между тем в переходный период, да и в период победы социализма в основном ни одна главная задача перспективных и текущих планов не находилась ни в какой непосредственной связи с основным экономическим законом.

Не означает ли это отрицание действия основного экономического закона социализма в период победы социализма в основном? Нет, не означает. Речь шла не о том, что какие-то другие законы определяли направление экономического развития, а о том, что не было непосредственной внешне очевидной формы проявления действия этого, основного экономического закона в практической народнохозяйственной деятельности, определявшей процесс социалистического производства на предстоящий период.

Действие всякого экономического закона опосредствуется многими факторами, выходящими за пределы его сущности, но могущими и изменять формы его проявления и мешать его проявлению более или менее длительный период. Объем и структура общественного производства — немаловажные факторы, которые

не меняют сущности экономического закона, но которые вносят существенные коррективы в формы его действия. Производственные отношения есть форма развития производительных сил, форма движения общественного процесса производства. Было бы странно, если бы состояние этого содержания, опосредуемого производственными отношениями как общественной формой, не воздействовало на формы действия и проявления закона, выражающего сущностные связи, свойственные этим производственным отношениям.

Открыть простор действию тех или иных экономических законов — это значит, что вся совокупность законов действует как **система**, что объему и структуре производства и производительным силам соответствует характер производственных отношений.

Конечно, постоянного соответствия производственных отношений уровню производства и производительным силам быть не может. И не только потому, что в общественном процессе примат принадлежит производительным силам — наиболее подвижному элементу его. И другие элементы этого процесса, подчиненные общему закону соответствия, сохраняют относительно самостоятельное движение таким образом, что то один, то другой становится фактором возникновения несоответствия и противоречий и требует приведения всех элементов этого единства во взаимное соответствие.

Диалектика общественного процесса производства и противоречия между элементами этого процесса — постоянное явление. Но диалектика, ядром которой является развитие через противоречия, не только не отрицает разности характера противоречий и форм его движения и разрешения, но и предполагает их.

Диалектика предполагает эволюционные и революционные формы движения, вытекающие из самого характера противоречий, подлежащих разрешению. И те и другие формы разрешения противоречий не носят мгновенного характера, и время, необходимое для их разрешения, зависит не только от характера этих противоречий, но также от всей совокупности условий, в которых движется единство, элементы которого находятся в состоянии несоответствия.

Создание основ социализма означает помимо того, что завершён переходный период от капитализма к социализму, ещё и то, что не все элементы движущегося нового способа производства налицо. При этом отсутствие тех или иных элементов не локализуется ни структурой производства, ни производственными отношениями, ни производительными силами. Они могут быть во всех трех моментах единства.

Решающим критерием развитого социализма является степень зрелости тех отношений социализма, которые составляют ядро всей системы производственных отношений социализма, которые коренным образом отличают его от капитализма и которые характеризуют его как фазу коммунистического способа производства.

Поэтому основным критерием является состояние производственных отношений, а в совокупности производственных отношений — состояние главных, единых для низшей и высшей фазы производственных отношений.

Выход на простор закона планомерного развития и основного экономического закона, находящих свое выражение в возможности комплексного развития экономики и в совпадении основных задач народнохозяйственных планов с содержанием основного экономического закона социализма — вот главные критерии утверждения развитого социализма.

Именно с этим связана и другая решающая характеристика развитого социализма как социализма непосредственно перерастающего в коммунизм.

Здесь необходимо выделить два момента.

Непосредственное перерастание означает органическое единство коренных производственных отношений: того, что перерастает, с тем, во что перерастает. Без этого единства в коренном непосредственном перерастании было бы невозможным.

С другой стороны, очевидно, что формула о непосредственном перерастании имеет в качестве альтернативы формулу о перерастании, которое еще не носит непосредственный характер. Победа социализма в основном уже есть создание самых общих основ коммунистического способа производства. Развитие социализма на всех его этапах представляет собой процесс перерастания.

Непосредственное перерастание есть определенное состояние перерастания. Поэтому формула о непосредственном перерастании есть более конкретная характеристика процесса перерастания.

Формула о непосредственном перерастании социализма в коммунизм есть другая сторона формулы о развитом социализме.

Развитой социализм — новая ступень социализма.

Но эта ступень социализма открывает и новые возможности для познания закономерностей социализма. Вышедшие на простор экономические законы социализма создают возможность познать производственные отношения социализма как развитую систему и вместе с тем поднять на новый уровень познание закономерностей процесса перерастания социализма в коммунизм.

Непосредственный процесс перерастания социализма в коммунизм означает, что на авансцену начинают выходить такие экономические проблемы, которые на предшествующем этапе выступали как элементы общего комплекса задач, которые возникнут в отдаленной перспективе. Развитой социализм представляет собой экономически развитую систему производственных отношений социализма. И она именно непосредственно перерастает в систему производственных отношений коммунизма как высшей фазы.

Переход из состояния социализма, построенного в основном, к социализму развитому означает подъем на новую ступень

всех слагаемых социалистической экономики. Однако принципиально, качественно уровень производительных сил, а также производственных отношений в пределах социализма един.

На XXIV съезде КПСС было отмечено, что производственные отношения социализма, построенного в основном, и развитого социализма являются едиными. Развитой социализм превращает совокупность производственных отношений социализма в развитую систему производственных отношений, вышедших на простор.

Производственные же отношения низшей и высшей фаз коммунизма отличаются друг от друга по составу производственных отношений.

На низшей фазе имеются такие производственные отношения, которых не будет на высшей фазе. Также и на высшей фазе утвердятся такие производственные отношения, которые не характерны для низшей фазы коммунизма.

Таким образом, состояние системы производственных отношений высшей фазы коммунизма будет существенно отличаться от состояния системы производственных отношений низшей фазы коммунизма.

Однако между этими двумя состояниями имеется единство в коренном, именно поэтому возможно непосредственное перерастание социализма в коммунизм в условиях развитого социализма.

Что следует понимать под коренными отношениями, которые объединяют высшую и низшую фазы коммунизма в единый коммунистический способ производства?

Костяком всего способа производства является способ соединения непосредственного производителя со средствами производства. Непосредственно-общественное соединение общественных средств производства с ассоциированной рабочей силой членов общества составляет то коренное общее, что объединяет социализм и собственно коммунизм в единый способ производства. Непосредственно-общественный труд каждого отдельного члена общества и непосредственно-общественный характер включения в систему совокупного общественного производителя каждого отдельного звена производства — вот что характерно для обеих фаз и объединяет обе фазы коммунизма. Это значит, что планомерная, непосредственно-общественная организация общественного производительного процесса составляет общую и единую черту обеих фаз коммунистического способа производства.

Не случайно коренная задача в эпоху перерастания социализма в коммунизм заключается в создании прежде всего материально-технической базы коммунизма, которая в совокупности с определенным состоянием субъективного фактора производства составляет производительные силы коммунистического общества.

Как ни масштабна путь, пройденный от создания основ социа-

лизма до создания развитого социализма, тем не менее еще более масштабны те изменения, которые должны произойти в экономике развитого социализма в процессе его непосредственного перерастания в коммунизм.

Чтобы осуществить процесс непосредственного перерастания, необходимо пройти такие рубежи и в масштабе, и в структуре производства, и в структуре производительных сил, и в развитии системы производственных отношений, которые требуют новых средств решения экономических задач.

Экстенсивные процессы развития экономики уступают место преимущественно интенсивным путям. Без этого не может быть сделан решающий шаг в изменении параметров общественного производства, являющихся условием создания производительных сил, адекватных высшей фазе коммунизма. Без них невозможно утверждение тех отношений производства, которые специфичны именно для высшей фазы коммунистического способа производства.

Строительство материально-технической базы социализма было обязательным условием победы социалистических производственных отношений в странах, где капитализм не осуществил преобразования общественного производства на базе крупной машинной индустрии, хотя и создал необходимые материальные предпосылки для строительства социализма в условиях ликвидации капиталистической собственности. Но такое строительство не является всеобщей закономерностью.

Между тем строительство материально-технической базы коммунизма является всеобщей закономерностью, обязательной для страны любого уровня развития, ставшей на путь строительства коммунизма.

Как ни значительны успехи реализации достижений научно-технической революции в передовых капиталистических странах, однако именно научно-техническая революция с особой силой обнажила противоречия между современным уровнем развития производительных сил, связанным с достижениями научно-технической революции, и производственными отношениями капитализма. Они находят свое выражение в нарастающих противоречиях экономики капитализма.

Органическое соединение достижений научно-технической революции с производственными отношениями капитализма исключено в силу характера научно-технической революции и в силу характера капиталистических производственных отношений.

Крупная машинная индустрия была основой победы капитализма как экономического строя. Но она вместе с этой победой принесла с собой клубок противоречий, неразрешимых на базе капитализма. Монополистический и государственно-монополистический капитализм являются попыткой капитализма выйти за рамки этих противоречий, требующих общественного управления

производительными силами, носящими общественный характер. Обобществление производства как непреложный закон экономического развития на базе крупной машинной индустрии с той же непреложностью требует и обобществления управления.

Как экономической эрзац этого обобществления и выступает монополистический капитализм и его государственно-монополистическая форма.

Монополия, сменившая свободную конкуренцию и принесящая с собой специфически капиталистическую планомерность, планомерность для выколачивания монопольных сверхприбылей, не только не устранила основного противоречия, но сделала его еще более острым и породила тот новый круг явлений, который был охарактеризован Лениным как одна из решающих черт монополистического капитализма — его загнивающий и паразитический характер. Научно-техническая революция, несущая новые перспективы развития всех элементов производительных сил, еще ярче подчеркнула правильность этих характеристик монополистического капитализма, как капитализма загнивающего и паразитического.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии это нашло свое выражение в положении о том, что капитализм не может обеспечить необходимых условий для реализации достижений, вытекающих из научно-технической революции.

В чем принципиальная особенность той ступени в развитии производительных сил, которая связана с научно-технической революцией?

Она заключена в том, что революционные сдвиги должны произойти во всех определяющих элементах производительных сил, прежде всего в самом человеке. Ленин характеризовал человека, работника, как главный элемент производительных сил. Эта характеристика приобретает особое значение в условиях современной научно-технической революции. Развитие крупной машинной индустрии сопровождалось на первых исторических ступенях ее капиталистического развития деградацией того типа работника, который сформировался в эпоху мануфактуры. Научно-техническая революция требует уже нового работника, находящегося на уровне техники и технологии, связанной с научно-технической революцией. Его технический и образовательный уровни должны соответствовать новым, коренным образом изменившимся требованиям производства.

Задача снижения стоимости рабочей силы в этих условиях вступает в острое противоречие с целью капиталистического производства — требованием повышения степени эксплуатации, повышения нормы прибавочной стоимости.

Только социализм осуществляет органическое соединение достижений научно-технической революции со своей системой производственных отношений.

Развитой социализм, при котором коренные производственные отношения социалистической экономики, являющиеся общими

преимуществами обеих фаз коммунизма, вышли на простор, создает возможность использования всех ее достижений. Вместе с тем те требования, которые научно-техническая революция предъявляет к современному работнику производства, являются целью социалистического производства. Гуманистический характер целей коммунистического (социалистического) производства полностью совпадает с требованиями научно-технической революции. Сознательный, образованный, развитый во всех отношениях работник — вот что является требованием основного экономического закона социализма. Он же стал и требованием научно-технической революции.

Современная постановка вопроса о строительстве материально-технической базы коммунизма означает прежде всего и в первую очередь решение задачи органического и полного соединения достижений НТР с преимуществами социализма. Это магистральный путь строительства материально-технической базы коммунизма.

Вместе с прогрессом в строительстве материально-технической базы коммунизма все более актуальной становится проблема перспектив отдельных элементов системы производственных отношений развитого социализма.

Чтобы найти пути к изучению этих перспектив, необходимо сведение всей совокупности производственных отношений в группы, каждая из которых займет свое место в общей структуре их.

Уже завоевало права гражданства деление всей совокупности отношений на четыре группы:

1) общекommунистические производственные отношения, возникшие в результате революционных преобразований переходного периода;

2) специфические лишь для социализма производственные отношения, но возникшие благодаря социалистической революции;

3) отношения, перешедшие от предыдущей общественной формы и преобразованные победой социализма;

4) элементы новых отношений, свойственных только высшей фазе коммунизма.

Задача совершенствования системы политической экономии социализма в связи с такими структурными группами производственных отношений требует разработки ряда важных в методологическом отношении вопросов.

Не противоречит ли признание наличия структурных групп производственных отношений методу восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному?

Каково соотношение системы политической экономии социализма и системы политической экономии коммунизма?

Те группы, которые охарактеризованы в самом общем виде, явились результатом тех коренных изменений в производственных отношениях, которые были осуществлены в результате победы

социалистического уклада, превращения его в господствующий и определяющий.

Можно утверждать, что эти структурные группы являются закономерными на социалистической фазе развития. Будут ли все элементы каждой структурной группы в каждой отдельной стране — это самостоятельный вопрос, подлежащий особому рассмотрению.

Будет правомерно предположить, что разный уровень обобществления, достигнутый еще в условиях капиталистического развития, внесет разнообразие в совокупность отношений каждой группы, но нет оснований утверждать, что какая-либо из групп будет отсутствовать в какой-либо стране, в зависимости от уровня развития.

Там, где мелкое производство, не связанное с наемным трудом, будет представлено более или менее значительной социальной группой, кооперативная форма, по всей вероятности, будет необходимой формой. Но утверждать, что эта форма обязательна для всех стран, нет достаточных оснований.

Подсобное хозяйство неизбежно будет существовать в тех странах, где сельскохозяйственное производство не будет высоко специализированным.

Оставляя в стороне эти конкретные ситуации для разных стран, необходимо иметь в виду, что без структурного расчленения производственных отношений нельзя подойти к актуальным проблемам политической экономии социализма, как они складываются в условиях развитого социализма, поскольку он является этапом непосредственного перерастания социализма в коммунизм.

Если структурные группы сложились в итоге победы социализма в основном, то новый этап, этап развитого социализма, будет периодом качественных изменений в производственных отношениях каждой группы. В этом суть характеристики этапа развитого социализма как этапа непосредственного перерастания социализма в коммунизм.

Все необходимые экономические формы при социализме являются закономерными элементами процесса создания зрелого коммунизма. И даже то, что отомрет на высшей фазе коммунизма, должно быть представлено в политической экономии коммунизма как форма, необходимая на определенной ступени созревания высшей фазы коммунизма.

Но из того, что тот или иной круг отношений был необходим на определенной ступени, нельзя делать вывода, что он равнокачествен другим отношениям.

Эволюция разных отношений разнокачественна.

Развитие содержания коренных производственных отношений, под которыми следует понимать исходное и основное отношения, играет определенную роль для судеб всей совокупности производственных отношений при социализме.

Характеристика каждого другого производственного отноше-

ния предполагает изучение его развития обязательно в связи с развитием исходного и основного производственных отношений.

Можно ли подойти к изучению процессов развития отношений распределения по труду, если отвлечься от развития планомерной организации производства и от развития основного производственного отношения социализма?

Ведь распределение по труду не является единственной формой распределения предметов потребления. Место каждой из специфических форм распределения определяется степенью развития содержания основного производственного отношения. Поэтому ключ к решению проблемы распределения находится в недрах основного экономического закона.

Можно ли что-нибудь понять в эволюции товарно-денежных отношений, если отвлечься от развития содержания непосредственно общественных отношений?

Ведь никакой собственной эволюции товарно-денежные отношения в условиях планомерной организации общественного производства не знают. Вся их эволюция определяется тем местом, которое им остается в процессе развития непосредственно-общественных отношений.

Конечно, каждое производственное отношение имеет свое собственное содержание и свою сущность, выражаемую через экономический закон данного экономического явления. Но самостоятельность закона не означает, что он независим от основного закона или от закона исходного отношения. Иначе мы утратили бы методологическое основание выдвижения тех или иных законов в качестве исходного или основного.

Между ними и каждым конкретным законом могут находиться другие законы, но исходное и основное отношения поэтому и выделяются, что они оказывают влияние, причем определяющее, на содержание других отношений. Больше того, изменение места и роли производственных отношений также зависит от развития содержания этих коренных законов.

Вытеснение того или иного вида производственных отношений также нельзя изучать без исследования того, каким другим производственным отношением оно вытесняется.

Поскольку эволюция развитого социализма есть непосредственное перерастание социализма в коммунизм, постольку изучение перспектив эволюции и развития содержания различных групп производственных отношений является центральной задачей политической экономии. Только в этом случае будет проявлен необходимый такт в подходе к исследованию процессов превращения социализма в коммунизм. Тогда будут обнаружены весьма различные процессы для разных групп производственных отношений.

Если же все производственные отношения, которые входят в систему социалистической экономики, рассматривать как однозначные, тогда процесс превращения социализма в коммунизм

будет представлен как процесс превращения всех наличных специфических производственных отношений в коммунистические.

Такой процесс представляется продуктом очевидного эмпиризма, а не диалектико-материалистического историзма.

Превращение социализма в коммунизм не означает перерастания всех производственных отношений при развитом социализме в коммунистические. Одни развиваются в коммунистические, другие превращаются в коммунистические, третьи отмирают.

§ 2. О ПРИМЕНЕНИИ ГЕНЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Повышенный интерес к методологическим проблемам — одна из особенностей современного этапа развития советской экономической науки вообще и политической экономии в особенности. Этот интерес объективно обусловлен возрастающими потребностями практики коммунистического строительства, необходимостью дальнейшего совершенствования системы планомерно организованного социалистического производства, глубокого проникновения в сущность и законы его развития, создания системы законов и категорий развитого социализма.

За последние десятилетия быстро возрастает число работ, специально посвященных методологическим проблемам политической экономии. Были опубликованы монографии, брошюры, сборники, статьи. Переводятся на русский язык труды экономистов и социологов различных школ и направлений. Идет оживленная полемика, обмен мнениями. Объектом этой полемики становятся все новые и новые проблемы. Если сравнить объект дискуссий десятилетней давности с современным состоянием проблемы, то можно легко обнаружить известное перемещение эпицентра дискуссий и изменение плоскости полемики. При этом важно уяснить, в каком направлении происходит это перемещение, каковы дальнейшие тенденции. Не претендуя на истину в последней инстанции, обратим внимание на следующие, по нашему мнению важные, процессы.

10—15 лет назад в центре всех дискуссий находился вопрос о том, применим ли метод «Капитала» к исследованию системы производственных отношений социализма или же коммунистический способ производства как качественно новый способ производства должен изучаться особым методом. Итогом этих дискуссий явилось почти всеобщее признание того, что метод «Капитала» должен быть последовательно применен и к исследованию социалистического способа производства. Главные усилия были направлены на более глубокое изучение методологических основ «Капитала» и творческое применение их к политической экономии социализма.

В это же время ясно обозначился и новый процесс. Огромные достижения кибернетики в области системного исследования неиз-

бежно поставили вопрос: нельзя ли применить кибернетический метод и к познанию экономических систем. На западе были сделаны многочисленные попытки такого рода при изучении экономических и социальных отношений. В нашей стране также начался активный процесс освоения кибернетических методов исследования. С позиций этого метода были получены положительные результаты при решении частных экономических задач прикладного характера. На этой основе предпринимаются попытки создать модель оптимально функционирующей социалистической экономики, правда, пока без особых практических результатов. Интерес к кибернетическим методам исследования в настоящее время весьма значителен. И сам по себе он представляет прогрессивное явление. Современная наука должна пользоваться всеми прогрессивными средствами, которыми располагает человечество.

Если специалист в области политической экономии, хорошо знающий метод «Капитала», овладеет и всем арсеналом кибернетических приемов, а специалисты в области кибернетики глубоко изучат метод «Капитала», то получится отличное сочетание. Однако в настоящее время иногда мы встречаемся с фактами односторонности, искусственно создаваемых попыток противопоставить один метод другому. Определенная часть специалистов в области политической экономии нигилистически отрицает какое-либо научное значение кибернетического подхода.

Буржуазные экономисты и социологи прямо противопоставляют кибернетический метод методу диалектического материализма, рассматривая его как более «высокую форму» научного познания, «опровержение» марксизма и т. п. С их точки зрения кибернетические методы — это настоящее и будущее науки, а диалектический материализм — это пройденный этап научного познания.

Метод «Капитала», впервые примененный К. Марксом при исследовании наиболее сложных, высокоорганизованных, генетически развивающихся систем общественно-экономических формаций, дал результаты всемирно-исторического значения.

Многое из того, что «открыто» современной кибернетикой при анализе менее сложных систем, уже давно было открыто и последовательно использовано автором «Капитала». Современные достижения кибернетики позволяют по-новому прочитать «Капитал», увидеть в нем многое из того, что раньше недооценивалось или не замечалось. Кибернетика — это не опровержение метода «Капитала» и не переход на какие-то принципиально новые методологические позиции, о которых раньше будто бы никто не знал, а еще одно из конкретных подтверждений правильности и жизненности марксистского метода при исследовании общественно-экономических систем. Кибернетический подход не находится за пределами диалектического метода.

Нельзя брать кибернетический метод изолированно от диалектического метода, рассматривать его как совершенно особый метод и выдавать за универсальный и наиболее эффективный метод изу-

чения всех систем, «наивысшую» форму познания, иначе на этом пути будут допущены серьезные ошибки. Из всей совокупности связей целостной системы кибернетический метод «высвечивает», выделяет лишь строго определенный круг. Поэтому он односторонен, неизбежно огрубляет реально существующие связи и отношения, особенно генетического характера, опускает многое из того, что нельзя опускать с позиций диалектического метода. Диалектический метод включает в себя все те связи, которые проанализированы кибернетиками, однако нельзя утверждать противоположное — будто кибернетический метод включает в себя все связи, отмеченные диалектикой, и сверх того выделяет какие-то новые, неизвестные ранее связи. Вот почему вопрос о соотношении названных методов, границ их применения приобретает существенное практическое значение.

* *
*

В настоящее время некоторые экономисты начинают отрицать возможность и необходимость какой-то единой системы категорий и законов политической экономии социализма. Полагают, что можно и нужно создать много разных «логических схем», построенных по разным критериям и характеризующихся своим составом категорий и законов, своей субординацией и соподчиненностью. Каждая из таких «логических схем» имеет «равноправное» научное значение. Утверждается, что только совокупность таких разных «логических схем», «снятых» с различных «наблюдательных пунктов», позволит отразить изучаемую экономическую систему в целом. Так, например, В. Черняк пишет: «Следовательно, в зависимости от критерия, положенного в основание классификации, экономическую систему можно анализировать в четырех аспектах на основе: 1) отношений собственности, 2) стадий воспроизводственного процесса, 3) субъектов отношений и 4) материально-вещественного фактора производства»²³.

Обратим внимание прежде всего на тот факт, что в этом перечне «критериев» отсутствует тот критерий, который был положен Марксом в основу «Капитала» при исследовании капиталистической системы производственных отношений, — принцип историзма, единства логического и исторического. И это, как увидим в дальнейшем, далеко не случайно.

В. Черняк предлагает четыре критерия для построения четырех логических схем. Но почему только четырех? Уж если предлагается равноправность различных логических схем, построенных по различным критериям, то почему нельзя увеличить количество этих

²³ Черняк В. Вопросы системного анализа экономических отношений. — «Экономические науки», 1973, № 10, с. 13.

критериев до 10, 15, 20? Ведь любая экономическая система имеет неограниченное число «измерений», «срезов» и т. п. Почему не попробовать, например, создать логические схемы по таким критериям, как формы продукта труда, экономические интересы, экономические законы, формы труда и т. п.?

Реализация предложений В. Черняка, на наш взгляд, привела бы либо к односторонне механическому изображению системы, либо к тому, что под разными названиями и в разной последовательности во всех логических схемах будет представлен один и тот же круг реальных производственных отношений. В самом деле, можно ли построить логическую схему по критерию «отношений собственности», не рассматривая в ней отношений производства, распределения, обмена и потребления, субъектов отношений и материально-вещественной основы этих отношений? Очевидно нельзя, ибо в противном случае отношения собственности окажутся пустышкой. Столь же бессмысленно рассматривать субъекты отношений вне отношений собственности и материально-вещественных факторов производства. Нельзя рассмотреть и материально-вещественную сторону в отрыве от отношений собственности, субъектов отношений, ибо различные отношения собственности дают различную материально-вещественную структуру. Каждый из этих элементов, взятый отдельно, вне целостной системы, лишится своих специфически-системных качеств и потому его отражение в науке получится односторонним и даже искаженным. Если же все эти элементы берутся в рамках целостной системы, то характеристика одного неизбежно требует и характеристики другого, и потому под разными названиями будет изложен один и тот же круг связей, отношений, зависимостей.

К. Маркс в «Капитале» отразил всю «многослойность», «многомерность» современной ему системы производственных отношений капиталистического способа производства. В нем нашли отражение и отношения собственности, и субъекты отношений, и экономические интересы, и фазы воспроизводства, и материально-вещественная основа, и формы труда, и формы продукта, и экономические законы — вся многогранная совокупность отношений в единстве ее сущности и форм проявления. Но для этого Марксу не потребовалось создавать множество логических схем по различным критериям. Он пользовался одним критерием — принципом историзма, единства логического и исторического. Все категории и законы субординированы не по произволу того или иного исследователя и не с позиции того или иного субъективно выбранного критерия, а с позиций отражения объективной логики исторического развития данной системы, начиная с ее простейших, элементарных форм и кончая наиболее сложными и развитыми. И только такой подход позволил понять капиталистический способ производства как единую, целостную, генетически развивающуюся систему. Такой же метод использован В. И. Лениным при исследовании империализма как высшей стадии капитализма.

Диалектический метод, примененный классиками в области экономических исследований, дал результаты всемирно-исторического значения, и это является самым серьезным основанием для того, чтобы последовательно применить этот метод к исследованию социалистической системы производственных отношений.

Диалектический метод по самой своей сути является системным методом, но не просто системным, а генетически-системным. Это особенно важно подчеркнуть в связи с тем, что в настоящее время некоторые авторы из числа буржуазных ученых пытаются, с одной стороны, противопоставить системный метод диалектическому методу Маркса и представить его в качестве более высокой формы научного познания, чем диалектический метод, а с другой стороны, под флагом системного подхода пытаются протащить формально-системный подход в отличие от генетически-системного.

А. Франк, характеризуя различия между системным, структурно-функциональным подходом и диалектическим методом Маркса, пишет: «Имеется огромная разница в вопросе, который функционализм и диалектика ставят в отношении целого. Функционалисты... интересуются тем, как целое объясняет часть. О самом целом как таковом они вовсе не ставят вопроса, они не ставят вопрос, почему или как оно существует, откуда оно произошло, нравится ли оно им или нет. Они просто принимают существующую целостную систему, охотно принимают ее социальную структуру такой, какой находят ее. В лучшем случае они пытаются понять и переделать какую-то ее часть. Марксизм же, наоборот, в первую очередь анализирует и объясняет происхождение, природу и развитие целостной социальной системы и ее социальной структуры в целом и затем принимает полученное таким образом понимание целого как необходимую основу для анализа и понимания ее частей»²⁴.

Итак, представителей системно-функционального подхода вопрос о возникновении, генезисе и тенденциях дальнейшего развития целого не интересует. Для них главное — это взаимодействие, связь частей внутри любого целого, независимо от того, как оно возникло. Сама по себе диалектика развития, перехода одного в другое их не интересует. Это и есть формально-системный подход в отличие от генетически-системного, характерного для диалектического метода.

Советские экономисты не противопоставляют системный подход диалектическому методу. Но иногда характеризуют сущность системного метода в такой форме, что независимо от их субъективных желаний он оказывается прямо направленным против генетически-системного диалектического метода.

Так, В. Черняк пишет: «Вокруг понятия «связь» должна группироваться вся проблематика, специфическая для системного подхода»²⁵. Здесь по существу та же самая мысль: главное выяснить

²⁴ Франк А. Функционализм, диалектика, синтез. — В кн.: Структурно-функциональный анализ в современной социологии. М., 1968, с. 321.

²⁵ «Экономические науки», 1973, № 10, с. 4.

связи внутри целого, а вопрос о том, как возникло и развивается это целое, уже не имеет принципиального значения. Это тоже формально-системный подход в отличие от генетически-системного. И именно такой системный подход В. Черняк рекомендует для познания экономической системы социализма. В другом месте той же статьи, характеризуя основную направленность системного подхода, он пишет: «Системный подход в политической экономии требует направить острие исследований не на изучение отдельных экономических процессов и явлений, **а на их взаимодействие**. Он направлен **против** исследований экономических отношений, законов, явлений и процессов одного **рядом с другим, одного вслед за другим**. Системный подход ставит в центр исследования **целостность** экономической структуры социализма»²⁶ (подчеркнуто автором. — Н. Х.).

Такое понимание системного подхода существенно и принципиально отличается от генетически-системного подхода, характерного для диалектического метода. И результаты, к которым приводит каждый из этих подходов, тоже существенно различны. Равным образом различны и практические рекомендации. Само понимание целого и системы оказывается различным. Проиллюстрируем это конкретными примерами.

В переходный период от капитализма к социализму экономика является многоукладной. Все уклады взаимодействуют друг с другом, выполняют определенную функциональную роль в процессе общественного воспроизводства. С позиций формально-системного подхода, сводящего всю проблематику к «взаимодействию» и «связи», нет ничего проще, как рассматривать экономику переходного периода в виде единой, целостной системы. Между тем с позиций генетически-системного подхода подобный вывод в принципе неправомерен. В действительности здесь соотносятся две качественно различные системы — товарно-капиталистический и социалистический уклады, развивающиеся по своим специфическим законам. И на практике, хотя эти уклады и «взаимодействуют», речь здесь идет не о слиянии двух систем, а о борьбе этих систем, различных по своим генетическим основаниям и несовместимых друг с другом. Существование этих начал не могло продолжаться длительное время. Прочной и устойчивой может быть лишь генетически-развивающаяся система, а не конгломерат чужеродных систем.

В наших условиях наряду со специфически социалистическими отношениями сохраняются и унаследованные от прошлого виды отношений, которые генетически не связаны с социализмом, хотя и сохраняются при нем. С точки зрения формально-системного подхода их легко включить в одну систему, поскольку они взаимодействуют с другими элементами. С позиций же генетически-системного подхода они являются чужеродными телами, от которых система рано или поздно должна освободиться, чтобы обеспе-

²⁶ «Экономические науки», 1973, № 10, с. 13.

чить собственное эффективное развитие на базе собственных законов.

Некоторые сторонники формально-системного подхода предлагают для социализма весьма специфическую структуру экономики. На уровне народного хозяйства предлагается планомерность, а на уровне предприятий — только товарное производство и закон стоимости.

Планомерность — способ существования непосредственно обобщественного труда в масштабе всего общественного производства, а отдельные предприятия являются его частями, поэтому не может быть планомерного производства в масштабе всего народного хозяйства без планомерного производства на социалистических предприятиях.

Формально-системный подход, с самого начала игнорирующий генетический процесс становления и развития системы, оправдывает любую систему, состоящую из самых различных, качественно разнородных элементов, он пригоден для обоснования «конвергенции», «слияния» качественно разнородных систем, но он даже не ставит перед собой задачи содействовать становлению и развитию прочной, устойчивой, эффективной генетически развивающейся целостности. Вряд ли такой метод может помочь в создании научной системы категорий и законов социализма.

Формально-системный метод может дать и дает полезные научные результаты прикладного характера. Его применение в экономической науке может обогатить понимание отдельных сторон и связей функционирующей экономической системы. Но этот метод в силу его односторонности не может быть универсальным методом познания генетически развивающейся системы производственных отношений. Система функционирования социалистической экономики, построенная на принципах формально-системного метода, неизбежно будет весьма огрубленной, односторонней и практически далеко не оптимальной.

Формально-системный метод допускает абстрагирование от реальной системы производственных отношений и сводит всю экономическую проблематику к движению вещей, «ресурсов», «потребностей». Но при таком абстрагировании неизбежно будет дана односторонняя и даже извращенная картина движения самих вещей, ресурсов, потребностей. «Модели», построенные при абстрагировании от производственных отношений социализма, неизбежно окажутся нежизненными «моделями». Если же в анализ будут вовлечены реально развивающиеся производственные отношения, а это необходимо для подлинно научного анализа экономических систем, то формально-системный подход неизбежно должен развиваться в генетически-системный подход.

Вот почему, на наш взгляд, диалектический метод, включающий в себя исторический, генетически-системный подход, был и остается наивысшей формой научного познания объективной действительности вообще и сложнейших экономических систем в осо-

бенности. Только с этих позиций могут быть наиболее успешно решены важнейшие практические задачи коммунистического строительства. «Капитал» Маркса — непревзойденный образец такого подхода. И изучение метода «Капитала», как наиболее эффективной формы системного знания, становится задачей первостепенной важности и в наши дни.

Подобно тому, как переход от формальной логики к диалектической логике поднял общественные науки на более высокую ступень, переход от формально-системного подхода к генетически-системному позволит более успешно решить задачу создания научного курса политической экономии социализма и повысить эффективность практической деятельности.

Некоторые полагают, будто метод диалектического восхождения от абстрактного к конкретному, примененный Марксом при изучении системы производственных отношений капитализма, не является методом **исследования**, а представляет собой лишь один из возможных методов изложения уже готовых результатов. С точки зрения этих экономистов, метод исследования целиком и полностью сводится к движению от конкретного к абстрактному. Они полагают, что собственный метод исследования Маркса оставлен за пределами «Капитала» и может быть обнаружен в его черновых рукописях, в «личной лаборатории»; в самом же «Капитале» дан лишь метод изложения. Так, Л. Абалкин пишет: «...не учитывается различие между методом **исследования** и методом **изложения**. Изложение может начинаться — и в «Капитале» действительно начинается — с наиболее общих абстрактных категорий и двигается в дальнейшем по пути восхождения к конкретному. **Но в познании, в процессе исследования таким путем идти нельзя**»²⁷ (подчеркнуто нами. — Н. Х.).

Если метод «Капитала» есть лишь метод изложения, если в процессе познания «таким путем идти нельзя», то возникает вопрос: а нужен ли этот метод при исследовании производственных отношений социализма? Если к тому же этот метод «изложения» лишь **один из возможных**, то напрашивается вывод, что и при изложении системы категорий социализма не обязательно руководствоваться этим методом, так как можно создать любое число логических схем курса политической экономии, и любая из них будет научно правомерной.

Такие выводы неизбежно следуют из трактовки метода восхождения от абстрактного к конкретному, примененного К. Марксом в «Капитале» всего лишь как метода изложения, а не метода исследования.

Когда возникали сложные и запутанные проблемы, В. И. Ленин считал необходимым «советоваться» с К. Марксом. В совре-

²⁷ Абалкин Л. И. Метод политической экономии социализма — обобщенное выражение ее развития. — «Экономические науки», 1974, № 1, с. 26.

менных условиях, при решении наших методологических, теоретических и практических задач мы должны «советоваться» с К. Марксом и В. И. Лениным, сверяя каждый свой шаг с методологией их подхода. Многие из того, что мы обсуждаем сейчас, было предметом их рассмотрения и получило определенные решения.

Например, по вопросу о том, является ли метод «Капитала» методом изложения или методом исследования, ясный ответ дан самим К. Марксом. В предисловии к французскому изданию «Капитала» он счел необходимым подчеркнуть, что в «Капитале» им впервые применен новый метод исследования экономических вопросов и что этот метод находится не за пределами «Капитала», в «личной лаборатории» Маркса, а в самом «Капитале».

«...Метод исследования,— писал К. Маркс,— которым я пользуюсь и который до сих пор не применялся к экономическим вопросам, делает чтение первых глав очень трудным»²⁸.

К. Маркс не скрыл от читателей свой метод, а изложил его в «Капитале» как собственный и новый метод исследования. А сердцевиной этого метода является диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному, посредством которого изучаемая система рассматривается в процессе своего становления и развития от простых, неразвитых, абстрактных форм, к более сложным, развитым, конкретным. Вне восхождения от абстрактного к конкретному дать научное отражение объективной диалектики развивающегося предмета в принципе невозможно. Попытка ограничить метод исследования только восхождением от конкретного к абстрактному даст весьма хаотический результат — целостная система будет расчленена на отдельные части, не связанные друг с другом, не относящиеся друг к другу. Движение от конкретного к абстрактному, являясь необходимым на всех ступенях познания предмета (а не только в начале или только в конце), решает лишь определенный, узко ограниченный круг задач, но не позволяет решить главную задачу — воспроизвести внутренне необходимые, закономерные, генетически развивающиеся связи и отношения целостной системы, диалектику ее становления, развития и гибели.

В работах В. И. Ленина, написанных в последний период его деятельности, уделено огромное внимание методу «Капитала» и даны рекомендации по использованию этого метода для исследования всех других систем производственных отношений. Особое значение имеют такие работы, как «Философские тетради» и «Замечания» на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода». Это своеобразное методологическое завещание, которым мы должны руководствоваться. Эти работы написаны Лениным в расцвете его творческих сил на основе многолетнего опыта теоретических, политико-экономических исследований, практического опы-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 25.

та классовой борьбы, решения сложных политических задач. Здесь нет ни одного случайно высказанного положения. Каждое слово продумано, взвешено с позиции обобщения огромного исторического опыта.

Содержание «Философских тетрадей» в наше время хорошо известно всем, кто желает ознакомиться с методологическими проблемами. А вот методологическое содержание «Замечаний» В. И. Ленина на книгу Н. Бухарина пока еще недостаточно раскрыто. Между тем содержащиеся там идеи имеют весьма важное значение для нашей современной методологической работы. Бухарин в свое время считался одним из крупнейших теоретиков и даже претендовал на творческое развитие марксизма. Направление, в котором он пытался «развивать» марксизм по методологическим вопросам, встретило решительную критику со стороны В. И. Ленина. И на этом стоит остановиться подробнее, чтобы избежать аналогичных примеров «творческого» развития марксистской теории и методологии в современных условиях.

Свое общее мнение о книге Бухарина Ленин выразил лаконичной формулой: « $\Sigma\Sigma$ = ложка дегтя в бочке меда»²⁹. О какой же ложке дегтя идет речь? Это отступление в ряде случаев от метода диалектического материализма К. Маркса в сторону эклектически-механистической и идеалистической методологии эмпириокритика Богданова, автора «Всеобщей организационной науки», предшественника ныне модных «системно-структурного» и «системно-функционального» подходов.

В чем же конкретно выразились эти отступления? Назовем главные.

Прежде всего обратим внимание на следующий, казалось бы, чисто терминологический аспект ленинских замечаний. В своей книге Н. Бухарин очень часто характеризует диалектико-материалистический метод как определенную «точку зрения». Это выражение В. И. Ленин многократно подчеркивает и на полях делает ряд важных замечаний, показывающих, что в данном случае речь идет не просто о терминологической неряшливости, а о более существенных принципиальных вопросах. «Точка зрения» — это нечто субъективное, не имеющее значения научной истины.

Обилие «точек зрения» на тот или иной предмет свидетельствует о том, что данный предмет еще научно не познан. Как только вырабатывается научное знание данного предмета, отпадают и многочисленные «точки зрения» на него. Назвать диалектико-материалистический метод «точкой зрения» — значит отказать ему в научности, объективном отражении объективных законов развития мира.

Н. Бухарин неоднократно отмечал «познавательную ценность» диалектической «точки зрения», но не рассматривал ее как отражение объективной диалектики действительного мира. Для него

²⁹ Ленинский сборник XI, с. 400.

диалектика есть лишь определенная совокупность логических приемов и форм, используемых при исследовании действительности. Эти логические приемы в одних случаях могут быть «полезными», иметь «познавательную ценность», в других случаях их можно заменить другими, не менее полезными приемами, тоже имеющими познавательную ценность. Против такого понимания существа и значения диалектико-материалистического метода В. И. Ленин и направляет острей своей критики.

Еще в «Философских тетрадах» В. И. Ленин особо подчеркивал, что логические формы и фигуры диалектики — это не «точка зрения» какого-либо исследователя и не рабочая гипотеза, а теоретическое выражение объективных законов развития мира. В этих логических формах выражена тысячелетняя практическая деятельность человечества во всех областях экономики, политики, науки, культуры. Диалектический метод — это научное выражение всего опыта развития человечества.

Диалектичен сам развивающийся объективный мир. А потому диалектика — это не точка зрения того или иного исследователя, а способ движения, развития объективного, вне нас находящегося мира. Не от самого исследователя зависит, применять ту или иную «точку зрения» на мир. Отражая научно законы объективного мира, исследователь неизбежно приходит к диалектике.

Попытки Н. Бухарина рассматривать диалектику всего лишь как «логику», «точку зрения», «вне сознания их производности от материи, от объективной действ[ительно]сти» В. И. Ленин оценивал как «идеализм»³⁰, отступление от диалектического материализма.

Из взгляда на диалектический метод как одну из «точек зрения» вытекает, что наряду с этой «точкой зрения» могут быть и другие столь же «полезные», имеющие «познавательную ценность». По существу здесь открывается дверь для методологического плюрализма, признания равноправности любой точки зрения, любого метода при исследовании объективного мира. И Ленин считал необходимым сделать на полях книги Н. Бухарина следующее принципиальное замечание:

«Из этой фразы замечательно рельефно видно, ч[то] для автора, испорченного эклектицизмом Бо[гдано]ва, диал[ектическая] «точка зрения» есть лишь одна из многих равноправных «точек зрения». Неверно!»³¹.

«Фраза», о которой идет речь в ленинском примечании, у Бухарина звучит так:

«Далее совершенно понятно, что диалектико-историческая точка зрения, которая выдвигает принцип постоянной изменчивости форм, принцип познания процесса, неизбежно должна быть

³⁰ Ленинский сборник XI, с. 401.

³¹ Там же, с. 387.

подчеркнута при анализе эпохи, где происходят с небывалой быстротой прямо геологического типа сдвиги социальных пластов»³².

Из этой фразы следует, что «диалектико-историческая точка зрения» «должна быть подчеркнута» в переходные эпохи от одного строя к другому, но она оказывается необязательной для исследования уже сложившегося общества и здесь могут быть использованы другие «точки зрения». Подобное впечатление еще более усиливается в связи с тем, что Бухарин в своей книге отождествляет понятия «антагонизм и противоречия». Если антагонизм и противоречия одно и то же, то с переходом от капитализма к социализму вместе с устранением антагонизмов исчезнут и противоречия. Но тогда бесполезной окажется и диалектика, ибо ее душой как раз и является развитие через единство и борьбу противоположностей, движение противоречий и их разрешение. В. И. Ленин считал необходимым на полях книги Н. Бухарина сделать следующее замечание: «архинеточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»³³. Это замечание имеет огромное значение для наших дней в связи с решением задачи по созданию научного курса политической экономии социализма. Отрицание противоречий при социализме, еще не так давно имевшее место на страницах нашей печати, мешало глубокому познанию социалистической действительности и соответствующему отражению ее в логике курса политической экономии. Объективно отрицание противоречий при социализме означало отрицание диалектического развития самого социалистического способа производства и открывало дверь для замены диалектики другими «логиками» и «точками зрения». Это снижало научный уровень познания действительности, а соответственно и практическую значимость тех или иных теоретических построений.

Обратим внимание еще на один важный аспект ленинских «Замечаний». В своей книге Н. Бухарин часто применяет выражение «диалектико-историческая» точка зрения. Это создает впечатление, будто диалектика сама по себе не включает в себя историзма и наряду с «диалектико-исторической» может быть еще какая-то другая «диалектическая», но не историческая, «точка зрения». К выражению «диалектико-историческая» В. И. Ленин сделал следующее принципиально важное замечание: «Диалектика включает историчность»³⁴.

Вся история человеческого общества есть история развития от простых форм к более сложным, от низших к высшим через единство и борьбу противоположностей, отрицание отрицания, переходы количественных изменений в качественные и наоборот. Диа-

³² Ленинский сборник XI, с. 387.

³³ Там же, с. 357.

³⁴ Там же, с. 384.

лектический метод, являясь научным отражением этой объективной диалектики мира, по самой своей сути историчен. Говорить о диалектике там, где нет истории становления, развития и гибели тех или иных форм,— это значит, либо отрицать саму диалектику, либо представлять ее в виде чисто логической игры в понятия, схоластики, не связанной с жизнью.

В книге Н. Бухарина нередко логические переходы отрываются от действительного исторического процесса развития предмета. И во всех этих случаях вместо диалектики получается схоластика, «игра в понятия», отмеченная В. И. Лениным на полях книги. Как мы уже отмечали, Н. Бухарин в ряде случаев рассматривал диалектику всего лишь как совокупность логических приемов. Поэтому очень часто он сталкивает одно понятие с другим, противопоставляет их, «отрицает». Но за этими формально «диалектическими» операциями не скрывается подлинное движение изучаемого предмета. Часто совершается логическое перепрыгивание через конкретные ступени развития. В. И. Ленин считал необходимым заметить: «Нарушение «диал[ектического] мат[ериали]зма» состоит в логическом (не материальном) скачке через несколько конкретных стадий».³⁵ Разрыв логического и исторического, противопоставление одного другому — это отход от диалектического материализма.

Н. Бухарин нередко пишет о «диалектическом отрицании». Но и в этом случае речь идет лишь об отрицании одним понятием другого понятия, а не о реально происходящем историческом процессе, который можно было бы подтвердить конкретными фактами. И Ленин отреагировал на такой ход исследования характерным замечанием: «Автор злоупотребляет словом «д[иалектическое] отриц[ан]ие»: нельзя употреблять его, не доказав *сначала* фактами *осторожно*»³⁶.

Диалектико-материалистический метод по самой своей сути является методом, основанным на внутреннем единстве логического и исторического. «Логика» предмета начинается с того же, с чего начинается его действительная история. Разумеется, логика воспроизводит историю не во всей совокупности ее событий, а в очищенной от случайностей, внутренне-необходимой, закономерной форме, и с этой точки зрения логическое и историческое не совпадают. Но они едины. И логика предмета, оторванная от его истории, не дает подлинно научного его отражения.

Диалектико-материалистический принцип историзма, единства логического и исторического особенно важно подчеркнуть в современных условиях при решении задач по созданию научной системы категорий и законов развитого социализма. За последние десятилетия предложено много различных «логических» схем курса по-

³⁵ Ленинский сборник XI, с. 399.

³⁶ Там же, с. 378.

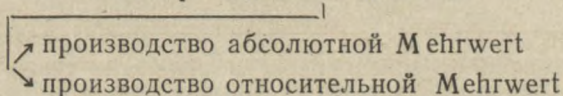
литической экономии социализма. Но во многих случаях не выдерживается принцип единства логического и исторического. Более того, в последние годы некоторые авторы, пытаясь подкрепить правомерность такого подхода, утверждают, будто и К. Маркс в «Капитале» не придерживался этого принципа при восхождении от абстрактного к конкретному. Так, например, утверждается, что движение от товара к деньгам и от денег к капиталу не является отражением действительной истории становления и развития капиталистического способа производства, а представляет собой лишь логический способ воспроизведения уже сложившегося, развитого капитализма. Товар, анализируемый в первой главе «Капитала», будто бы не есть исторический предшественник капитализма, а выступает с самого начала как продукт капитала, результата капиталистического способа производства. Во всех этих случаях допускается односторонность суждений, приводящая к неточным выводам. Верно, что предметом исследования в «Капитале» является уже сложившийся, развитый капиталистический способ производства. Столь же бесспорно, что логика, субординация, расположение и соподчиненность категорий в «Капитале» даны в той последовательности и в соответствии с той ролью, какую они играют в развитом капиталистическом обществе. Но следует ли из этого, что субординация категорий развитого капитализма одновременно не может быть и исторической субординацией, т. е. такой субординацией, которая отражает не только место данной категории в развитом капитализме, но и ее место и роль в действительном процессе становления и развития данного способа производства?

Диалектико-материалистический метод исходит из того, что развитый предмет сам несет в себе свою собственную историю в очищенной от случайностей форме. В процессе своего развития капитализм постоянно удерживает в себе самом, воспроизводит все те исторические условия и предпосылки, без которых его возникновение и развитие в принципе невозможно. Он освобождает себя от всего наносного, случайного, сопутствующего, что имело место в истории, но не обязательно для его собственного развития. То, что было первоначально исторической причиной и предпосылкой, в дальнейшем становится результатом движения самого развитого капитализма, а этот результат вновь становится исторической предпосылкой для последующего исторического движения капиталистического способа производства. Поэтому в «Капитале» К. Маркса и товар и деньги рассматриваются сначала как исторические предпосылки капитала, а затем как его собственные формы и результаты, воспроизводя которые капитал делает возможной и свою последующую историю. В недавно изданном 49 томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса опубликована рукопись К. Маркса «Капитал», в которой имеется следующее высказывание: «Товар как элементарная форма буржуазного богатства был нашим исходным пунктом, предпосылкой возникновения капитала. С другой стороны, *товары* теперь выступают как *продукт капитала*».

Этот ход нашего изложения соответствует также и *историческому развитию капитала*, для которого *обмен товаров, торговля товарами* является одним из условий его возникновения...»³⁷.

Здесь сам К. Маркс с полной определенностью указывает, что логическое рассмотрение категорий в «Капитале» отражает и действительное историческое развитие данного способа производства. Диалектическое рассмотрение товара как исторической предпосылки и предшественника капитала, с одной стороны, как продукта капитала — с другой, и, наконец, рассмотрение этого продукта капитала в качестве новой исторической предпосылки дальнейшего развития самого капитала — такой ход логического анализа отражает и действительную роль товара как в развитии капитализме, так и в процессе его возникновения. Субординация категорий в развитии целом оказывается одновременно и их субординацией по историческому генезису всей системы. В. И. Ленин в «Философских тетрадах» особо подчеркнул внутреннее единство логического и исторического в «Капитале» Маркса. Переход от товара к деньгам, от денег к капиталу, от абсолютной прибавочной стоимости к относительной и т. д. Ленин оценивал как логическое отражение действительной истории капитализма.

«Товар — деньги — капитал

[История капитализма и анализ *понятий*, резюмирующих ее]»³⁸.

В России В. И. Ленин на огромном фактическом материале еще раз показал научную правомерность и глубину такого подхода. Именно потому, что в реальном процессе исторического развития товар является той экономической клеточкой, из которой неизбежно развивается вся специфическая система производственных отношений капитализма, он и рассматривается в логике категорий капитализма как исходное отношение, основа всей системы.

«Начало — самое простое, обычное, массовидное, непосредственное „бытие“: отдельный товар („Sein“ в политической экономии): Анализ его как отношения социального. Анализ *двойкий*, дедуктивный и индуктивный, — логический и исторический (формы стоимости). Проверка фактами respective практикой есть здесь в *каждом* шаге анализа»³⁹.

Так понимал В. И. Ленин диалектическую логику «Капитала» Маркса и рекомендовал использовать ее при анализе других систем производственных отношений. Отметив, что в «Капитале» Маркс начинает с товара как «экономической клеточки» капитализма и из нее разворачивает всю систему противоречий и отноше-

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 49, с. 3.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 301.

³⁹ Там же, с. 301—302.

ний этого способа производства, он далее заключает: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»⁴⁰⁻⁵².

Забвение этих ленинских указаний при разработке логических схем курса политической экономии социализма может существенно отразиться на их научном уровне.

§ 3. К ВОПРОСУ ОБ ИСХОДНОМ ПУНКТЕ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В марксистской экономической литературе понятие «исходное» употребляется авторами в разных смыслах. Наиболее часто встречаются такие трактовки этого понятия: а) исходное как источник и объект познания; б) исходное как общая предпосылка анализа; в) исходное как особое отношение, предопределяющее всеобщую форму движения данного способа производства; как таковое оно отражается в категории, из которой разворачивается вся система категорий и законов данного способа производства (исходная экономическая категория); г) исходное как та сторона исходного производственного отношения, с рассмотрения которой начинается анализ этого отношения.

Каждая из перечисленных трактовок имеет реальный смысл, и задача, видимо, состоит не в том, чтобы какую-то из них изъять из употребления, а в том, чтобы разграничивать их и использовать каждую из них в соответствии с ее содержанием. Однако в литературе, к сожалению, не всегда осознается многогранность понятия «исходное», и это приводит к смешению различных его содержаний, к абсолютизации той или иной трактовки данного понятия и противопоставлению ее другим.

В последние годы вышел ряд статей, пафос которых направлен на доказательство тезиса о том, что «исходный пункт научного исследования—реальные экономические процессы и явления, конкретные факты объективной действительности»⁵³.

Сам по себе этот тезис не вызывает возражения. Более того, он не выходит за рамки азбучного положения не только диалектического, но и исторического материализма о первичности материи и вторичности сознания, о том, что объективная реальность — источник знания и объект познания. Поэтому, рассматривая это общее положение материализма применительно к политической экономии, его следовало бы конкретизировать. Исходным здесь обозначается источник знаний и объект (предмет познания). Но для каждой отдельной специальной науки источник и предмет познания нетождественны. В той и другой роли высту-

⁴⁰⁻⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

⁵³ «Экономические науки», 1974, № 2, с. 10.

пают разная объективная реальность. Так, политическая экономия черпает материал для своих обобщений из жизни общества, и прежде всего из функционирования экономики в целом (включая сюда и экономическую политику). Предметом же политической экономии как специальной науки является не общество в целом и даже не экономика в целом, а лишь система производственных отношений. На данное обстоятельство не раз обращали внимание классики марксизма-ленинизма. Так, В. И. Ленин одну из заслуг К. Маркса и Ф. Энгельса видел в том, что они рассматривали общество «...как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов)...»⁵⁴. Ленин даже критиковал использование термина «капиталистические производственные отношения», считая, что он «...без добавления слов «система» и т. п. (отношений) не указывает на нечто законченное и цельное»⁵⁵.

Если признание экономических процессов объективными и первичными по отношению к сознанию само по себе не выводит нас за пределы метафизического материализма, то признание того, что эти процессы образуют цельный организм, систему, специфично именно для диалектического материализма.

Если не акцентируется внимание на том, что экономические процессы, изучаемые политической экономией, образуют систему, то из поля зрения выпадает и переход «конкретного» из исходного пункта в результат познания. Становится возможным утверждение, что конечной целью политической экономии «не являются системы законов и категорий. Это—промежуточный этап науки»⁵⁶. Между тем система экономических категорий и законов—это и есть теоретическое выражение реально существующей системы производственных отношений, того «конкретного», того «единства многообразного», которое и призвана исследовать политическая экономия. В этом смысле «конкретное» выступает уже не как исходный пункт, а как итог познания. «В мышлении оно (конкретное. — В. К.) поэтому, — пишет К. Маркс, — выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»⁵⁷.

В вышеуказанной статье журнала не содержится конкретизации применительно к политической экономии общеполитического положения о конкретном как об исходном пункте познания. Более того, это понятие исходного противопоставляется здесь иному понятию исходного как исходной категории, на основе ко-

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 165.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 222.

⁵⁶ «Экономические науки», 1974, № 5, с. 6.

⁵⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 37.

торой разворачивается путем восхождения от абстрактного к конкретному вся система экономических категорий и законов. Признавая вначале, что «сложный процесс диалектического познания и освоения действительности проходит ряд ступеней»⁵⁸, что оно совершает движение по пути «конкретное—абстрактное—конкретное», автор затем движение от абстрактного к конкретному сводит к методу изложения и тем самым фактически исключает его из метода познания. А отсюда уже вполне логично следует заключение о том, что исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному— это не нечто реально существующее, а логическая идея, абстрактное понятие. И действительно, если такое восхождение сводится к изложению добытого на первой ступени познания (движение от конкретного к абстрактному), то оно не может иметь дело не с чем иным, кроме как с упорядочением понятий. В результате связь теории с практикой оказывается прерогативой лишь первой ступени познания и исключается для второй его ступени (восхождения от абстрактного к конкретному). «...Иногда метод политической экономии,— читаем мы,— трактуется односторонне, лишь как движение от абстрактного к конкретному. Что же при этом оказывается исходным пунктом познания? Логическая идея, абстрактное понятие»⁵⁹. И далее: «Изложение может начинаться— и в «Капитале» действительно начинается— с наиболее общих абстрактных категорий и двигается в дальнейшем по пути восхождения к конкретному. Но в познании, в процессе исследования таким путем идти нельзя. Здесь исходным пунктом служат реальные процессы экономической действительности»⁶⁰.

Процесс познания имеет, конечно, различные ступени, этапы. Первоначально происходит теоретическое расщепление конкретного на отдельные процессы, подпроцессы и изучение этих отдельных частей. Полученные таким путем знания полезны и необходимы. Но эти знания ограничены, их ограниченность состоит прежде всего в том, что они не дают целостного представления об исследуемом объекте. Целостное же воспроизведение объекта в теории обеспечивается восхождением от абстрактного к конкретному. Итог этого этапа— система экономических категорий и законов каждого данного способа производства. «...Если бы я начал с населения,— писал К. Маркс,— то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к простейшим определениям. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представле-

⁵⁸ «Экономические науки», 1974, № 1, с. 24.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 26.

нию о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений»⁶¹.

При восхождении от абстрактного к конкретному каждый отдельный экономический процесс рассматривается не сам по себе, а как элемент системы производственных отношений. Такой разворот исследования, хотя он и опирается на сведения, полученные в процессе движения от конкретного к абстрактному, и невозможен без них, дает принципиально новые знания о каждом из этих процессов, ибо в реальности они существуют в системе и ни один из них нельзя сколько-нибудь глубоко понять, пока он берется сам по себе. Разработка и совершенствование системы экономических категорий и законов—это, следовательно, не механическая работа по какому-то расположению понятий, добытых до такой разработки и независимо от нее, не рассказ о них в каком-то порядке, а исследовательская работа, которая выявляет место каждого отношения в системе производственных отношений, соподчиненность и взаимосвязи этих отношений. Без проведения такого исследования нельзя получить глубоких знаний ни о каждом отдельном отношении, ни о системе отношений в целом. Отсюда ясно, что восхождение от абстрактного к конкретному открывает принципиально новые возможности использования теории в практике.

Но если восхождение от абстрактного к конкретному само есть исследование, то и для него положение «конкретное—источник и объект познания» справедливо не в меньшей степени, чем для движения от конкретного к абстрактному. Восхождение от абстрактного к конкретному имеет дело с реальной действительностью на всех своих этапах без исключения, в том числе и в начальном своем пункте. Его выбор вовсе не произволен и диктуется вовсе не соображениями удобства изложения, подачи материала. Исходное в процессе восхождения от абстрактного к конкретному есть выражение того реального факта, что в системе производственных отношений имеется такое особое отношение, которое служит условием функционирования всех других отношений данной системы, образует всеобщую форму движения этой системы. Поэтому, когда говорят, что исходный пункт исследования не абстрактное, а конкретная действительность, то происходит элементарная подмена понятий: вопрос об определении исходного отношения данной системы производственных отношений подменяется совершенно другим вопросом—об источнике и объекте познания. Последнее своим источником и объектом всегда имеет объективную реальность, но это само по себе ничего не говорит ни о том, имеет или нет данная система исходное отношение, ни о том, какое именно отношение выступает в роли исходного. Здесь мы имеем дело с разными вопросами, с разными понятиями исходного.

⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 37.

Политико-экономическое исследование имеет ряд общих предпосылок, которые не входят в его объект, но оно постоянно их учитывает. Данное обстоятельство—тоже не плод игры в понятия, а отражение того реального факта, что каждый исследуемый процесс, каким бы сложным он ни был, входит в какую-либо более широкую систему, непосредственно связан с другими процессами, которые не включены в него, но в отрыве от которых он не может быть понят. Так, система производственных отношений есть лишь подсистема всей совокупности общественных отношений и это нельзя упускать из виду в политико-экономическом исследовании.

Любое производственное отношение в каком-то данном виде выступает лишь как элемент определенной системы производственных отношений. Применительно к меновой стоимости К. Маркс об этом писал так: «Меновая стоимость может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого»⁶².

Это положение справедливо не только для меновой стоимости, но и для любого другого отношения, и его, естественно, нельзя не учитывать в политико-экономическом анализе. Каким бы процессом ни занимался исследователь, он постоянно должен помнить, что он изучает не нечто независимое, а элемент системы. Производственные отношения как система, как определенная целостность выступают здесь в роли предпосылки анализа.

К числу важнейших и непреходящих условий существования производственных отношений и, следовательно, общих предпосылок анализа этих отношений относится также форма собственности, взятая в том одном из ее многих определений, когда под ней понимается принадлежность вещей (прежде всего, средств производства) какому-либо субъекту⁶³.

Собственность в данном понимании—непосредственное условие существования любой системы производственных отношений. Каждый способ производства в качестве непреходящего условия имеет определенную форму собственности, и ликвидация этой формы собственности ведет к устранению основного отношения соответствующего способа производства. Так, непреходящим условием существования капиталистической системы производственных отношений является частная собственность на средства производства. Поэтому революционная ликвидация монополий капиталистов на средства производства и установление общенародной

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 38.

⁶³ Здесь и далее понятие «собственность» употребляется только в данном определении. Отражение же в системе экономических категорий и законов экономического содержания собственности — специальный вопрос, которого мы в данном тексте не касаемся.

собственности на средства производства, с одной стороны, автоматически влекут за собой устранение капиталистических отношений, а с другой стороны, служат неперенным условием возникновения и существования социалистических производственных отношений.

Анализ сложившейся системы производственных отношений должен поэтому исходить из наличия в обществе определенной формы собственности. Ни одно капиталистическое производственное отношение нельзя понять, если в ходе его исследования хотя бы на момент забыть, что капитализму свойственна частная собственность. Точно так же ни одно отношение социализма нельзя понять, если не учитывать ведущей роли общенародной собственности на средства производства.

Форма собственности присутствует на всех этапах политико-экономического исследования, но оно исходит из определенной формы собственности как наличного, данного, экономического содержания которого раскрывается в ходе всего этого исследования.

И форма собственности, и исходное отношение представляют собой разные условия функционирования производственных отношений. Форма собственности — условие существования всей соответствующей системы производственных отношений, включая сюда и исходное производственное отношение. Последнее же — условие функционирования всех других отношений, входящих помимо него в данную систему производственных отношений.

«Исходное» как общая предпосылка анализа и «исходное» как исходная экономическая категория принципиально отличаются друг от друга. Однако в силу того, что в обоих случаях мы имеем дело с теоретическим выражением условий существования производственных отношений (хотя и разных условий), разграничение этих двух понятий «исходного» оказывается затруднительным делом. Так, авторы учебника политической экономии социализма, созданного Институтом экономики АН СССР и явившегося первым, в целом удавшимся опытом построения системы экономических категорий и законов социализма, руководствовались тем, что «...теоретический анализ экономики социализма должен начинаться с общей характеристики ее как целого...»⁶⁴.

Нет сомнения в том, что в исследовании социалистических производственных отношений надо руководствоваться тем, что они образуют целостность, причем специфическую целостность, но констатация данного факта не отвечает на вопрос об исходном отношении.

* *

*

В советской экономической литературе получает все большее признание характеристика исходного производственного отноше-

⁶⁴ Политическая экономия. М., 1962, с. 311.

ния как простого отношения. При этом уже не раз обращалось внимание на то, что понятие «простое» относительно: исходное отношение просто по сравнению с другими отношениями данной системы производственных отношений, но само по себе оно сложно, имеет много сторон, характеризуется не одной, а многими категориями, одним словом, образует «богатый мир». Подтверждением тому являются результаты анализа товарного отношения, проведенного К. Марксом в I отделе 1-го тома «Капитала».

Сложность исходного производственного отношения делает неизбежным вопрос о том, с какой стороны следует начинать исследование самого этого отношения. И в связи с этим возникает опасность смешения исходного в анализе исходного отношения с исходным в изучении всей системы производственных отношений каждого данного способа производства.

Так, в литературе стали появляться суждения о том, что исследование капитала начинается якобы не с товара, а с меновой стоимости, формы обмена и т. п.

На первых страницах «Капитала» действительно речь идет о потребительной и меновой стоимости. Но они представляют собой не самостоятельный элемент системы капиталистических производственных отношений, а отдельные стороны товарного отношения. Меновая стоимость отдельно от товарного отношения не существует. Она его атрибут, и именно товарное отношение, а не меновая стоимость, образует один из узлов в структуре системы производственных отношений капитализма. Поэтому меновую стоимость никак нельзя признать исходной категорией системы экономических категорий и законов капитализма, она лишь начало в анализе исходного отношения капиталистического способа производства.

Определение исходного и основного производственных отношений — частный случай выявления субординации в системе производственных отношений. Субординация же — неотъемлемое свойство всякой системы: для образования последней необходимо наличия связи между каким-то кругом явлений, необходима еще и их соподчиненность внутри данного целого. Поэтому и для системы категорий, отражающей реально существующую систему, соподчиненность категорий обязательна. «Диалектическая логика, в противоположность старой, чисто формальной логике, не довольствуется, — подчеркивал Ф. Энгельс, — тем, чтобы перечислить и без всякой связи поставить рядом друг возле друга формы движения мышления, т. е. различные формы суждений и умозаключений. Она, наоборот, выводит эти формы одну из другой, устанавливает между ними отношение субординации, а не координации, она развивает более высокие формы из низестоящих»⁶⁵.

Пока системное исследование социалистических производственных отношений еще не стояло на повестке дня, до тех пор

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 538.

вопрос об исходном и основном отношениях не получал принципиального звучания. Но когда советские экономисты вплотную занялись созданием и совершенствованием системы экономических категорий и законов социализма, вопрос об исходном и основном производственных отношениях социализма выдвинулся на передний план и стал предметом оживленной дискуссии. Всякие попытки, под каким бы предлогом они ни предпринимались, объявить проблему исходного и основного производственных отношений социализма не существующей, надуманной и т. п. суть не что иное, как завуалированная борьба против разработки системы категорий и законов политической экономии социализма.

О каком бы способе производства ни шла речь, мы можем утверждать, что его основным отношением, выражающим его сущность, является специфичный для него способ соединения рабочей силы со средствами производства. Спрашивается, имеется ли такой общесторический процесс, социальная форма осуществления которого в каждом данном способе производства будет образовывать исходное производственное отношение этого способа производства? Думается, что на поставленный вопрос следует дать утвердительный ответ.

Процесс труда представляет собой создание человеком необходимых благ для удовлетворения его потребностей. При осуществлении данного процесса первая операция, следовательно, должна состоять в том, чтобы выявить ресурсы и потребности и в соответствии с последними распределить ресурсы между разными видами труда. Без этого процесса труд, даже в таком элементарнейшем виде, как труд Робинзона, просто не существует. «Как ни скромнен он (Робинзон. — В. К.) в своих привычках, он, — замечает К. Маркс, — все же должен удовлетворять разнообразные потребности и потому должен выполнять разнородные полезные работы... Несмотря на разнообразие его производительных функций, он знает, что все они суть лишь различные формы деятельности одного и того же Робинзона, следовательно, лишь различные виды человеческого труда. В силу необходимости он должен точно распределять свое рабочее время между различными функциями»⁶⁶.

Все эти определения робинзоновского труда повторяются в любом общественном производстве, но уже не в индивидуальном, а в общественном масштабе и характеризуют организацию общественного производства, экономический механизм взаимодействия производства и потребления.

Выявление ресурсов потребностей и распределение в соответствии с последними ресурсов, т. е. установление взаимосвязи и взаимодействия между производством и потреблением, — условие осуществления всех других экономических процессов, и потому это — предельно допустимая абстракция производства и воспро-

⁶⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 86—87.

изводства. Если при рассмотрении процесса труда абстрагироваться и от этой связи, то тем самым он будет лишен его конституирующего признака — общественной полезности, целесообразности.

Выявление общественных потребностей и распределение ресурсов между разными видами труда, установление связи и взаимодействия между производством и потреблением, следовательно, и есть тот общенсторический экономический процесс, социальная форма которого, социальный способ осуществления которого образует исходное производственное отношение каждого данного способа производства. Так, товарное отношение, будучи исходным отношением капитализма, является характерным для него экономическим механизмом увязки производства и потребления, образует специфичный для него тип организации общественного производства.

Если процесс труда рассматривать не в простом виде, а как способ производства, то обнаружится, что для осуществления последнего выявления общественных потребностей и распределения ресурсов недостаточно. Необходим по крайней мере еще один процесс — соединение рабочей силы со средствами производства. Без совершения этих двух процессов ни один способ производства не может функционировать. Они являются наиболее общими процессами любого способа производства. Эти два процесса образуют наиболее простое состояние каждого способа производства, выступая соответственно как его исходное и основное производственные отношения. Так, капитализм в самом общем его определении суть, во-первых, товарное производство, а во-вторых, такое товарное производство, при котором рабочая сила стала товаром.

Исходное и основное производственные отношения образуют, следовательно, основополагающие, конституирующие характеристики каждого данного способа производства. Этим и предопределяется принципиальная важность обнаружения в системе производственных отношений ее исходного и основного отношений, отделения их от всех прочих (производных) отношений. Соответственно наиболее общая группировка отношений внутри каждой данной системы производственных отношений выглядит так: исходное отношение — основное отношение — производные отношения. Таковы три основных блока в любой системе производственных отношений и соответственно — в любой системе экономических категорий и законов.

Конечно же, во всяком развитом общественном производстве производные отношения образуют большую и сложную совокупность. Они разноплановы. Поэтому и внутри них необходимо выделять разные блоки, узлы и т. п. Данная задача реальна и неизбежна, но она вторична по сравнению с вычлениением исходного и основного отношений в системе производственных отношений.

В основе каждого из рассматриваемых отношений (исходного и основного) лежит, таким образом, свой особый процесс: если основное производственное отношение представляет собой общественный способ соединения рабочей силы со средствами производства, то исходное производственное отношение обеспечивает решение иной экономической задачи — задачи выявления имеющихся потребностей и ресурсов и распределения последних между отраслями производства в соответствии с общественными потребностями.

Эти отношения различаются и по их роли в системе производственных отношений: отношение, являющееся исходным, образует условие и форму функционирования всех других производственных отношений данной системы, а отношение, являющееся основным, — направленность, цель такого функционирования.

Исходное и основное производственные отношения нетождественны и с исторической точки зрения. Основное производственное отношение — социально-экономическая форма соединения рабочей силы со средствами производства — служит критерием разграничения различных способов производства, отделяет их друг от друга. Выражая специфику каждого данного способа производства, его историческую неповторимость, основное отношение не может органически входить в систему отношений предшествующего способа производства, а основное производственное отношение социализма вообще не может возникнуть в рамках предшествующего строя.

По-иному обстоит дело с исходным производственным отношением. То отношение, которое для данного способа производства является исходным, специфично ему именно в роли исходной, всеобщей формы этого способа производства, но само по себе оно может в том или ином виде существовать за пределами последнего. Исторически оно может возникать раньше той системы производственных отношений, в которой оно исходно, и тем самым образует реальное связующее звено между разными экономическими системами. Так, товарные отношения специфичны для капитализма только в роли исходной, всеобщей формы. Ни для одного другого способа производства они не являются такой формой. Но сами по себе эти отношения существуют за пределами капитализма.

Различные способы производства являются звеньями в единой линии развития производственных отношений общества. И поэтому политическая экономия в широком смысле слова должна не только исследовать отдельные способы производства, но и раскрывать связи между этими способами производства. Разграничение исходного и основного производственных отношений — одно из условий решения этой задачи. Такое разграничение важно, следовательно, и для развития политической экономии в широком смысле слова. При всех различиях исходного и основного производственных отношений их разграничение для теории оказывает

ся, однако, сложным делом, ибо рассматриваемые отношения образуют единство.

Исходное производственное отношение составляет ту экономическую форму, без которой не может существовать и развиваться ни одно отношение данной системы производственных отношений, в том числе и ее основное отношение. В этом смысле основное отношение производно от исходного и не может быть понято вне и без него. Так, для того, чтобы возникла и функционировала система наемного труда и прибавочная стоимость как цель капиталистического производства, прежде должны возникнуть товарные отношения. Абстрагируясь от этих отношений, нельзя, как известно, понять отношения эксплуатации наемного труда. Это — с одной стороны. А с другой — данное отношение может стать всеобщим для системы (а это обязательная характеристика исходного отношения) только тогда, когда оно помимо способа распределения ресурсов по различным видам труда станет еще способом соединения рабочей силы со средствами производства. Так, товарные отношения возникли задолго до капитализма, но стали всеобщими только в его условиях благодаря именно тому, что здесь соединение рабочей силы со средствами производства осуществляется путем ее купли-продажи. В данной характеристике исходное производственное отношение предстает уже не как предпосылка, а как результат основного производственного отношения.

Исходное производственное отношение представлено в основном отношении, и в этом смысле оно — абстракция последнего. Проблему исходного отношения, таким образом, нельзя решить в отрыве от основного отношения.

Исследование исходного отношения, с одной стороны, обязательно раскрывает одну из черт основного производственного отношения. Но, с другой стороны, такое исследование не исчерпывает характеристики соответствующего типа организации производства, ибо способ увязки производства и потребления сам по себе не содержит социальной направленности цели такой увязки. Эта цель предопределяется основным отношением данной системы производственных отношений, вследствие чего организация производства получает все богатство своих существенных определений только после выявления основного закона соответствующего способа производства. Так, товарные отношения, существуя в разных способах производства, обслуживают разные цели, существенные каждому из этих способов производства.

Положение о единстве исходного и основного производственных отношений имеет принципиальную значимость. Оно означает, что замена одной всеобщей формы движения другой невозможна без ликвидации соответствующего основного производственного отношения и возникновения нового общественного способа соединения рабочей силы со средствами производства. Поэтому, к примеру, как бы далеко не зашел подрыв товарного производства

при империализме, товарная форма останется исходной и всеобщей, пока не будет устранена обособленность рабочей силы от средств производства, пока сохранится отношение эксплуатации наемного труда.

Если в экономике одновременно сосуществуют несколько форм увязки производства и потребления, то роль каждой из этих форм, их соподчиненность предопределяется в главных, принципиальных чертах не характером труда, не степенью обобществления производства и т. п., а особенностями существующего основного производственного отношения: из имеющихся форм взаимодействия производства и потребления господствующей будет та из них, которая соответствует способу соединения рабочей силы со средствами производства, специфичному для господствующей системы производственных отношений. Так, если этот способ товарный, то товарно-денежные отношения будут всеобщими (капитализм). Если же он нетоварный, как, например, в докапиталистических способах производства, то товарно-денежные отношения там, где они существуют, с неизбежностью играют подчиненную роль.

История политической экономии обнаруживает, что отождествление исходного и основного производственных отношений, провоцируемое их единством, характерно для ранних стадий развития науки о данном способе производства, когда тенденция к сведению каждой данной категории к более общей категории преобладает над тенденцией выведения экономических категорий. Так, до К. Маркса такое отождествление было широко распространено и в политической экономии капитализма. По этому поводу он писал: «Если в теории понятие стоимости предшествует понятию капитала, но, с другой стороны, в свою очередь предполагает в качестве условия своего чистого развития способ производства, основанный на капитале, то это имеет место и в практике. Поэтому экономисты неизбежно рассматривают в одних случаях капитал в качестве творца стоимости, в качестве источника последней, а в других — предполагают стоимость для объяснения образования капитала, а сам капитал изображают всего лишь как сумму стоимостей в некоторой определенной функции»⁶⁷. В первом случае исходное производственное отношение растворялось в основном, во втором случае совершалась противоположная операция. К. Маркс преодолел оба эти заблуждения, сумев рассмотреть товар, абстрагируясь от капитала, не как продукт капитала, а сам по себе.

Аналогичная в методологическом плане задача по разграничению исходного и основного производственных отношений существует и для политической экономии социализма.

Единство исходного и основного производственных отношений объективно затрудняет также решение вопроса о том, что рас-

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 199.

смагивать в первую очередь: способ соединения рабочей силы со средствами производства или экономическую форму взаимодействия производства и потребления. Объективно решение данного вопроса предопределено, во-первых, тем, что эта форма — условие функционирования основного производственного отношения.

Во-вторых, если сравнивать форму взаимодействия производства и потребления со способом соединения рабочей силы со средствами производства, то последний более сложен, ибо он, включая в себя черты этой формы, содержит еще и дополнительные моменты. Так, отношение эксплуатации наемного труда включает в себя товарность как неотъемлемый свой элемент, но не сводится к ней. Данный способ соединения рабочей силы со средствами производства, кроме того, характеризует капиталистический строй как эксплуататорский строй, предопределяет его специфические мотивы и цели. Следовательно, и с этой точки зрения рассмотрение формы взаимодействия производства и потребления должно в системном исследовании предшествовать анализу способа соединения рабочей силы со средствами производства.

§ 4. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ

Распространено мнение, будто политическая экономия изучает как специфические, так и общие экономические законы. Часто в качестве примера приводят закон производительности труда. Рост производительности труда — это действительно общий закон, но это закон развития производительных сил. Производительность труда — это отношение человека, общества к природе. Факторы роста производительности труда — общие, так как они выражают отношение между обществом и природой, отвечают на вопрос, чем вооружен человек, каким орудием, на какой предмет он воздействует, какова его квалификация и т. д. Однако производительность труда находится под влиянием определенных производственных отношений. Способ производства определяет использование факторов роста производительности труда, комбинацию факторов и темпы роста производительности труда. Все это определяют специфические законы каждой формации. Например, погоня за прибавочной стоимостью, за прибылью и, наоборот, повышение благосостояния народа определяют все, что связано с ростом производительности труда соответственно при капитализме и социализме. Если мы попытаемся рассматривать вопросы роста производительности труда в отрыве от общественной формы, то это не будет политико-экономическим подходом.

В основе взгляда, согласно которому предметом политической экономии являются не только специфические, но также и общие экономические законы, лежит следующее: во-первых, смешение

отношений людей между собой по производству с отношением людей к природе. Например, некоторые склонны считать, что рабочая сила как способность человека к труду входит составной частью в предмет политической экономии. Такое представление ошибочно. Способность человека к труду изучают физиология, психология и другие естественные науки. Политическая экономия имеет дело с общественной формой рабочей силы. Например, политическая экономия капитализма изучает рабочую силу как товар, общественные условия воспроизводства рабочей силы как особого товара; во-вторых, представление, будто существуют всеобщие производственные отношения, а отношения отдельных способов производства — это формы, через которые проявляется по-разному эта общая сущность. Например, первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, социалистическая собственность — якобы специфические формы проявления такой сущности.

Конечно, собственность можно определить как общественную форму присвоения, а последнюю — как отношения людей по поводу производства, распределения, обмена, потребления. Но что, в свою очередь, представляют собой эти отношения? Оказывается, что не отношения собственности вообще, а отношения собственности капиталистической, феодальной, коммунистической, античной, первобытнообщинной и т. п. Именно поэтому в процессе перехода от одного способа производства к другому происходит не простое изменение форм собственности, превращение одной в другую, а уничтожение, ликвидация старой собственности и возникновение новой. Так, например, социалистическая собственность возникает не из частнокапиталистической формы присвоения; ее необходимость порождается общественным характером производства и его противоречием с последней.

Прибавочная стоимость — не результат превращений феодальной земельной ренты, а, наоборот, сама вызывает необходимость исчезновения этой ренты и замены ее капиталистической.

Содержание так называемого «всеобщего» экономического закона возмещения затрат рабочей силы состоит в том, что работник, чтобы работать должен есть, спать, иметь одежду, жилище... Если ограничиться этим, то политическая экономия здесь ни при чем. Если же речь идет о воспроизводстве элемента производительных сил, то личное потребление работника — это не биологический процесс. С точки зрения способа производства, потребление раба, например, это то же, что и потребление рабочего скота. Хозяин рассчитывает, как нужно кормить быка, чтобы тот мог работать и чтобы при случае его можно было бы с выгодой использовать. То же и в отношении раба: как его надо кормить, чтобы его труд был наиболее дешевым, чтобы расходы на покупку и кормление раба с лихвой окупались за счет его эксплуатации. Точно так же и личное потребление наемного рабочего не является процессом возмещения затрат рабочей силы.

Материальным содержанием воспроизводства стоимости рабочей силы является возмещение ее затрат, но общественная природа этого «возмещения» состоит в воспроизводстве особого товара, потребление которого создает прибавочную стоимость.

Личное потребление работника при социализме — тоже не возмещение затрат рабочей силы, хотя в процессе потребления оно и имеет место. Это — воспроизводство и всестороннее развитие способностей трудящегося как члена ассоциации свободных производителей. Хотя пища, одежда, жилище нужны и американскому, и советскому рабочему, но общественная природа их личного потребления различна и определяется положением работника в общественном производстве. Потребление американского и советского рабочего коренным образом отличается с точки зрения социально-экономической.

Часто в качестве всеобщей экономической категории указывают на прибавочный труд и прибавочный продукт, которые возникли еще на заре человечества, существовали на протяжении всего дальнейшего исторического развития, продолжают существовать и будут существовать, пока существует человечество.

Являются ли прибавочный труд и прибавочный продукт объектом изучения политической экономии? Прибавочный продукт — это продукт, который человек производит сверх данного уровня потребностей. Поскольку политическая экономия изучает общественные отношения, излишек продукта ее интересует потому, что он приобретает определенную общественную форму, становится носителем определенных производственных отношений. Заслуга К. Маркса, как известно, не в том, что он открыл прибавочный труд и прибавочный продукт (это знали до него), а в том, что он открыл прибавочную стоимость, специфическую форму существования прибавочного труда. Последнюю Маркс вывел не из предшествующих форм прибавочного труда, а из стоимости, которая, как известно, выражает равенство товаровладельцев. Только впоследствии Маркс противопоставил прибавочную стоимость прибавочному труду при феодализме.

Одной из причин непонимания соотношения между специфическими формами, в частности прибавочного продукта, является, на наш взгляд, непонимание соотношения между материально-вещественным содержанием и социально-экономической формой производства. Некоторым экономистам представляется, будто существует некое всеобщее отношение, которое принимает разные формы в разных способах производства. Так, на заре человечества возникла возможность затрачивать труд сверх того, что необходимо для существования человека, т. е. возникла возможность + производить излишек продукта. Однако в самом по себе этом факте нет еще никаких производственных отношений. Общественные отношения по-разному складываются между людьми при реализации этой возможности: выступает ли непосредственный производитель по отношению к владельцу средств производства

как его собственность, как придаток земли или как наемный рабочий. От этого и будет зависеть социальная природа излишка труда и продукта, их размеры, условия труда и характер распределения продукта.

Таким образом, не существует всеобщего отношения по поводу прибавочного труда и продукта. Всеобщим является тот факт, что может быть произведено известное количество продукта сверх того, что необходимо для обеспечения существующего уровня. Природа же этого продукта, отношения между людьми по поводу этого продукта специфичны для каждого способа производства.

В порядке возражения могут указать на тот факт, что стоимостные отношения, без сомнения, входят в состав предмета политической экономии, хотя они сопровождают в той или иной степени все известные до настоящего времени экономические образования. Но стоимость не представляет некую сущность, которая в разных способах производства проявляется по-разному. Стоимость имеет собственное содержание, представляет определенное отношение, существующее как таковое в разных способах производства. Такого рода отношения, конечно, входят в предмет политической экономии.

Стоимость всегда выражает отношения товаровладельцев. А что из себя представляют товаровладельцы и насколько отношения товаровладельцев проникли в систему отношений данного способа производства — это уже другой вопрос, он определяется не самой стоимостью, а господствующими производственными отношениями. Наконец, закон стоимости можно изучить в полной мере только на таком этапе, когда товарные отношения стали всеобщей формой продуктов труда, всеобщей формой производства.

В чем же тогда состоит единство разделов политической экономии, если каждый из них изучает особый способ производства и его особые законы? Единство состоит в том, что политическая экономия изучает общественную форму производительных сил; сами же производительные силы при переходе от одного способа производства к другому не уничтожаются, а развиваются и в количественном и в качественном отношении. Необходимость замены одного способа производства другим возникает в недрах предшествующего строя. Процессы, развивающиеся в недрах существующего строя, определяют характер будущего строя, идущего ему на смену. От степени развития производительных сил, от их характера, от комбинации их материально-вещественных и организационно-экономических элементов зависит характер способа производства, идущего на смену старому. В старом способе производства появляются в той или иной форме элементы нового. Например, в недрах феодализма возникла денежная форма феодальной ренты, носящая в себе элементы будущего: чисто денежное отношение между людьми. С другой стороны, в новом обще-

ственном способе производства сохраняются в той или иной форме, в течение того или иного периода элементы старого. На первой фазе коммунистического способа производства существуют товарно-денежные формы.

Единство предмета (и метода) всех разделов политической экономии выражается в том, что она не только изучает механизм функционирования данного способа производства, но и законы его возникновения, развития и подготовки перехода к более высокому способу производства. Следовательно, каждый способ производства рассматривается как составная часть, звено, этап, ступень, хотя качественно отличная от всех предшествующих и всех последующих ступеней развития, но с естественной необходимостью возникающая из предшествующего способа производства и с такой же естественной необходимостью порождающая новый способ производства.

Следовательно, единство политической экономии определяется не тем, что она якобы изучает всеобщие законы, или рассматривает специфические формы производственных отношений как проявления общей, единой сущности. Единство состоит в том, что она рассматривает специфические отношения и порождаемые ими экономические законы в исторической связи, преемственности, обусловленности. Каждое специфическое отношение данного способа производства представляет исторический результат всего предшествующего развития и может быть понято только в связи с пониманием условий его возникновения, развития и исчезновения.

С точки зрения единства политической экономии необходимо рассматривать и закон соответствия производственных отношений производительным силам. Если на том или ином этапе развития общества дан уровень и характер производительных сил, то дана необходимая в этих условиях система общественно-производственных отношений. Если повышается уровень развития производительных сил и меняется их характер, возникает необходимость замены устаревшей системы общественно-производственных отношений новой.

Политическая экономия вскрывает возникающее несоответствие между уровнем и характером производительных сил, с одной стороны, и характером производственных отношений — с другой, исследует направление развития производительных сил и характер нарастающего противоречия; выявляет элементы, несущие в себе возможность разрешения и характер разрешения этого противоречия, формы замены устаревших отношений новыми.

§ 5. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ И О КЛАССИФИКАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Методологической основой дальнейшего совершенствования политической экономии в широком смысле слова является марк-

систско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Политическая экономия в широком смысле должна обязательно строиться по общественно-экономическим формациям: докапиталистические формации, капитализм, коммунизм.

В последние годы в экономической литературе иногда говорят об особой политической экономии развивающихся стран, политической экономии современного государственно-монополистического капитализма. При создании такого рода «политических экономий» указывают обычно на переходные формы производственных отношений, которые якобы и составляют предмет особой политической экономии.

Хорошо известны переходные формы в докапиталистических формациях, однако ни о какой особой политической экономии этих переходных форм не может быть и речи. Например, существовал определенный исторический переход от феодализма к капитализму, но никакой политической экономии этого периода, конечно, нет. Особую стадию капитализма составляет империализм, но не может существовать особой политической экономии империализма, отличной от политической экономии капитализма.

Иногда говорят об экономической науке вообще. Правильнее говорить, что в настоящее время существует и успешно развивается система экономических наук.

Не подлежит сомнению, что политическая экономия как наука не может развиваться, не обогащаясь выводами отраслевых экономик, в свою очередь, отраслевые или специальные экономические науки не могут успешно развиваться, если они отрываются от своей непосредственной методологической основы, какой является политическая экономия.

Классификация состояния экономических наук на современном этапе может быть представлена так: исходной, основополагающей наукой является политическая экономия, далее следуют общие экономические науки. Они отличаются от политической экономии тем, что рассматривают общественно-производственные отношения либо во времени (история народного хозяйства или история экономического развития общества), либо в пространственном расположении (экономическая география), либо в их количественных связях и группировках (статистика). К общим экономическим наукам следует отнести и такие науки, как управление и планирование народного хозяйства. Далее следуют специальные экономические науки, изучающие такие экономические явления, которые представлены во всех сферах общественного производства. Это — экономика труда, кредит, денежное обращение. И, наконец, в систему экономических наук входят отраслевые экономики, степень развития которых находится в зависимости от степени общественного разделения труда.

Задача состоит не только в том, чтобы установить границы между экономическими науками (между политической экономией, общими, специальными и отраслевыми экономическими нау-

ками). На современном этапе развития одной из важнейших и сложнейших задач является интеграция экономических наук.

Когда мы говорим о системе экономических наук и политической экономии как их методологической основе, невольно встает вопрос о предмете последней. На наш взгляд, предметом политической экономии является способ производства. Предавать забвению и исключать из предмета наших исследований производительные силы нельзя.

Производительные силы в целом, в качестве основного определяющего фактора общественного развития, изучаются историческим материализмом. Только сведение общественных отношений к производственным, а этих последних — к определенному уровню производительных сил позволило марксизму поставить социологию на научную почву.

Политическая экономия исходя из основополагающих положений исторического материализма дает полную, исчерпывающую характеристику роли производительных сил в развитии экономического строя любого общества.

Классики марксизма не только не отказывались от изучения производительных сил, а брали их за основу развития производственных отношений. Не случайно Маркс предметом своего исследования называл способ производства.

Производительные силы — это не техническая категория. Производительные силы всегда имеют общественную природу. На это указывал Энгельс в «Анти-Дюринге», когда писал, что нужно считаться с общественной природой производительных сил. Под общественной природой производительных сил Ф. Энгельс понимал не какие-либо определенные (капиталистические или социалистические) производственные отношения, а исключительно высокий уровень обобществления производства, разделения труда, концентрацию производства. Все эти процессы и составляют содержание понятия «общественная природа производительных сил».

Общественная природа производительных сил приобретает специфически исторический характер в силу господства определенной формы собственности на средства производства. При капитализме они выступают как производительные силы капитала, при социализме — как социалистические производительные силы.

Нельзя раскрывать закономерности производства и развитие производственных отношений без изучения производительных сил. Это верно для капитализма и еще в большей мере для социализма.

§ 6. О МЕТОДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В современных условиях одной из наиболее актуальных проблем является разработка методологии политико-экономического исследования закономерностей и тенденций развитого социализма.

стического общества. Необходимость такой разработки диктуется двумя обстоятельствами. Во-первых, она вытекает из запросов жизни, из задач совершенствования управления и планирования, перестройки хозяйственного механизма. Это требует решительно-го устранения догматизма и схоластического теоретизирования, органической связи политико-экономических исследований с практикой социалистического хозяйствования. «...Задачи, стоящие перед нашей общественной наукой, — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — могут быть решены лишь при условии самой тесной ее связи с жизнью. Схоластическое теоретизирование может лишь тормозить наше движение вперед»⁶⁸.

Во-вторых, усиление внимания к вопросам методологии связано с решением задач дальнейшего развития самой науки и, прежде всего, с необходимостью создания системы экономических категорий и законов, адекватно отражающих систему производственных отношений развитого социалистического общества.

К числу центральных проблем, возникающих в этой области, относится изучение особенностей, специфики метода политической экономии социализма. Возникает вопрос: достаточно ли взять уже готовый метод, примененный К. Марксом к анализу системы производственных отношений капитализма, или необходимо его дальнейшее развитие и обогащение новыми методологическими приемами и принципами. Безусловно, методологическое наследие, оставленное основоположниками научного коммунизма, имеет неопределимое значение. Но метод исследования нельзя рассматривать как готовый набор правил, как своеобразную отмычку, пригодную ко всем случаям жизни.

Метод всегда включает в себя единство двух сторон — общего и особенного, того, что представляет собой неизменные принципы научного исследования, и того, что отражает специфику изучаемого объекта. Диалектический метод един. Вместе с тем его применение в каждой науке имеет свои особенности, в том числе и в политической экономии. В. И. Ленин указывал, что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики»⁶⁹.

Следует иметь в виду, что и в рамках одной науки метод исследования представляет собой единство общего и особенного. Нет, например, сомнений в том, что и в политической экономии капитализма, и в политической экономии социализма надо идти от простого к сложному, от абстрактного к конкретному. Это общее требование.

Однако при разработке методологических проблем политической экономии социализма необходимо учитывать как то общее, что свойственно методу этой науки в целом, так и то особенное,

⁶⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 73.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

специфическое, что характерно именно для социалистических производственных отношений. Задача состоит, следовательно, в том, чтобы, опираясь на метод «Капитала», развивать и конкретизировать метод политической экономии применительно к новым историческим условиям.

Диапазон проблем, возникающих в процессе разработки особенностей метода политической экономии социализма, чрезвычайно широк. Охватить эти проблемы и даже перечислить их трудно. Но одно здесь несомненно, а именно: необходимость идти не от буквы, а от жизни, идти по пути анализа и обобщения реальных процессов, протекающих в социалистической экономике, в особенности в ее зрелом, развитом состоянии. Это требование диалектического метода неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» он писал: «... Стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»⁷⁰. В другой работе с не меньшей определенностью В. И. Ленин указывал: «...Марксисты заимствуют безусловно из теории Маркса только драгоценные приемы, без которых невозможно уяснение общественных отношений, и, следовательно, критерий своей оценки этих отношений видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и соответствии ее с действительностью»⁷¹.

Суть вопроса состоит в том, чтобы применить это требование к исследованию закономерностей и тенденций развитого социалистического общества. Опираясь на «драгоценные приемы» марксистского метода, предстоит всесторонне раскрыть систему законов и категорий политической экономии социализма, начиная от ее наиболее общих, глубинных основ и кончая реальным механизмом хозяйствования.

Важное значение для решения возникающих при этом проблем имеет понимание единства и различия метода исследования и метода изложения. Метод изложения в значительной мере совпадает с движением от абстрактного к конкретному. Метод исследования значительно богаче и разностороннее. Он включает в себя две ступени движения научной мысли: от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному. Вот почему односторонним и неверным является отождествление метода политической экономии с методом восхождения от абстрактного к конкретному. Требование же начинать исследование с конкретного во всем его многообразии и предполагает обращение к реальной действительности социалистического общества.

Для понимания проблем метода исследования и метода изложения неопценимое значение имеет анализ «Капитала». К. Маркс

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 14.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 197.

строит свое изложение путем восхождения от абстрактного к конкретному. Но в исследовании он, как известно, шел другим путем. Сам К. Маркс неоднократно подчеркивал, что в исследовании исходным пунктом является конкретное, что к своим выводам он пришел от анализа эмпирических данных⁷².

В процессе разработки экономической теории социализма политическая экономия не раз обращалась к анализу проблем товарного производства. Правильное разрешение этой проблемы становится возможным опять-таки при учете основополагающих методологических принципов. Товарно-денежные отношения существуют реально в жизни. И нужно не жизнь подгонять под умозрительные схемы, а приводить теоретические выводы в соответствие с объективной реальностью. Поступать иначе — значит тянуть политическую экономию назад, к вопросам, которые были решены наукой несколько десятков лет назад.

Следует также иметь в виду, что товарно-денежные отношения не имеют самодовлеющего значения. Их социальное содержание определяется господствующими производственными отношениями, и в первую очередь, отношениями собственности на средства производства. Именно это принципиальное указание марксизма-ленинизма лежит в основе положения, содержащегося в ряде документов КПСС, о том, что товарно-денежные отношения имеют у нас новое, присущее им при социализме содержание. Непонимание новой, социалистической природы товарно-денежных отношений лежит в основе левацких настроений, которые еще подчас проявляются и дезориентируют практику и теорию.

В процессе обсуждения методологических проблем политической экономии возникает вопрос о разграничении ее функций, в том числе о двух функциях буржуазной политической экономии: апологетической и практической. Принципиальное решение этого вопроса было дано В. И. Лениным⁷³. Однако еще и сегодня с помощью различных аргументов делаются попытки поставить под сомнение правомерность выделения в буржуазной политической экономии двух названных функций.

Одним из наиболее распространенных является тезис о том, что буржуазная политическая экономия — сплошь апологетическая, а практические функции имеет якобы лишь конкретная экономика. Однако такое противопоставление неправомерно прежде всего методологически. Каждая наука имеет свой практический аспект, хотя он и выражен по-разному. Практическая роль буржуазной политической экономии состоит не в конкретных рекомендациях, а в обосновании путей самовозрастания капитала и присвоения прибыли.

⁷² Более подробно этот вопрос рассмотрен автором в статье «О методе исследования и методе изложения». — «Экономические науки», 1976, № 3.

⁷³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

Не менее важно обратить внимание еще на одну сторону проблемы. Приводимые выше рассуждения используются для того, чтобы косвенно обосновать отрицание практических функций у политической экономии социализма. С этим согласиться никак нельзя. Она выполняет не только функцию познания законов и категорий, не только функцию идеологического воспитания масс, но и важную практическую функцию. Практическая функция политической экономии социализма заключается в научном обосновании экономической политики партии и социалистического государства.

«Партия и государство, — говорилось в XXV съезде КПСС, — нуждаются в исследованиях проблем, связанных прежде всего со всесторонним развитием производства и управления производством, в рекомендациях, дающих возможность существенно повысить его эффективность»⁷⁴. Теоретическая разработка этих проблем — одна из главных задач политической экономии социализма.

Предпосылкой успешной разработки названных проблем является углубление методологии политико-экономических исследований. Этим определяется актуальность и значимость методологических вопросов в современных условиях.

§ 7. О СИСТЕМНОМ АНАЛИЗЕ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИИ В МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Развитие науки и ее успешная служба обществу находится в прямой зависимости от состояния методологии, с одной стороны, и с другой — от того, насколько научные работники хорошо владеют этой методологией.

Арсенал средств методологии не остается неизменным. Он меняется, и это понятно, поскольку перед наукой постоянно ставятся новые и новые задачи. Решение возникающих задач требует соответствующих средств, поэтому возникают новые приемы методологических исследований, обогащается и сам методологический инструментарий. Не остаются неизменными и традиционные, апробированные приемы в методологии.

В последнее время в своей исследовательской работе политэкономы заметно активизировали использование категории системы, стали широко применять так называемый системный подход. Это нашло свое выражение и в экономической научной литературе. Если пытаться оценить имеющиеся «системные» исследования, то в первую очередь следует отметить разноречивость в толковании отдельных системных атрибутов. И дело не только в том, что

⁷⁴ Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

экономисты хорошо еще не овладели системным понятийным аппаратом, но и в том, что недостаточно полно разработаны сами системные категории. Взять хотя бы наличие разных трактовок понятия «организация».

Интерес представляют два значения термина «организация», получившие наибольшее распространение. В первом, более широком значении организация определяется как упорядоченность прежде всего устойчивых свойств и отношений системы, затем как упорядоченность неустойчивых свойств и отношений, появляющихся в разных условиях существования системы, и, наконец, как упорядоченность массовых свойств (событий), существующая в ансамбле систем. Второе значение термина «организация» значительно уже первого. Организация в этом случае сводится к процессу направленного изменения, перестройки системы. По нашему мнению, направленность изменений, перестройка системы является результатом главным образом инвариантных зависимостей. Поэтому во втором значении толкование термина «организация» совпадает с понятием «структура». В связи с этим следует отметить, что понятие «структура» в «системных» исследованиях еще неотдифференцировано от понятия «организация» системы. Подход к ним как к двум различным системным категориям является необходимым.

«Структура» и «организация» являются близкими, но не тождественными характеристиками системы. Структура, как и организация, тоже атрибут системы.

Понятия организации и структуры совпадают в том смысле, что и та и другая представляют (характеризуют) относительно устойчивый порядок внутренних связей и отношений. Но если организация как процесс упорядоченности привела к этому «порядку» и для нее это результат ее как процесса, то структура «совпадает» с организацией в этом заключительном ее моменте. Поэтому будет правильно полагать, что структура — это организация системы на том или ином этапе ее изменения (развития) или, что то же самое, структура — это организация в определенный момент времени. Вместе с тем структура, как тот или иной порядок, может одновременно быть и организатором, способом организации, вызывая в дальнейшем определенное собственное изменение (изменение структуры). Следовательно, между организацией и структурой есть «моментное» сходство, «моментное» совпадение. С этой позиции становится объяснимым, почему организация и структура не тождественны, почему понятие организации значительно шире понятия структуры, хотя они и имеют «моментное» совпадение и являются атрибутами системы.

Неотдифференцировано понятие «организация» и от понятия «системы». Однако, по нашему мнению, система — не процесс, хотя и может определяться как совокупность взаимодействующих элементов. Очевидно, что этим — как совокупность явлений в развитии, т. е. как процесс, — организация и отличается от системы.

Понятийный аппарат системных исследований нельзя еще считать в качестве окончательно сформировавшегося. Сложилась ситуация, когда применение системного подхода происходит одновременно с разработкой его категорий. Но это не дает основания согласиться с попыткой абсолютизации системного подхода. Особенно ярко эта попытка обнаруживается в стремлении толковать систему только через ее атрибуты: структуру, организацию, управление и информацию. Если система характеризуется как органически цельное образование, то, анализируя ее, наряду с названными атрибутами необходимо раскрыть также сущность системы и ее содержание. В противном случае исследование будет неполным. Более того, без знания сущности и содержания не получают должного раскрытия названные атрибуты системы и, что чрезвычайно важно, исчезает их специфика, остается в их характеристике лишь то общее, что свойственно этим атрибутам в любых системах.

Необходимость такого подхода к системе остро чувствуется, судя по состоянию современных исследований производственных отношений. В связи с этим обращает на себя внимание позиция Я. А. Кронрода. «Но все это тем не менее не означает, что производственные отношения сводятся только к законам,— пишет Я. А. Кронрод.— *Во-первых*, производственные отношения обладают многообразными формами проявления, в которых выражается их сущность, а с нею эти формы отнюдь не совпадают законы же управляют движением этих форм. *Во-вторых*, отношения производства обладают различными сторонами, свойствами, качествами, которые выступают в экономических категориях, не исчерпываемых законами и не сводимых к законам, хотя и неразрывно с ними связанных. *В-третьих*, отношения производства реализуются в форме экономических процессов, которые, также будучи обусловлены законами, управляющими этими процессами, тем не менее к ним не сводятся, с ними не тождественны»⁷⁵.

Суждение Я. А. Кронрода о том, что производственные отношения не сводятся к законам, справедливо. Однако это объяснение нельзя считать исчерпывающим, в нем нет главного: подхода к производственным отношениям как органическому целому с определенной сущностью, содержанием, структурой (формой) и проявлениями (явлением). Только с позиций такого подхода и можно объяснить несовпадение (несведение) производственных отношений и законов.

Законы как устойчивые, необходимые, повторяющиеся связи в производственных отношениях составляют их структуру (форму), поэтому их и нельзя свести к производственным отношениям. Законы связывают все составляющие (части) производственных отношений в единое целое — систему производственных отно-

⁷⁵ Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма. М., 1966 с. 18.

шений, без них нет этой системы, они главное условие ее существования.

Я. А. Кронрод прав, выделяя различные стороны, свойства, качества в производственных отношениях, которые не сводятся к законам и не исчерпываются законами. Но, выделив, он не пошел дальше в своем обобщении. Совокупность необходимых сторон, качеств и связей производственных отношений в их естественной взаимозависимости составляет сущность производственных отношений. Разумеется, что необходимые стороны, качества производственных отношений, а также необходимые связи⁷⁶ не сводятся к законам и не исчерпываются ими. Эти необходимые стороны производственных отношений в их естественной взаимозависимости найдут свое выражение в так называемых «сущностных» категориях.

И, наконец, справедливо указание на то, что «производственные отношения реализуются в экономических процессах». Но, указав на это, автор не подошел к экономическим процессам как к взаимодействиям необходимых сторон и качеств производственных отношений. Если в системе производственных отношений имеются необходимые стороны в их естественной взаимозависимости, то, следовательно, неизбежны взаимодействия, изменения этих сторон. Эти взаимодействия необходимых сторон между собой и с внешними факторами, условиями существования производственных отношений не могут быть процессами, не могут не иметь в качестве своих результатов соответствующие этим взаимодействиям изменения.

Следовательно, без процессов нет производственных отношений. Эти процессы или вся совокупность взаимодействий необходимых сторон производственных отношений и обусловливаемых ими изменений в этих необходимых сторонах, качествах, представляет собой содержание производственных отношений. Содержание как совокупность всех процессов, свойственных производственным отношениям, текуче, изменчиво. Но эта текучесть, изменчивость не беспорядочна, она совершается в определенных рамках, созданных относительно устойчивой системой связей — структурой, системой экономических законов. Это уже свидетельствует о том, что законы не могут быть сведены к экономическим процессам, они действительно не тождественны между собой.

Таким образом, нельзя ограничиться констатацией несовпадения производственных отношений и экономических законов. Система экономических законов как структура производственных отношений представляет собой способы сочетания и взаимосвязи между элементами данных производственных отношений. Система

⁷⁶ Законами являются не все необходимые связи, а только лишь те, что повторяются и носят устойчивый характер.

экономических законов и обуславливает существование производственных отношений как единого целого.

В понятийном аппарате экономической науки «структура» не нашла еще должного места, и даваемые толкования ее не могут не вызывать известного интереса и определенного возражения.

А. М. Румянцев довольно четко ставит вопрос об экономической структуре общества. С тем, чтобы оценить его понимание экономической структуры (структуры экономики), следует обратить внимание на его определение структуры вообще. Под внутренней структурой изучаемых объектов он понимает совокупность существенных, необходимых, определяющих связей⁷⁷.

В таком толковании структурой является совокупность связей, а не их система. Совокупность же связей не всегда представляет собой органическое целое, а следовательно, систему. Структура же всегда является системой необходимых, относительно устойчивых, т. е. инвариантных, связей. Являясь системой относительно устойчивых, необходимых, прочных связей, структура в то же время выступает в качестве атрибута другой системы. В связи с этим создается настоятельная необходимость четко определенного оперирования термином «структура» и правильного толкования этого понятия. Приведенное понимание структуры изучаемых объектов свидетельствует о том, что подход к этому вопросу несколько узок, однобок. Эта узость и однобокость могут быть преодолены лишь путем использования системного метода.

А. М. Румянцев не только определяет структуру, но и дает характеристику структуры социалистической экономики⁷⁸.

В понимании А. М. Румянцева внутренней структурой экономики является вся совокупность производственных отношений, многосторонние отношения совместных собственников средств производства. В таком понимании структура экономики отождествляется с самой экономикой, ведь только она является совокупностью многосторонних производственных отношений. Вместе с тем, это понимание структуры экономики не согласуется с определением автора ее как совокупности существенных, необходимых, определяющих связей.

Вызывает возражение по ряду причин и данная им характеристика главных звеньев структуры экономики. «Общество ассоциированных производителей как единое хозяйствующее целое, господство общественной собственности на основные средства производства как общее и главное условие социалистической экономики, необходимость непосредственного участия каждого трудоспособного члена общества в общем, не знающем эксплуатации труде, общая собственность на результаты общего труда...

⁷⁷ См.: Румянцев А. М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., 1965, с. 18.

уже в этой своей совокупности они представляют собой главные звенья внутренней структуры социалистической (коммунистической) экономики»⁷⁹.

Во-первых, общество ассоциированных производителей оказалось одним из главных звеньев структуры экономики, хотя понятие «общество» более широкое и емкое, чем экономика, и последняя является частью первого.

Во-вторых, собственность на средства производства, непосредственно общественный, общий труд, общая собственность на результаты общего труда — это результат функционирования общества ассоциированных производителей как единого хозяйствующего целого, а не наоборот.

Подход к структуре экономики как системе относительно устойчивых, необходимых связей обязывает выделить в массе многосторонних производственных отношений эти связи; проанализировать, почему они в совокупности образуют органическое целое — систему; дать характеристику не только самой структуре как органически целому образованию, но и элементам этой системы, их месту и роли в ней, взаимозависимостям между ними.

В этом многообразии связей структурные связи выделяются по целому ряду признаков. Прежде всего это связи между элементами рассматриваемой системы. Эти связи характеризуют взаимозависимости элементов, взаимодействие которых формирует системное образование. Взаимосвязи складываются как между основными, так и не основными качествами элементов. Но превалируют среди них взаимосвязи между основными качествами, ибо основным качеством являются свойства, присутствующие у элементов в любых условиях, т. е. всегда. Вместе с тем эти связи элементов системы являются необходимыми, ибо они обусловлены природой, качествами элементов системы, т. е. внутренними собственно системными причинами. И поскольку эти связи элементов существуют, пока существует сама экономическая система, постольку они являются устойчивыми. Таким образом, структурные связи системы — это связи между основными качествами элементов; это связи спонтанные, необходимые; это связи повторяемые и устойчивые. Данные качества структурных связей сохраняются при тех или иных изменениях системы. На этом основании структурные связи определяются как инвариантные.

Знание основных признаков системы позволяет вычленил из многообразия предметов, явлений, процессов системные образования, ибо признаки характеризуют систему как целостное, относительно автономно существующее и взаимодействующее с

⁷⁸ См.: Румянцев А. М. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации, с. 75.

⁷⁹ Там же, с. 80—81.

внешней средой, образование. Вместе с тем, когда нужны ответы на вопросы, почему родившееся и существующее в результате взаимодействия совместимых системообразующих элементов системное образование, взаимодействуя и с внешней средой, сохраняет свою целостность; почему связи и взаимодействия упорядочиваются в определенной субординации, упорядочиваются повторяясь; почему изменяются состояния системы, но изменяются в известных пределах, — следует использовать знание уже таких атрибутов системы, как структура, организация, управление и их информационное обеспечение. Конечно, без знания атрибутов системы невозможно вскрытие механизма спонтанного развития и функционирования системного образования. Однако использование системного понятийного аппарата даст эффект только в соединении с инструментарием материалистической диалектики, ее законами и категориями.

Наука XIX и особенно XX столетия стала исследовать очень сложные макро- и микрообъекты. Изучение сложных объектов потребовало их вычленения из многообразных, взаимосвязанных явлений. Широкое использование получила категория «целого». Пользуясь признаками целого, ученые вычленяют объекты своих исследований и затем уже, ведя дальнейший качественный анализ, выявляют сущность и содержание целого. Более того, подход к исследуемому объекту как целостному образованию потребовал объяснить, почему целое существует автономно, почему оно не теряет своей автономности, хотя воздействие окружающей среды является постоянным и довольно значительным. Так родилось понятие системы как целостного образования. Были выявлены атрибуты системы, а сами системы стали подвергаться классификациям. Накопленный наукой материал об исследовании систем позволил моделировать и создавать системы. Среди прочих наук на этот путь встала и биология. Моделирование и создание систем в биологии во многих случаях сводилось к воссозданию саморазвивающихся систем. Эффект достигался большой, а резонанс еще больший. Создание сложных систем в экономике, в армии, в военном производстве и т. д. потребовало не менее сложных систем управления. Появилась кибернетика. Все это получило соответствующее освещение в мировой научной литературе. Появились исследования по теории систем и системному подходу, по кибернетике, авторы которых находятся на различных методологических позициях.

В связи с этим можно с сожалением констатировать отдельные факты не критического подхода советских ученых к трудам западных исследователей, стоящих в большинстве своем на противоположной марксизму позиции.

В настоящее время особую значимость приобретает разработка системы как методологической категории и определение места и роли системного подхода среди средств методологического инструментария. Еще К. Маркс исследовал гигантскую макро-

структуру, которой является капитализм, и вскрыл основные закономерности системы применительно к обществу.

К. Марксу принадлежит открытие системного качества, являющегося самым сложным среди других качественных определенностей. Об этом ярко свидетельствует его учение об общественно-экономической формации. В свете этой теории, разработанной на основе диалектического материализма, материалистического понимания истории, все исторические формы общественной жизни предстали в качестве системных, более того, предстали в виде системно-субординированных.

В методологической литературе довольно широко используется термин «системный подход». Но, видимо, было бы правильнее квалифицировать его как одну из форм качественного анализа и соответственно пользоваться термином «системный анализ». Дело в том, что исследование органически целых объектов не могло не привести к изменению соотношений различных форм качественного анализа, более того, оно привело к тому, что ведущей формой качественного анализа стал системный. Но так как применение системного анализа, разработка проблемы системности ведется многими учеными мира, стоящими на разных методологических позициях, то системный анализ нельзя ставить вне рамок определенной методологии, и причину возникшего у некоторых ученых негативного отношения к системным исследованиям следует видеть не в собственно системном анализе, хотя он нуждается в совершенствовании, а в той методологии, в рамках которой системный анализ был использован.

§ 8. ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВНИ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза говорится: «На нынешнем этапе развития страны потребность в дальнейшей творческой разработке теории не уменьшается, а, наоборот, становится еще большей»⁸⁰.

В последнее время политическая экономия социализма от эмпирического уровня научного исследования экономической действительности, от анализа сущности ее отдельных сторон, экономических явлений, экономических факторов вне их всеобщей связи переходит к решению проблемы исследования всей системы социалистических производственных отношений в их целостности. Именно на этом теоретическом уровне исследования политическая экономия обнаруживает самую глубокую сущность экономических явлений, раскрывает внутренние связи и закономерности, управляющие ими. Последнее приводит к тому, что политическая экономия как наука поднимается на качественно новую ступень

⁸⁰ Материалы XXV съезда КПСС, с. 72.

в познании сущности своего предмета, а добытые новые знания находят выражение в научной теории, представляющей собой систему субординированных законов и категорий.

Эмпирический и теоретический уровни исследования в политической экономии являются необходимыми ступенями познания ее предмета, между которыми существует определенная взаимосвязь. Без теории наука не достигает своей завершенности в развитии, в познании своего предмета. Но теория возникает лишь на базе обобщения экономических явлений, экономических фактов, добытых на эмпирическом уровне исследования. Однако на теоретическом уровне происходит не простое обобщение уже полученного знания или стройное логическое его изложение. Здесь происходит обнаружение и исследование всеобщей цепи причинно-следственных связей, которая извлекается из экономических фактов с помощью особых теоретических средств научного познания.

Эмпирический и теоретический уровни познания политической экономии имеют предметом одно и то же—реальную экономическую действительность, однако исследование ее на этих уровнях ведется с разных сторон. Только на теоретическом уровне исследования удается проникнуть в самую глубокую сущность экономической реальности, поэтому источник теоретического знания богаче, чем эмпирического. Добытые научные истины эмпирического уровня и эмпирические законы являются хотя и необходимым источником теоретического знания, но не единственным. В самом общем плане можно сказать, что источником эмпирического знания являются отдельные, различные стороны данной реальности как непосредственной хозяйственной практики; источником же теоретического знания выступает историческая экономическая практика как развивающийся целостный процесс. Утверждения, что политическая экономия должна исходить из фактов, опираться на факты, делать экономическую практику исходным пунктом политико-экономического исследования, конечно, верны. Но если при этом под практикой понимается лишь непосредственная экономическая практика, то происходит отрицание предмета теоретического уровня исследования и обнаруживается нигилистическое отношение к методологическим проблемам теоретического анализа. Последнее иногда пытаются оправдать материалистическим положением о том, что критерием истины является практика. Однако практика оказывается тождественной эмпирическому знанию, если она берется непосредственно, то есть сама по себе. К примеру, эмпирическая зависимость величины средней прибыли от всего авансированного капитала, а не только переменного, подтверждается непосредственной хозяйственной капиталистической практикой и ею же опровергнута быть не может, ибо прибавочная стоимость в действительности делится по силе всего капитала. Но этот экономический факт непосредственно противоречит трудовой теории

стоимости и закону прибавочной стоимости. И в пределах эмпирического, уровня познания данное противоречие не устранимо. Категория «средняя прибыль» так и остается эмпирической категорией, отражающей сущность менее глубокого порядка, если не удастся найти связь между вышеназванной эмпирической зависимостью и глубокой сущностью капиталистического способа производства.

Таким образом, эмпирический уровень научного исследования, хотя и неразрывно связан с теоретическим уровнем, имеет свою качественную специфику. Равным образом политико-экономическое знание на теоретическом уровне специфично не только по содержанию и форме, но и по способам его получения. На данном уровне исследования эмпирические методы становятся бесильными и в процесс познания включается теоретическое мышление.

«...Теоретическое мышление, — пишет Ф. Энгельс, — является врожденным свойством только в виде способности. Эта способность должна быть развита, усовершенствована, а для этого не существует до сих пор никакого иного средства, кроме изучения всей предшествующей философии»⁸¹.

Таким образом, теоретическое мышление возможно лишь на основе использования философских категорий, которые выступают как логические средства познания объективной действительности, направляющие мысль на раскрытие содержания в предмете.

Однако философия, вооружая политическую экономию методом теоретического исследования экономической действительности, формирует и общее целостное представление об изучаемом ею предмете, которое является предпосылкой теоретического анализа.

К. Маркс на основе диалектического материализма выдвинул положение о том, что общество, а значит, и система производственных отношений, есть неразрывное органическое целое, представляющее собой диалектически расчлененное единство.

«Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁸².

При таком понимании предмета политической экономии сознательно ставится задача отыскать закон движения способа производства, проследить его историческое развитие. В этом случае «...изучение природы движения должно... исходить от низших, простейших форм его и должно... научиться понимать их преж-

⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 366.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 429.

де, чем могло дать что-нибудь для объяснения высших и более сложных форм его»⁸³.

Таким образом, более сложные формы развития предмета в процессе его изучения должны быть последовательно выведены из простых в соответствии с тем реальным порядком, в котором развиваются одна за другой соответствующие формы конкретно-целого.

Решить творчески эту задачу возможно лишь на основе материалистической диалектики путем восхождения от абстрактного к конкретному, то есть от анализа простых, небогатых определениями форм развития исследуемого целого к анализу сложных, генетически вторичных образований. Поэтому метод восхождения от абстрактного к конкретному можно рассматривать как специфический метод теоретического уровня исследования, обусловленный характером самого исследуемого предмета. Это — метод целостного исследования действительности, основная цель которого — выявить и проследить объективно необходимые взаимосвязи, взаимозависимости между явлениями данного целого.

Таким образом, действительно научный подход к решению методологических проблем политической экономии социализма возможен лишь на основе учета двух уровней научного познания экономической действительности и сознательного разграничения эмпирической и теоретической ступеней исследования производственных отношений.

В нашей экономической литературе, посвященной анализу методологических проблем политической экономии социализма, нередко можно столкнуться со своеобразным отрицанием теоретического уровня исследования социалистических производственных отношений. Это в наиболее открытой форме обнаруживается в сведении специфически теоретических методов политико-экономического исследования к методам изложения, а всего содержания теоретического уровня исследования — лишь к проблеме построения логически стройной системы законов и категорий политической экономии социализма в учебном курсе.

В первом случае отрицаются особые научные методы теоретического уровня исследования, а во втором — его особое объективное содержание.

Если бы проблема теоретического знания могла быть сведена лишь к проблеме логического построения знаний, полученных, например, на эмпирическом уровне, а не в открытии нового знания, то буржуазные экономические «теории» можно было бы считать истинными, так как многим из них нельзя отказать в логической стройности. Видные современные буржуазные экономисты уделяют много внимания методологическим аспектам изложения своих взглядов с целью придать им строгую формальную стройность, но им в действительности не удается подняться

⁸³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 391.

на теоретический уровень политико-экономического анализа, так как при этом нужно было бы открыть самую глубокую сущность капиталистического способа производства, что недостижимо в рамках буржуазного кругозора.

Поэтому в современных буржуазных экономических «теориях» нет ничего нового, что бы уже не содержалось в знаниях, полученных на эмпирическом уровне исследования, если даже отвлечься от цепи постулатов, господствующих в обыденном буржуазном сознании, которую нередко буржуазные ученые вводят в основу своих систем. Вот почему ни одному профессору буржуазной политической экономии, писал в свое время В. И. Ленин, «...способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии»⁸⁴.

В. И. Ленин, как мы видели, четко отличал исследования буржуазных профессоров политической экономии в области изучения отдельных сторон, явлений, отдельных эмпирических закономерностей от общей теории политической экономии. И здесь следует еще раз подчеркнуть, что современная буржуазная политическая экономия не достигает теоретического уровня исследования не потому, что испытывает недостаток в систематизаторах фактов экономической жизни, а потому, что исходные посылки их теоретических построений или вращаются в кругу эмпирических зависимостей, или основываются на подмене внутренних связей буржуазной экономики апологетическими умозрительными построениями.

В нашей философской литературе и в специальных работах по методологии науки разрабатываются проблемы эмпирического и теоретического уровней научного исследования, анализируется взаимосвязь уровней познания и вскрывается диалектическая сущность процесса научного исследования в целом.

В то же время нередко при разработке методологических проблем политической экономии социализма авторы лишь в самой общей форме указывают на диалектический материализм как на основу метода политической экономии и все методологические проблемы сводят лишь к решению основного вопроса философии применительно к политической экономии. При этом правильно отмечается сложность диалектического процесса познания, который в своем развитии проходит ряд ступеней. Но применительно к политической экономии социализма он в исходном пункте трактуется в слишком общей форме. Это с самого начала может закрыть дорогу к теоретическому методологическому анализу политической экономии социализма.

Так, в экономической литературе отстаивается положение о том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному нельзя относить к методу исследования экономической реально-

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 363.

сти, так как в этом случае исходным пунктом познания становится якобы логическая идея, абстрактное понятие. И хотя при этом совершенно правильно ставится проблема начала в политической экономии в том смысле, что начало должно быть фактическим, однако при этом упускается из виду, что само фактическое начало может быть разным. Одно дело, например, когда берется в качестве исследования какое-нибудь реальное экономическое явление, из которого с необходимостью не могут быть выведены все остальные, и другое дело, когда берется такое фактическое, реально существующее начало, исследование развития которого дает возможность проследить внутреннюю связь всех экономических явлений. Видимо, проблему начала исследования в политической экономии нельзя решить простым указанием на необходимость начинать исследование с практики, то есть восходить от конкретного к абстрактному. Ее решение связано с разграничением различных уровней научного исследования и с определенным диалектико-материалистическим пониманием самой экономической практики.

В указании на то, что движение познания, процесс исследования в политической экономии идет по пути «конкретное — абстрактное — конкретное» в скрытом виде содержится необходимость разграничения различных ступеней познания.

Однако действительная проблема заключается не в общем указании на путь познания, а в конкретном ответе на вопрос, в чем состоит сила абстрактного, т. е. теоретического, мышления, какими средствами оно должно быть вооружено, если пытается проникнуть в самую глубокую сущность исследуемого предмета, каков его метод, позволяющий обнаружить в экономической деятельности то, чего нельзя разглядеть на эмпирическом уровне анализа.

Решение этих проблем невозможно без дальнейшего глубокого исследования методологических аспектов экономической теории Маркса, а также современных достижений в области диалектического материализма и применения результатов этих исследований в политической экономии социализма.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ И ЗАКОНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

§ 1. ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Теперь уже стало общепризнанным, что в политической экономике социализма может и должен быть использован марксистский метод иерархического восхождения, хотя ведутся еще споры по вопросу о том, как, по какому признаку это восхождение производить. Вместе с тем остается еще открытым вопрос о том, как мобилизовать тот материал, которым политическая экономия социализма овладела за последнюю четверть века, как организовать его в систему категорий, чтобы наука могла быть действительно орудием познания практики, научной основой вмешательства в эту практику.

Авторы второго тома «Курса политической экономики» решают этот вопрос следующим образом.

Прежде всего разграничиваются закономерности становления социализма и закономерности сложившегося социализма. В самой системе социалистических производственных отношений выделяются различные структурные уровни:

а) общекоммунистические отношения, единые по своей сущности для обеих стадий коммунизма, в том числе и для развитого социализма;

б) специфические отношения социализма, генетически связанные с ликвидацией капитализма и победой социалистической революции, но которые не могут быть отнесены к общим основам коммунистического способа производства в целом, потому что вследствие недостаточного уровня развития производительных сил они носят исторически ограниченный характер; они действительны только для низшей фазы коммунизма;

в) производственные отношения, генетически не связанные с общими основами коммунизма, оставшиеся от прошлого, сохранившиеся еще при социализме и функционирующие при нем, хотя и в видоизмененной форме и с измененным содержанием;

г) отношения, которые помимо общих основ, свойственных низшей и высшей фазам, уже сами собой представляют зародыш

высшей фазы, являются наиболее очевидными формами перехода от социализма к коммунизму.

Указанные группы отношений в совокупности образуют развивающуюся систему, в которой позиции отдельных групп не остаются неизменными. Выделение в этой системе общих для высшей и низшей фаз коммунизма производственных отношений является не декларацией, а единственной, настоящей диалектической опорой против концепции, согласно которой социализм представляет собой якобы самостоятельный, отличный от коммунизма способ производства.

Выделение остальных групп также не может вызвать научных возражений. Социализм есть низшая фаза коммунизма. Он не является самостоятельным способом производства. То, что характеризует его как особый способ производства по отношению к прежним способам производства, абсолютно тождественно отношениям высшей фазы коммунизма (не в смысле конкретных форм, а по своей принципиальной сущности). Как способ производства социализм есть коммунистический способ производства. То, что есть в социализме специфического по сравнению с коммунизмом, вытекает не из его особенностей как способа производства, а из неразвитости его как низшей фазы коммунистического способа производства по сравнению с высшей. Первая задача при изучении той или иной совокупности заключается в том, чтобы выяснить, к какому способу производства относится эта совокупность. Решение этого вопроса означает противопоставление социализма капитализму, а не коммунизму. Разграничение социализма и коммунизма имеет научное значение лишь после того, как установлено, к какому способу производства относится совокупность отношений социалистического производства. Поэтому естественно, что на первом этапе изучения социализма должны быть выделены его родовые признаки. Второй этап заключается в том, чтобы обнаружить, что делает социализм особой фазой коммунизма. Этот круг отношений не может возникнуть без того, что составляет основу двух фаз, т. е. единого коммунистического производства, но он порожден недостаточной развитостью этого способа производства, недостаточным уровнем развития производительных сил, который находит свое выражение в неразвитости и самих производственных отношений коммунизма. Наконец, третий круг отношений не обязан своим генезисом коммунизму как способу производства, а представляет собой остатки прежних форм производственных отношений, которые постоянно меняют свое содержание в ходе развития коммунистического способа производства и полностью отомрут при переходе к высшей фазе коммунизма. Они представляют собой известные формы экономических отношений. В силу того, что они находятся при новых исходных и основных отношениях, такие экономические формы могут стать формами проявления чуждых им по природе отношений.

Развитие социализма в коммунизм означает не только развитие того общего, что делает их фазами единого способа производства (исходного и основного отношения), но и обязательное появление таких новых форм производственных отношений, которые превращают незрелый коммунизм в зрелый, полный коммунизм.

* *
*

Спорным остается вопрос о месте категории собственности в политической экономии. Отношения собственности и присвоения выступают как обязательный момент производственных отношений, но вычленение собственности в качестве отдельной категории не является безусловным.

При переходе к изучению категории «социалистическая собственность» должно быть проведено разграничение отношений становления и отношений воспроизводства и развития социализма на своей собственной основе.

Во всех трех изданиях «Курса политической экономии» подчеркивалось, что обязательным условием перехода от капитализма к социализму является ликвидация капиталистической собственности и превращение ее в общенародную социалистическую собственность.

Однако ликвидация капиталистической собственности не означает еще победы социализма. Победа социалистической системы производственных отношений предполагает, что на основе планомерной организации всего общественного производства социалистическая собственность из предпосылки социалистического воспроизводства превращается в его постоянно воспроизводимый результат. Таким образом, экономически социалистическая собственность воспроизводится всей системой производственных отношений социализма.

Научное политико-экономическое определение социалистической собственности возможно лишь на основе изучения конкретной системы производственных отношений. Формальные же определения собственности как принадлежности средств производства отдельным лицам, классу или всему обществу сами по себе ничего не дают для понимания того, как воспроизводятся эти отношения. Чтобы понять, что такое социалистическая собственность, необходимо раскрыть систему производственных отношений социализма.

Научное решение вопроса о социалистической собственности имеет также большое практическое значение. Если оставаться в рамках указанного выше формального определения собственности, тогда закрывается путь к познанию путей перерастания социалистической собственности в коммунистическую. Изменения, которые осуществляются в социалистической собственности в ус-

ловиях развитого социализма, могут быть раскрыты через процессы конкретных изменений в производственных отношениях, а не через формальные определения владения, пользования и распоряжения. В частности, тот процесс обобществления, который в настоящее время осуществляется в сельском хозяйстве и основные направления которого определены XXV съездом и постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации в агропромышленной интеграции», может быть раскрыт только путем изучения тех производственных отношений, которые связаны с этим процессом, а не путем дефиниций того, какие изменения происходят в распоряжении, владении и пользовании объектами социалистической собственности. Эти определения играют свою роль, но они ничего не решают в определении экономической природы процессов, которые развиваются в сельском хозяйстве.

Следует помнить, что сведение социалистической собственности к единичной категории обедняет экономическое содержание социалистической собственности. Поэтому оно является не только неправильным теоретически, но и мешает практическому использованию результатов развития политической экономии.

Непонимание того, что раскрытие содержания социалистической собственности возможно только путем изучения конкретных отношений производства, через которые и происходит процесс ее развития, мешает видеть реальные процессы и перспективы создания общенародной собственности в рамках социалистической фазы коммунистического способа производства, мешает, таким образом, реальным процессам обобществления, которые органически необходимы в условиях развитого социализма, опирающегося в своем динамическом движении на достижения научно-технической революции.

Нельзя совместить с диалектическим методом исследования без посредствующих звеньев выведение всех отношений непосредственно из собственности. Элементарным признаком диалектического развития является генетическая связь, где исходное или основное (в данном случае безразлично) отношение порождает другое, более конкретное отношение, а это последнее, в свою очередь, — следующее и так далее. Пренебрегать таким подходом — значит лишь на словах признавать систему производственных отношений.

§ 2. ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

Дальнейшее совершенствование социалистических производственных отношений, их постепенное перерастание в полностью коммунистические отношения, является одной из важнейших

составных частей программы коммунистического строительства в нашей стране, построившей развитое социалистическое общество.

Как известно, Программа КПСС, принятая в 1961 г., формулирует три взаимосвязанные задачи коммунистического строительства: создание материально-технической базы коммунизма; постепенное преобразование социалистических общественных, в том числе производственных, отношений в коммунистические; формирование нового человека.

Непосредственный переход к практическому осуществлению этих задач характеризует именно этап развитого социалистического общества.

Политическая экономия, выполняя идеологическую функцию, участвует вместе с другими общественными науками в формировании нового человека. Но круг ее функций шире. Как наука, она выполняет познавательную, гносеологическую функцию, изучая особую область общественных отношений: производственные, точнее, социально-производственные отношения. Эти отношения относятся к экономике, поэтому задачи политической экономии как науки относятся к области экономических задач коммунистического строительства.

Главной экономической задачей коммунистического строительства, непосредственно осуществляющегося в условиях развитого социализма, Программа КПСС определила создание материально-технической базы коммунизма. Если обратиться к вопросу об экономических критериях развитого социализма, то, видимо, главным его признаком надо будет признать непосредственное строительство материально-технической базы коммунизма. На XXIV съезде КПСС именно этот момент рассматривался как отправной при характеристике этапа развитого социалистического общества. Разумеется, речь идет о создании материально-технической базы коммунизма в общих чертах ее основ. Речь не идет о том, что уже полностью закончено развитие материально-технической базы социализма. Суть дела в непосредственности перехода к решению задачи строительства материально-технической базы коммунизма в процессе дальнейшего развития, повышения уровня материально-технической базы социализма.

Центральный момент в повышении уровня дальнейшего развития материально-технической базы социализма, к которому сводится проблема адекватности исторической ступени развития производительных сил производственным отношениям первой стадии коммунистической формации, — это ликвидация неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда, т. е. повышение степени механизации народного хозяйства, всех его отраслей. Как нельзя говорить о наличии материально-технической базы социализма без крупной машинной индустрии, охватившей и земледелие (хотя бы его основные работы), точно так же нельзя говорить и о том, что создание материально-технической

базы социализма полностью завершено, если значительная часть труда в народном хозяйстве остается пока еще ручной. Главный показатель развитости материально-технической базы социализма — это прежде всего степень распространенности машинного способа производства и основанной на нем технологии во всем общественном производстве.

При разработке комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий до 1990 г. вопросу устранения неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда уделяется очень большое внимание. Это, пожалуй, одна из самых крупных социальных задач предстоящего периода, в которой «завязана» главная проблема повышения производительности труда и которая имеет в виду серьезные социальные последствия, в частности, существенные изменения в производственных отношениях нашего общества.

Основные направления создания материально-технической базы коммунизма определены, как известно, в Программе КПСС. Думается, что главным из них (не по времени решения, а по глубине перестройки самого технологического способа производства и последствиям в социальном отношении) является полная автоматизация производственных процессов. Этот рубеж в развитии производства будет означать финиш истории современного машинного производства, начавшейся промышленным переворотом в конце XVIII — начале XIX в. Все машины до сих пор остаются орудиями труда, заменяющими ручной физический труд, с частично автоматическими функциями управления. Полная автоматизация произойдет на базе коренного изменения в орудиях труда, которые изменит сам характер труда. К. Маркс указывал: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости... Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...»¹.

Социализм развивается в рамках истории крупного машинного производства. Его историческая миссия состоит в том, чтобы развернуть современную научно-техническую революцию, полностью использовать ее достижения для постепенного создания материально-технической базы коммунизма, главным вещественным элементом которой явится принципиально новое орудие труда. Орудие, которое позволит обеспечить наивысшую производительность труда, адекватную новой общественной формации. Орудие, которое позволит снять последнюю проблему неравенства в труде и потреблении и придаст содержанию труда исключительно творческий характер, а тем самым изменит и отноше-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 214.

ние к нему массы работников, создаст изобилие благ, что при новом отношении к труду позволит перейти и к коммунистическому принципу распределения.

Сказанное не означает, что следует разделять во времени процесс завершения развития материально-технической базы социализма и процесс создания материально-технической базы коммунизма. Эти процессы совпадают, воплощая диалектическое единство. Однако если создание материально-технической базы коммунизма как бы сливается с дальнейшим совершенствованием материально-технической базы социализма, то результат этого двустороннего процесса разный. Процесс создания материально-технической базы коммунизма формирует черты этой базы, принципиально отличающейся от материально-технической базы социализма по уровню развития орудий труда.

Проблема создания материально-технической базы коммунизма ставит немало теоретических вопросов, в том числе и понятийных. В Программе КПСС строительство материально-технической базы коммунизма рассматривается как создание «производительных сил коммунизма» и как основа преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические. Следовательно, Программа КПСС, рассматривая создание материально-технической базы коммунизма в единстве с развитием социалистических производственных отношений, все же не отождествляет одно с другим.

Вопрос о развитии и совершенствовании производственных отношений имеет относительно самостоятельное значение, имеет собственное содержание.

Система социалистических производственных отношений в СССР сложилась к концу переходного периода, во второй половине 30-х годов.

Победа социализма означала утверждение социалистических производственных отношений. Какова бы ни была высота производительных сил, переходный период от капитализма к социализму необходим для решения вопроса «кто — кого?». Переходный период — это период разрешения основного противоречия капиталистического способа производства, период утверждения социалистического способа производства. В основе всех социальных отношений лежат отношения производственные, и пока не утвердился новый тип производственных отношений, социализма как победившего общественного строя нет. Каковы бы ни были производительные силы, социалистический способ производства утверждается вместе с полным исчезновением частнохозяйственных форм. Речь идет не только о капиталистической собственности. Речь идет о частной собственности вообще, в том числе и трудовой частной собственности.

Полная победа социалистических производственных отношений, выражающаяся в исчезновении частного хозяйствования, не означает, конечно, что социалистические производственные отно-

шения «застыли» на месте, не развиваются, будто вся проблема заключается только в том, чтобы использовать их преимущества. Производственные отношения — это живой, развивающийся организм, с повышением степени зрелости которого объективно раз­вертываются и его преимущества.

Однако меняется само существо развития производственных отношений. Если в переходный период главный вопрос — это вытеснение несоциалистических форм хозяйствования, преобразование трудовой частной собственности на коллективных началах, т. е. развитие социалистических производственных отношений «вширь», то в период социализма суть развития меняется — оно идет «вглубь».

Некоторые не видят качественных различий между социалистическим сектором переходного периода, — внутри которого, конечно, происходит тоже развитие «вглубь», — и полностью победившей социалистической системой хозяйства. Между тем в период социализма, даже на первом этапе (этапе упрочения, укрепления социалистических производственных отношений) практически уже не решаются основные вопросы переходного периода. Развитие производственных отношений всецело принимает характер их качественного совершенствования.

В понятии повышения экономической зрелости социализма условно можно отметить два момента.

1. Развитие идет в направлении возрастания реальности и изживания формальности содержания производственных отношений. Под ранее возникшие формы производственных отношений подводится все более развивающаяся материальная основа.

Производственные отношения обладают, как известно, относительной самостоятельностью в своем становлении и развитии. В отдельных случаях они могут возникать при отсутствии достаточно развитого материально-технического базиса, адекватного данной общественно-экономической формации. Необходимые материальные предпосылки для победы низшей фазы коммунизма в виде крупного машинного производства, охватившего также и земледелие, создаются в недрах капитализма или же в переходный период от капитализма к социализму, а также в переходный период от докапиталистических отношений, минуя капитализм, к социализму. Протекающий в переходный период процесс социалистического обобществления средств производства может при этом пойти вперед, выполняя активную роль социального двигателя развития производительных сил на базе крупной машинной индустрии.

Социализм не может победить, не опираясь на материально-техническую базу крупного машинного производства во всех отраслях народного хозяйства. Однако развитие этой базы не происходит мгновенно. Это — процесс, протекающий во времени и постепенно усиливающий реальность производственных отношений. Он характеризуется следующими чертами:

а) Постепенно обновляются основные фонды — вещественный аппарат производства. В промышленности удельный вес основных фондов, использовавшихся в 1940 г., составил в 1976 г. 5,6%, а в строительстве — 2,3%. По сравнению с 1928 г. — началом первой пятилетки — все нынешние основные производственные фонды — это фонды, созданные объединенным, социалистически организованным трудом. В условиях развитого социализма прошлый труд — это уже не прошлый труд бывших наемных рабочих, а полностью обновленный, т. е. социалистический прошлый труд по своему экономическому происхождению, а не только в силу изъятия средств производства у капиталистов.

б) Коренным образом изменяется и живой труд, равно как и сам работник. Вначале освобожденный от эксплуатации труд оставался по своему материальному содержанию тем же, рабочий класс использовал прежние средства труда, сохраняя в общем свою старую структуру, уровень квалификации и технических знаний. Рост культурно-технического уровня рабочего класса, колхозников означает усиление реальности непосредственного соединения работников со средствами производства.

в) Возрастает степень механизации производства, а вместе с тем и степень зрелости социалистических производственных отношений, являющихся по самой своей природе отношениями по поводу машинных орудий труда.

г) Идет процесс реального обобществления производства через рост концентрации производства, углубление специализации производства, формирование аграрно-промышленного комплекса. Возрастает, таким образом, уровень развития общественного характера процесса производства.

Такова одна из линий развития системы социалистических производственных отношений, четко обнаруживающаяся на протяжении всего предшествующего этапа функционирования социалистической экономики и предопределяющая сущность дальнейшего развития социалистических производственных отношений в условиях развитого социализма.

2. Вторая линия — все большее приближение реального, конкретного социализма к идеальной его форме, сущности, которой общество постепенно достигает на этапе зрелого социализма. Этот процесс хорошо виден в развитии социалистической собственности на средства производства. В изменении ее структуры, соотношения форм проглядывает закономерное восхождение социалистической собственности к своему высшему выражению. Если сопоставить настоящее время с 1940 г., то можно заметить, что неразвитость социализма в момент завершения переходного периода проявилась прежде всего в высоком удельном весе личного подсобного хозяйства в сельскохозяйственном производстве страны. В 1940 г. вместе с некооперированными крестьянами-единоличниками доля этого хозяйства во всей товарной продукции сельского хозяйства составляла 27%, а в продукции животновод-

ства даже 54%. К 1976 г. эта доля (при отсутствии крестьян-единоличников) упала до 12% (в продукции животноводства — до 13%). Незрелость социалистического производства выражалась также в значительном преобладании кооперативного производства в сельском хозяйстве. В 1940 г. большую часть сельскохозяйственного производства представляли колхозы: 61% товарной продукции сельского хозяйства и около 84% ее обобщественной части. В 1973 г. доля государственного сектора возросла до 50% товарной продукции обобщественной части сельского хозяйства. Государственные хозяйства стали производить 51% общего объема зерновых культур, 51 овощей, 44 мяса, 42 молока, 80% яиц.

Следовательно, явно обнаруживается продвижение вперед социалистической собственности на средства производства по пути ее все большего развертывания как общенародной собственности. Социально-экономическая структура социализма развивается в направлении все большей однородности, к стиранию социально-классовых различий, путем все большего ассоциирования производства как с технико-экономической, так и с социально-экономической стороны.

Основные пути совершенствования социалистических производственных отношений в условиях развитого социализма были намечены Программой партии. Эти направления являются и основными ориентирами исследовательской работы по прогнозированию изменений производственных отношений в долгосрочной перспективе, а также в десятой пятилетке. В учебном курсе они формулируются как экономические закономерности перерастания социализма в коммунизм. Некоторые дополнительные уточнения в определении этих направлений, их конкретизация были сделаны позднее на основе документов XXIV и XXV съездов КПСС, при составлении планов научно-исследовательских работ на 1971—1975 и 1976—1980 гг., а также при разработке Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий на перспективу до 1990 г.

Прогнозирование и планирование развития производственных отношений предусматривают разработку путей планомерного совершенствования их отдельных сторон, звеньев, частей с целью обеспечения дальнейшего развития зрелого социалистического общества в СССР, его перерастания в высшую фазу коммунизма. В связи с этим совершенствование производственных отношений рассматривается в трех аспектах, для решения следующих задач коммунистического строительства:

а) в направлении взаимодействия с развитием производительных сил — обеспечение роста эффективности общественного производства на базе органического соединения достижений научно-технического прогресса с социалистическими формами производственных отношений, создание на этой основе материально-технической базы коммунизма;

б) в направлении постепенного перерастания самих социали-

стических производственных отношений в полностью коммунистические;

в) в направлении взаимодействия с надстройкой — усиление социальной однородности общества, завершение формирования экономических основ социалистического образа жизни, совершенствование экономического механизма управления народным хозяйством.

В рамках самих производственных отношений в настоящее время практически выделяют обычно следующие прогнозируемые комплексы.

1. Развитие форм социалистической собственности на средства производства.

2. Перерастание социалистического труда в труд коммунистический.

3. Развитие распределительных отношений.

4. Совершенствование товарно-денежных отношений.

Не касаясь пока вопроса о полноте или неполноте представительства системы производственных отношений в этих комплексах, рассмотрим вначале некоторые общие вопросы разработки в рамках политической экономии методологии прогнозирования и планирования развития социалистических производственных отношений. Эта функция политической экономии социализма на этапе зрелого социалистического общества является по существу отражением уровня развития планомерной организации общественного производства.

Развитой социализм раздвигает горизонты сознательного, основанного на изучении объективных экономических законов управления всеми сторонами своей жизни. Было бы неверно сказать, что только на современном этапе обнаруживается эта черта социалистической общественной системы. Вся история нашего планирования есть отражение развития планомерности как важнейшей черты социализма, и прежде всего его экономического строя. Однако на этапе развитого социализма планомерность достигает более высокой ступени. Проявлением этого является возрастание возможностей планового управления народным хозяйством, в экономическом механизме которого ведущую роль выполняет народнохозяйственное планирование. На этапе развитого социализма качественные изменения происходят в нем как во «временном», так и в «пространственном» аспектах. Посредством долгосрочного прогноза общество заглядывает далеко вперед и посредством долгосрочного плана обеспечивает реализацию планомерного развития народного хозяйства. Прогноз и план охватывают шире все стороны нашей жизни, превращая в объекты предвидения и планирования все основные социальные процессы, в том числе и производственные отношения. Некоторые экономисты считают, что прогнозирование и планирование производственных отношений — это не предмет политической экономии, это задача плановых органов, специальных НИИ. Безуслов-

но, деятельность планирования и прогнозирования — это задача плановых органов, но определить научные методологические принципы прогнозирования и планирования производственных отношений — это задача политической экономии социализма. Именно она должна дать научные основы предвидения изменения производственных отношений, показать пути и разработать механизм этого изменения.

Между тем политическая экономия социализма, отстаивая научный принцип объективности развития производственных отношений, подчеркивая объективный характер экономических законов при социализме, до сих пор недостаточно раскрывает механизм изменения производственных отношений. Иногда под видом борьбы с субъективизмом отрицается возможность сознательного совершенствования общественных отношений. Говорят, что прогноз возможен, а вот сознательное изменение — нет. Но разве революционная практика свержения капитализма и построения социализма не опровергает этот тезис? Не только прогноз, но и практические программы в виде наших народнохозяйственных планов подтверждают не только возможность, но и необходимость изменения, совершенствования производственных отношений в условиях, когда средства производства становятся общественными и общество планомерно развивает свои производительные силы. Ибо если общество контролирует и направляет развитие своих производительных сил, то оно способно предвидеть и те социальные последствия, которые из этого проистекают, способно согласованными усилиями осуществить изменение производственных отношений в соответствии с растущими производительными силами. Субъективизм заключается не в том, что общество сознательно изменяет свои производственные отношения. Субъективизм имеет место тогда, когда изменение производственных отношений производится без опоры на материально-техническую базу, без учета меры зрелости самих производственных отношений.

Методология прогнозирования и планирования развития социалистических производственных отношений — это крупный методологический и теоретический вопрос, касающийся и философии и политической экономии. Он далеко выходит за рамки собственно «технологии» прогнозирования и планирования. Он не только включает в себя сложнейшую проблему соотношения объективного и стихийного. В нем заключена очень трудная и важная проблема разработки механизма реализации прогноза и плана, выяснение этапов, условий и средств, необходимых для реализации плановых программ. Это ставит важнейшую проблему соотношения идеальной модели и реальной формы ее осуществления.

Исходный пункт методологии прогнозирования и планирования развития производственных отношений — это, во-первых, сама сложившаяся система производственных отношений как данная

реальность, во-вторых, объективные закономерности и тенденции ее развития. На этой основе решается проблема целенаправленного совершенствования социалистических производственных отношений. Но анализ этих закономерностей для того, чтобы перевести их в составную часть методологии прогнозирования и планирования, должен привести к разработке логики прогноза, а это опять-таки упирается в выяснение причинно-следственных зависимостей во взаимодействии производительных сил и производственных отношений, что также может быть сделано только политической экономией. Важно вычленить, далее, «блоки» производственных отношений, готовые и удобные для прогноза. Необходимо разработать, наконец, систему плановых показателей, через которые прямо или косвенно можно выразить в количественной мере изменение производственных отношений. Надо подчеркнуть, что эта проблема представляет и самостоятельный научный интерес.

Вопрос о прогнозировании и планировании производственных отношений — это уже не абстрактно-теоретический вопрос, а вопрос практики. Институт экономики АН СССР в 1972 г. получил прямые поручения Госплана СССР в этой области. Предложения Института вошли в проект Комплексной программы научно-технического прогресса и его социальных последствий. Конечно, здесь еще много неясностей и слабостей. Но опыт в этой области налицо. Комиссия Госплана СССР по комплексу социальных проблем и повышения уровня жизни народа отметила в феврале 1974 г. значительную работу, проделанную Институтом экономики и Институтом социологических исследований Академии наук СССР по исследованию важнейших направлений дальнейшего развития социалистических производственных отношений. Вместе с тем комиссия подчеркнула необходимость усиления дифференцированного подхода к анализу развития производственных отношений в территориальном разрезе. Необходима также дальнейшая углубленная разработка проблем социалистических производственных отношений с тем, чтобы максимально использовать соответствующие научные материалы при разработке социальной программы долгосрочного плана до 1990 г. Дальнейшие исследования здесь по рекомендации комиссии необходимо вести прежде всего в направлении развития форм собственности, выявления путей сближения общенародной и колхозно-кооперативной форм собственности, изменений в сфере труда, преодоления существенных различий между городом и деревней, включая разработку соответствующей системы показателей в перспективных планах, а также предложения о проведении ЦСУ СССР выборочных обследований и об обработке имеющихся статистических материалов, характеризующих важнейшие стороны развития производственных отношений.

Некоторые экономисты, не специализирующиеся в политической экономии, берутся доказывать, будто вопрос о совершенст-

вовании производственных отношений надуманный, что производственные отношения растворяются в практических плановых программах, в других разделах, которые якобы только и имеют практическое значение. Спрашивается, разве исчезают объективно существующие производственные отношения, если в партийном документе они рассматриваются не в своем «чистом виде», а на уровне конкретных задач своего дальнейшего развития и совершенствования? Элементарная несообразность в рассуждениях таких теоретиков напоминает народников, которые читали «Капитал» и не заметили в нем исторического материализма.

В практике прогнозной и плановой работы в области социальных проблем различные звенья производственных отношений рассредоточиваются по разным разделам. Например, весь огромный вопрос совершенствования использования товарно-денежных отношений, как и весь конкретный механизм планомерной организации, перенесен в прогноз по системе управления (которая, конечно, выходит за рамки производственных отношений), распределительные отношения — в прогноз роста материального благосостояния. Сюда же по существу относятся формы осуществления основного закона.

Между тем вопрос о направлениях и путях совершенствования производственных отношений — это вопрос прежде всего политико-экономический. Откуда берутся ориентиры совершенствования социалистических производственных отношений? Почему, например, мы ставим вопрос о том, что кооперативная собственность в перспективе неизбежно должна сближаться и слиться с общенародной? Почему мы исходим из того, что соотношение между распределением по труду и распределением из общественных фондов потребления должно постепенно изменяться в пользу второго? Как бы ни думать, разработке прогноза, переходящего в долгосрочный план, должно предшествовать теоретическое обоснование конечных целей социального развития. Откуда же они берутся? Представителей прагматической философии в экономической науке не интересует этот вопрос. Такое отношение к целям, которые кто-то «задает» экономике, демонстрирует полный отказ от традиций научного социализма. Целевые установки, директивы и перспективы развития народного хозяйства формулирует КПСС — руководящая сила социалистического общества. Но КПСС принимает решения, опираясь на науку. При разработке директив ведется научный анализ объективных закономерностей развития общества. И в этой работе политическая экономия социализма выполняет ведущую роль. То, что для некоторых теоретиков является предпосылкой, аксиомой, для политической экономии является предметом и задачей научного анализа.

Нельзя пройти мимо и другой группы теоретиков, относящихся скептически к самой проблеме прогнозирования и планирования совершенствования социалистических производственных отношений. Отрицательная позиция этих ученых из числа полит-

экономов мотивируется иначе, чем позиция представителей взглядов первой группы. Политико-эконом не может, разумеется, игнорировать производственные отношения и тем более прямо выступать носителем сомнений в их реальности. Мотивировка в данном случае покоится на представлении об абсолютной неуправляемости социалистических производственных отношений со стороны общества, о стихийном процессе их возникновения, функционирования и развития. Эта фаталистическая точка зрения направляет свое острие против субъективизма в понимании характера движения общественно-экономической системы, но ее позитивная платформа неприемлема из-за ее пассивности, созерцательности и описательности в теоретической работе. Сторонники этого взгляда, пожалуй, еще согласятся с идеей прогноза развития производственных отношений, но отнюдь не с планированием их. Как будто производственные отношения не являются плодом, результатом практической деятельности масс, классов, общества! Объективный характер развития производственных отношений, выражающийся в конечной детерминированности, преемственности экономических форм, а в каждый данный момент — в существовании этих отношений как объективной реальности, к которой приспособляется конкретная хозяйственная деятельность, не противостоит планомерности социалистической экономики. Производственные отношения социалистического общества реализуются, сознательно используются в социалистическом хозяйствовании, управлении общественным производством и одновременно сами изменяются, совершенствуются в процессе сознательной, целенаправленной, планомерно организованной деятельности людей, всего общества. План становится во все большей мере элементом механизма, непрерывно приводящего производственные отношения в соответствие с производительными силами. Необходимость прогнозирования и планирования совершенствования социалистических производственных отношений вызывается самим характером планомерного строительства коммунизма.

В Отделе общих проблем политической экономии социализма Института экономики АН СССР разработан план-проспект исследования путей совершенствования и определения качественных и количественных характеристик социалистических производственных отношений к концу десятой пятилетки и в перспективе до 1990 г. Увеличено по сравнению с предыдущим этапом число анализируемых комплексов («блоков») производственных отношений, определены конкретные направления анализа внутри этих комплексов.

1. Уровень, масштабы и формы концентрации производства, углубление специализации производства, создание производственных, научно-производственных, аграрно-промышленных, всесоюзных и республиканских промышленных объединений как развитие процесса реального обобществления и технико-экономической

интеграции производства. Единый народнохозяйственный и аграрно-промышленный комплекс. Развитие всеобщей кооперации.

2. Перерастание социалистического труда в труд коммунистический. Соотношение ручного и механизированного труда. Отраслевые и региональные различия. Доля малоквалифицированного и тяжелого ручного труда. Изменение содержания труда в результате научно-технического прогресса, внедрения новой технологии производства. Изменение условий труда. Изменение характера труда вследствие выравнивания социально-экономических различий между индустриальным и сельскохозяйственным трудом, в результате устранения неквалифицированного и малоквалифицированного ручного труда во всех отраслях материального производства, преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом. Этапы постепенного перехода к полной социальной однородности труда и превращения его в первую жизненную потребность.

3. Развитие социалистического соревнования. Формы его более органического включения в механизм социалистического хозяйствования во взаимосвязи с планом и хозрасчетом. Формы всестороннего использования соцсоревнования как фактора повышения эффективности производства.

4. Совершенствование распределительных отношений. Соотношение между оплатой по труду и распределением из общественных фондов потребления. Совершенствование форм заработной платы и форм распределения из общественных фондов потребления.

5. Совершенствование товарно-денежных отношений. Изменения в товарно-денежных отношениях, вытекающие из создания системы производственных объединений. Развитие товарного обмена, форм торговли.

6. Развитие социалистической собственности на средства производства и предметы потребления. Пути ее перерастания в коммунистическую собственность. Изменения в соотношении форм социалистической собственности в производстве, обмене, распределении, потреблении. Развитие общенародной собственности под воздействием роста производительных сил, повышения уровня обобществления производства, а также под воздействием изменений в характере труда, в результате достижения более полной социальной однородности общества. Изменения в уровне непосредственно общественного характера труда. Совершенствование роли государства как субъекта общенародной собственности и общенародного хозяйствования, взаимоотношений всех уровней и субъектов хозяйствования, государственной формы общенародной собственности, форм ее экономической реализации. Процесс сближения и слияния колхозной собственности на средства производства с общенародной, возрастание роли общенародной собственности в экономике колхозов. Изменения в личной собственности,

в путях ее формирования, роли в производстве и личном потреблении.

7. Усиление экономических основ социальной однородности общества. Процесс стирания классовых различий между рабочим классом и колхозным крестьянством. Преодоление социально-экономических различий в труде и меры дифференциации в реальных доходах трудящихся, пути их устранения. Выравнивание экономических уровней развития союзных республик.

8. Завершение формирования социалистического образа жизни. Критерии социалистического образа жизни, обусловленные основными звеньями системы экономических производственных отношений. Пути и этапы полного развертывания экономических аспектов социалистического образа жизни.

9. Совершенствование экономического механизма управления народным хозяйством: система планирования народного хозяйства, ценообразование, комплексное развитие хозрасчетных отношений, финансово-кредитный механизм, управление денежным обращением, экономическое и моральное стимулирование.

Комплексный анализ всех звеньев и разработка всех направлений совершенствования системы социалистических производственных отношений на современном этапе являются одной из главных форм участия политической экономии социализма в осуществлении всемирно-исторической задачи построения коммунизма в нашей стране.

§ 3. О МЕСТЕ ПЛАНОВЕРНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ СОЦИАЛИЗМА

В соответствии с диалектико-материалистическим методом, система категорий и законов развитого социализма должна быть субординирована так, чтобы их логика, последовательность и соподчиненность одновременно отражали и их место в развитом социализме, и их место в историческом процессе становления и развития социалистического способа производства. Развитой социализм сам несет в себе свою собственную историю в очищенной от случайностей форме. Он воспроизводит и утверждает лишь то, без чего не может нормально развиваться, и отсеивает все то, что, хотя исторически и существует, но не является обязательным, внутренне необходимым его моментом. Через систему категорий развитого социализма вполне может быть отражена и его действительная история в очищенной от случайностей форме.

Категории должны быть не произвольно взяты и механически расположены в соответствии с «точкой зрения» того или иного автора, а генетически выведены одна из другой, в соответствии с их действительной исторической логикой. От простейших, наиболее абстрактных и всеобщих форм необходимо идти к более

сложным, конкретным, выводя их из внутренних противоречий предшествующей формы. Каждая последующая категория вбирает в себя все богатство предшествующей и в то же время вносит нечто новое, усложняя всю систему и характер ее связей.

С позиций диалектической логики та экономическая форма, которая является всеобщей формой развитого способа производства, одновременно является исторически и логически его исходной формой, ибо вне этой формы и до нее не может возникнуть и развиваться ни одно из более сложных специфических отношений данного способа производства.

Эта форма, являясь всеобщей, в то же время имеет свое самостоятельное содержание, не поглощающее всей системы отношений, и потому сама выступает как одно из конкретных производственных отношений в ряду других отношений. В ней в зародыше даны все основные черты и противоречия развивающегося из нее способа производства. Сначала эта форма выступает как отдельное отношение, а затем в процессе развития она становится всеобщей формой движения всех отношений системы, развивающихся из этой формы и в рамках этой формы. Став всеобщей формой, она не утрачивает в то же время и качество отдельного, самостоятельного отношения. Она имеет свое собственное содержание.

Так, в системе отношений капитализма товарное отношение является его всеобщей формой и в то же время оно имеет значение самостоятельного, содержательного отношения, предшествующего исторически всей системе и сохраняющегося в рамках развитого способа производства в качестве одного из реальных отношений наряду с другими. И в развитом капитализме товар не перестает быть товаром, существует рядом с деньгами, капиталом, не теряя своих собственных качеств. Вместе с тем через товарное отношение (и только через него) реализуются все другие отношения капитализма — капитал, зарплата, прибыль, процент, рента и т. п.

Все советские экономисты единодушны в том, что планомерность является всеобщей экономической формой социалистического способа производства. Однако многие отказывают ей в качестве исходного и самостоятельного отношения среди других отношений. Одной из причин этого, на наш взгляд, является формально-логическое понимание общего и всеобщего. В формальной логике «всеобщее» не имеет отдельного, самостоятельного существования рядом с «единичным» и «особенным». «Плод», «растение», «животное» существуют не сами по себе, а лишь в определенных конкретных формах. «Плод» не существует рядом с «яблоком», «грушей», он есть лишь их общее свойство. Равным образом «животное» не существует рядом со «слоном», «тигром», «бегемотом», а характеризует лишь общее свойство всех этих конкретных видов. Такое формально-логическое всеобщее действительно не может быть ни исходным, ни самостоятельным отно-

шением системы. Но в диалектической логике всеобщее приобретает дополнительный смысл. Оно выступает не только как результат мысленного выделения общих свойств у ряда единичных и особенных предметов. Оно само имеет реальное существование рядом с особенным и единичным, не утрачивая качеств всеобщности.

В рукописи «Глава о капитале» Маркс специально рассматривает понятие «капитал вообще». С одной стороны, он характеризует его как всего лишь абстракцию². «Капитал вообще — это такое определение, которое присуще каждому капиталу как таковому...»³. Такое понимание капитала вообще пока не отличается от формально-логического понимания, в котором тоже охватывается лишь то общее, что свойственно самым различным видам капитала. Но далее Маркс развивает следующее принципиальное положение: «Однако капитал вообще сам обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов. Это признано обычной политической экономией, хотя и не понято ею...»⁴.

Здесь признается уже реальное существование капитала вообще рядом с другими его особенными формами. А такой вывод уже не может быть согласован с формальной логикой. Насколько важное значение Маркс придавал такому диалектико-материалистическому пониманию всеобщего, свидетельствуют следующие его обобщающие положения: «Поэтому общее, являясь, с одной стороны, всего лишь *мыслимой differentia specifica*, вместе с тем представляет собой некоторую *особенную* реальную форму наряду с формой особенного и единичного.

(Впоследствии мы еще вернемся к этому пункту, который, хотя и имеет характер более логический, чем экономический, все же окажется весьма важным в ходе нашего исследования.)

Так обстоит дело и в алгебре. Например, a , b , c представляют собой числа вообще, в общем виде; но кроме того это — целые числа в противоположность числам a/b , b/c , c/b , c/a , b/a и т. д., которые, однако, предполагают эти целые числа как всеобщие элементы»⁵.

Равным образом признание планомерности в качестве всеобщей формы социалистического способа производства отнюдь не означает, что планомерность тем самым лишается своего собственного содержания и отдельного самостоятельного существования рядом с другими отношениями системы. Наоборот, именно признание за планомерностью качества всеобщности, методологически требует и одновременного признания ее исходной основой всего социалистического способа производства, его логическим и историческим началом.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 436.

³ Там же, с. 437.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Не вдаваясь в детальный анализ этой самостоятельной и важной проблемы, заслуживающей специального рассмотрения, отметим лишь, что планомерная организация социалистического производства, являясь его всеобщей формой, в то же время есть и его исторически первая форма. Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин в ряде экономических задач выдвинул на первый план проблему обобществления на деле. По своей сути обобществление на деле есть не что иное, как замена обособленного труда, регулируемого рынком и его законами, непосредственно обобществленным трудом, регулируемым обществом из единого центра, по единому плану. В. И. Ленин считал недостаточной только национализацию решающих средств производства. Необходимо было привести их в движение, экономически реализовать на основе единой планомерной организации общественного производства, подчиняющей десятки и сотни миллионов людей единой норме в деле производства и распределения продуктов.

Необходимо было заменить рыночную организацию экономики, характерную для капитализма, планомерной организацией общественного производства как специфически социалистической формой движения непосредственно общественного труда. Вне такой организации В. И. Ленин не мыслил себе возможности решения всех других, более сложных социалистических задач. Без обобществления на деле, планомерного использования национализированных средств производства на основе единого народнохозяйственного плана невозможно обеспечить гармоничное, пропорциональное развитие экономики, неуклонный рост материального благосостояния трудящихся, распределение по труду и т. д. Следовательно, и с практически-исторической точки зрения проблема создания планомерной организации стояла как исходная проблема номер один с первых же дней социалистической революции.

Становление и развитие планомерно организованного непосредственно обобществленного труда означало в то же время и начало становления и развития самого социалистического способа производства, его исходной, простейшей формы, содержащей в себе в зародыше потенциально всю последующую систему специфически социалистических производственных отношений. Все другие социалистические отношения развивались и крепили в рамках этой формы, а не до нее и не вне ее. В свою очередь, развитие этих отношений укрепляло планомерную организацию, делая ее более устойчивой и эффективной. Возникнув на основе планомерно организованного, непосредственно обобществленного труда, социализм в процессе своего развития постоянно воспроизводит и развивает эту экономическую форму, без которой немислимо и все последующее историческое развитие социализма. Из исторического предшественника и предпосылки социализма планомерная организация становится постоянно воспроизводи-

мым результатом, следствием развития самого социализма, всеобщей формой его движения.

§ 4. СОБСТВЕННОСТЬ В СИСТЕМЕ КАТЕГОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Отношение собственности на средства производства является не только основным, но и первоначальным отношением, то есть становление и развитие всей системы социалистических производственных отношений начинается со становления и развития общественной социалистической собственности. Без общественной социалистической собственности не могла сложиться система социалистических производственных отношений. Логический же анализ должен начинаться с того отношения, с которого начинается история всей системы производственных отношений. Историческое и логическое в исходном отношении должны совпадать. Достаточно поставить вопрос, что предшествует чему — собственности на средства производства предшествует планомерности, социалистическому сотрудничеству и взаимопомощи или последние предшествуют общественной собственности, и ответ на этот вопрос, само собой, станет ясным: планомерность, социалистическое товарищеское сотрудничество и взаимопомощь могли появиться лишь после того, как возникла и утвердилась социалистическая общественная собственность.

Выделение исходного отношения позволяет правильно решить вопрос и об основном производственном отношении, ибо они неразрывно связаны между собой: исходное развивается в основное, а основное содержит в себе многие черты исходного отношения. Если социализм исторически и логически в экономической области начинается с утверждения общественной собственности на средства производства, то это уже само по себе говорит о той роли, которую играет общественная собственность в системе социалистических производственных отношений. Следовательно, все другие формы производственных отношений, в том числе и планомерность и социалистические товарно-денежные отношения, существуют благодаря становлению и развитию общественной собственности на средства производства, и в них она проявляется.

Некоторые советские экономисты считают, что собственность тождественна всей системе производственных отношений и ссылаются на К. Маркса, который критиковал Прудона якобы за выделение собственности как самостоятельного отношения. На самом же деле Прудон рассматривал собственность вне системы производственных отношений, он считал ее «независимой» и «особой категорией», ее происхождение объяснял не экономическими причинами, а психологическими и моральными моментами⁶. Нельзя собственность отождествлять со всей системой, но

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 168.

и нельзя ее выбрасывать из системы производственных отношений. Именно за последнее и критиковал Прудона К. Маркс. Он критиковал Прудона за то, что тот ставил собственность в своей системе на последнее место. «Определяя собственность как независимое отношение, — писал К. Маркс, — г-н Прудон совершает нечто худшее, чем методологическую ошибку: он обнаруживает непонимание той связи, которая соединяет все формы *буржуазного* производства; он обнаруживает непонимание *исторического* и *переходящего* характера форм производства определенной эпохи»⁷.

Для того чтобы раскрыть место и роль собственности на средства производства в жизни общества, необходимо показать всю систему производственных отношений, но из этого не следует, что собственность не существует как самостоятельное экономическое отношение. Именно потому, что она существует в системе, можно показать ее место и роль в этой системе.

Позиции экономистов, считающих собственность только юридическим понятием, и экономистов, отождествляющих или растворяющих собственность в производственных отношениях, на первый взгляд кажутся противоположными, но на самом деле они близки. И первые и вторые не рассматривают собственность как самостоятельное экономическое отношение и по сути дела отрицают ее определяющую роль в системе производственных отношений. Отрицание собственности на средства производства как основного производственного отношения не дает возможности понять субординацию, соподчиненность элементов производственных отношений и многообразие форм их проявления. Оно и ведет к тому, что в качестве исходной категории выдвигается не сущностная категория, а какая-либо одна из форм проявления этой категории. Например, утверждают, что экономически социализм начинается с утверждения планомерности, как будто планомерность появилась раньше, чем общественная собственность. Все экономические формы появляются позже или одновременно с общественной собственностью на средства производства. Но первоначальным экономическим отношением исторически явилась общественная собственность на средства производства. В логическом анализе обязательно должен быть учтен этот исторический момент.

Из уровня обобществления социалистического производства, из характера социалистической государственной собственности вытекает необходимость существования товарно-денежных отношений, которые, не являясь первичными, тем не менее объективно обусловлены и необходимы. При рассмотрении черт, общих для обеих фаз коммунистического способа производства, вполне допустимо отвлечься от товарно-денежных отношений. Но речь в таком случае идет не о социализме конкретно, а о коммунизме

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 27, с. 406.

вообще. Отвлекаясь от товарного производства, невозможно понять социализм как относительно самостоятельную фазу в развитии общественно-экономической формации, потому что большинство экономических категорий социализма так или иначе связаны с товарно-денежными отношениями. Все, что производится при социализме и выходит за пределы предприятий, будет ли то пища для детских садов или яслей, экскаваторы или турбины для ГЭС, принимает товарную форму. Все части совокупного общественного продукта принимают товарную и денежную форму. Поэтому многие экономические категории социализма (национальный доход, необходимый продукт, заработная плата, хозрасчет, прибыль, производственные фонды и т. д.) нельзя понять, абстрагируясь от социалистических товарно-денежных отношений, ибо без них нет и социализма.

При исследовании социалистического производства не следует останавливаться на его абстрактных характеристиках. Высказывания о том, что товарное производство не является конституирующим признаком социализма, что товарно-денежные отношения внутренне не присущи социализму и преодолеваются им, представляются оторванными от жизни. Тезис о преодолении товарно-денежных форм, хозрасчета, кредита, розничного товарооборота, характеризует социализм не таким, каков он есть на самом деле. Это в определенной мере идеализированное представление о социализме и оно ближе к утопии, чем к реальному социализму.

В товарно-денежных отношениях заложены огромные движущие силы дальнейшего развития производительных сил социалистического общества. Речь идет не о том, надо ли быстрее ликвидировать товарно-денежные отношения и все связанные с ними инструменты, а о том, как можно полнее и глубже использовать эти движущие силы в целях построения коммунизма. Поскольку они объективно обусловлены, то всякое игнорирование или недооценка их отрицательно отражается на развитии общественного производства.

Существование товарно-денежных отношений не противоречит планомерной организации общественного производства и не ведет к перерождению социалистических производственных отношений. Было бы неправильным считать товарные отношения «чужеродным телом» в социалистической экономике. Противопоставление товарно-денежных отношений и планомерности в принципе неправильно. Думается, что это не два различных генетических начала, одно из которых только отрицательное, а другое только положительное и которые борются между собой. Они имеют одно общее генетическое начало — общественную собственность на средства производства. Поэтому при социализме без товарно-денежных отношений нет планомерности, а без планомерности нет товарно-денежных отношений. Их противоречивое единство находит отражение и в использовании многих экономических катего-

рий социализма (хозрасчете, системе натуральных и стоимостных показателей и т. д.).

Товарное производство обуславливает наличие превращенных модифицированных форм. При социализме действительно существуют превращенные формы производственных отношений. Мы связываем это с тем, что при социализме есть овеществление социалистических производственных отношений. Под овеществлением понимаются не просто отношения по поводу вещи, а такое положение, когда вещь выступает носителем определенных производственных отношений. К таким превращенным и модифицированным формам можно отнести многие категории социализма, и в частности заработную плату, прибыль, цену и т. п. Каждая из них имеет какие-то и отрицательные и положительные моменты, но это не значит, что существующие превращенные формы необходимо ликвидировать. Задача политической экономии как раз и состоит в том, чтобы вскрыть находящееся за этой превращенной формой ее содержание, показать многообразие форм проявления содержания, через явление исследовать сущность. И если превращенная форма, в частности прибыль, существует объективно, то ее использовать объективно необходимо. Превращенные и модифицированные формы производственных отношений используются в интересах дальнейшего развития социализма.

§ 5. ОБ ИСХОДНОМ И ОСНОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ СОЦИАЛИЗМА

Вопрос о том, какое конкретно производственное отношение социализма исходно, остается, как известно, дискуссионным. В учебниках и учебных пособиях, вышедших в нашей стране в послевоенное время и представляющих собой практические попытки системного изложения политической экономии социализма, решение данного вопроса связывается с одной из трех категорий: общественной собственностью, основным производственным отношением, планомерностью. Нетрудно заметить, что все эти учебники и учебные пособия исходят из тех черт, тех характеристик социализма, которые общи обмен фазам коммунизма.

Правомерность такого подхода еще нередко, однако, ставится под сомнение на том основании, что он якобы ведет к рассмотрению экономических отношений и законов социализма в том виде, который они приобретут после достижения полного коммунизма, к изображению исторического развития в обратном порядке (не от прошлого к настоящему, а от будущего к настоящему), к умозрительным поискам формально-сходного в разных фазах коммунизма, к образованию «тощих абстракций». Так, например, утверждается: «При рассмотрении черт, общих для обеих фаз коммунистического способа производства, вполне допустимо отвлечься от товарно-денежных отношений. Но речь в таком случае идет не о социализме конкретно, а о коммунизме

вообще. Отвлекаясь от товарного производства, невозможно понять социализм как относительно самостоятельную фазу в развитии общественно-экономической формации, потому что большинство экономических категорий социализма так или иначе связаны с товарно-денежными отношениями. Все части совокупного общественного продукта принимают товарную и денежную форму. Поэтому многие экономические категории социализма... нельзя понять, абстрагируясь от социалистических товарно-денежных отношений, ибо без них нет и социализма»⁸.

Политическая экономия социализма, конечно же, должна изучать реальный социализм. Столь же бесспорно и то, что тощие абстракции мало помогают научному познанию. Однако действительная проблема далека от приведенного карикатурного изображения. Суть ее в следующем: какие экономические законы в реально существующем социализме играют основополагающую роль и служат объективным гарантом движения социалистического общества к полному коммунизму? Являются ли такими законами общекommунистические законы или законы другого порядка?

Необходим ответ на вопрос — закон планомерного развития и основной экономической закон являются ведущими лишь с идеологической точки зрения или они таковы и в практике хозяйствования?

Вполне очевидно, что партия, определив планирование как «центральное звено, сердцевину руководства народным хозяйством в условиях социализма...»⁹, руководствовалась не идеальными представлениями о социализме, а научно обобщила объективные реалии. Народно-хозяйственное планирование отражает требования всех экономических законов социализма в соответствии с ролью каждого из них, но по своему происхождению оно — порождение и форма проявления закона планомерности. Именно то, что этот закон является законом всеобщей формы существования и развития системы социалистических производственных отношений, объективно предопределяет место народнохозяйственного планирования в механизме хозяйствования как центрального звена последнего. Точно так же, когда партия и государство ориентируют хозяйственное развитие на существенное повышение благосостояния трудящихся, они исходят из объективной обусловленности цели хозяйствования при социализме его основным экономическим законом.

В том, что главенствующие в социалистической экономике законы вместе с тем являются общекommунистическими, обнаруживается, что социализм — не особый способ производства, а фаза коммунизма. А поскольку общекommунистические экономические законы играют определяющую роль и на стадии социализма,

⁸ См. с. 104—105 данной книги.

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 66.

с них следует начинать его системную политико-экономическую характеристику.

В вышеприведенной цитате утверждается, что, отвлекаясь от товарного производства, невозможно понять социализм как относительно самостоятельную фазу коммунизма. Данное утверждение было бы правильным, если бы специфика социализма по сравнению с полным коммунизмом сводилась к товарно-денежным отношениям. Однако очевидно, что это не так. Известно, что классики марксизма-ленинизма открыли разные фазы коммунизма, не апеллируя к товарному производству. В лучшем случае можно сказать, что полная характеристика социализма как низшей фазы коммунизма невозможна без выяснения места и роли товарно-денежных отношений в социалистической экономике.

В большинстве учебников и учебных пособий в качестве исходного пункта политической экономии социализма принимается собственность на средства производства. При оценке такого подхода прежде всего возникает вопрос о том, что в данном случае понимается под собственностью на средства производства. Этот вопрос не надуманный, потому что в советской экономической литературе нет однозначности в трактовке собственности вообще и собственности на средства производства в частности, что во многом объективно предопределено сложностью, многогранностью такого явления, как собственность. Последняя, несомненно, включает в себя отношение людей по поводу вещей (прежде всего — средств производства), в котором вещи предстают как свои или чужие. Но это определение собственности не дает ответа на вопрос о том, как экономически реализуется принадлежность вещи данному субъекту и как такая принадлежность воспроизводится. А это означает, что здесь речь идет еще не об экономическом отношении, а о правовой, юридической его форме. Вместе с тем нельзя не видеть, что в данном определении собственность еще не является производственным отношением, а значит, и началом системы.

Положение о том, что определенная форма собственности на средства производства является непременным условием возникновения и существования определенной системы производственных отношений, имеет, безусловно, принципиальное значение и в теоретическом, и в практическом, и в политическом планах. Для социализма непременным условием является общенародная форма собственности на решающие средства производства.

Под экономическим содержанием собственности нередко понимается общая характеристика системы производственных отношений, вся эта система или часть последней. При всех принципиальных различиях того или иного понимания экономического содержания собственности ясно, что она ни в одном из этих определений не может быть исходным пунктом политико-экономической системы категорий социализма, ибо вся проблема состоит именно в том, чтобы найти то конкретное, отдельное, осо-

бое производственное отношение, которое является условием существования других отношений данной системы производственных отношений и всеобщей формой ее движения.

Имеется и другое понимание собственности: в этом случае под собственностью на средства производства понимается основное производственное отношение, которое для социализма принимается за исходное производственное отношение. В методологическом плане данная позиция была шагом вперед, ибо она означала окончательное признание того, что исходным пунктом политической экономии социализма является не общая характеристика этих отношений, а отдельное конкретное производственное отношение, что политическая экономия разворачивается в ходе анализа отдельных производственных отношений, а следовательно, и отдельных экономических категорий. Пока экономическая действительность не переведена на язык соответствующих категорий, политической экономии как системной науки еще нет.

Но в связи с рассмотрением собственности на средства производства для социализма и как основного, и как исходного производственного отношения, особую остроту приобретает следующий методологический вопрос: в принципе может ли одно и то же производственное отношение выступать в двух ролях — и основного, и исходного? Органическая связь основного и исходного отношений несомненна, но может ли она означать их тождественность — вот в чем суть вопроса¹⁰. И отсюда: насколько правомерно рассмотрение основного производственного отношения и основного экономического закона до планомерности?

Авторы, считающие, что планомерность может быть понята только после и на основе анализа основного экономического закона социализма, обычно ссылаются на то, что описание планомерной организации производства само по себе ничего не дает, если неизвестна цель, которой она подчинена, а эта цель заключена в основном экономическом законе.

Данное положение выглядит убедительным. Однако нетрудно заметить, что оно направлено не только против последовательности «планомерность — основное производственное отношение и основной экономической закон социализма», но и против такой последовательности, как «товар — капитал». Ведь, когда К. Маркс рассматривает в I отделе 1-го тома «Капитала» товар и деньги, он не показывает и не может здесь показать ту цель, которую обслуживают товарно-денежные отношения в условиях капитализма. Однако это не только не смущало К. Маркса, но он придавал принципиальное значение первоначальному рассмотрению товара самого по себе, а не как продукта капитала. В связи с этим обращает на себя внимание следующее обстоятельство: для того чтобы достижение определенной цели производства стало объективно возможным, необходима определенная организация

¹⁰ Об общеметодологических соображениях в пользу разграничения исходного и основного производственных отношений см. гл. 1 § 4 данной монографии.

производства. Так, непременным условием производства прибавочной стоимости является товарная форма производства. А процесс всестороннего развития личности может быть обеспечен только в том случае, когда удовлетворение потребностей человека — не частное дело отдельных лиц, а дело всего общества; когда осуществляется непосредственная увязка производства и потребления; когда общество определяет и обеспечивает развитие тех видов производства и формирует те виды потребностей, удовлетворение которых действительно направлено на всестороннее развитие человеческой личности. Поэтому практическая реализация цели социалистического производства невозможна без планомерной формы производства. Последняя — условие функционирования основного производственного отношения и основного экономического закона социализма.

Как известно, товарная форма производства, становясь всеобщей, делает производство прибавочной стоимости не только возможным, но и необходимым. К. Маркс показал, что «на почве товарного производства производство в крупном масштабе может развиваться лишь в капиталистической форме»¹¹.

Аналогичная картина наблюдается и применительно к планомерности: становясь всеобщей, она делает полное удовлетворение потребностей и всестороннее свободное развитие всех членов общества в качестве цели всего общественного производства не только возможными, но и необходимыми. Экономическая история подводит к централизованному ведению общественного производства как к форме, которая способна реализовать объективные возможности безграничного развития производства. Но централизация сама по себе таит в себе опасность монополизации и, следовательно, застоя. Централизованное ведение хозяйства может выполнить свое историческое предназначение и тем самым реально утвердиться как особый тип организации производства только в том случае, если оно будет иметь безграничную цель. А такой целью является не прибавочная стоимость и не «производство ради производства», а лишь производство ради развития человека и удовлетворения потребностей этого развития.

В литературе все большее признание получает положение о планомерности как всеобщей формы социалистического производства¹². А всеобщность формы означает, что данная форма распространяется и на основное производственное отношение, т. е. логически предшествует ему. Если же основное производственное отношение рассматривается до планомерности, то оно как бы исключено из ее сферы и планомерность перестает быть всеобщей формой социалистического производства.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 638.

¹² «Планомерность выступает, — пишут, в частности, авторы учебника политической экономии, — в качестве формы общественной организации социалистического народного хозяйства». (Политическая экономия. Социализм — первая фаза коммунистического способа производства. М., 1976, с. 99.)

Важно также еще одно обстоятельство. Представляется, что планомерность — более простое отношение по сравнению с основным производственным отношением социализма. Последнее включает в себя непосредственное соединение рабочей силы со средствами производства. Но прямая, непосредственная связь — это и есть планомерное отношение в самом общем его определении. Отсюда следует, что планомерность — одна из черт основного производственного отношения социализма, но оно не сводится к ней, имеет и другие признаки (например, товарищество и сотрудничество производителей, полное удовлетворение потребностей и свободное всестороннее развитие всех членов общества как цель производства и др.). Это означает, что основное производственное отношение по сравнению с планомерностью — более сложное отношение. Соответствующим должен быть и порядок исследования этих отношений: в системе категорий рассмотрение более простых отношений предшествует анализу более сложных отношений.

В литературе встречаются такие рассуждения, обращенные к сторонникам планомерности как к исходному пункту политической экономии социализма: «Вы считаете, что исходное производственное отношение просто, но как же можно считать простым отношением планомерную организацию общественного производства? Ведь это очень сложная организация, сложное отношение!».

Нельзя не согласиться с последним утверждением: действительно, планомерная организация социалистического производства — это сложная организация. И то же самое относится и к товарной организации производства в условиях капитализма. В первом томе «Капитала» К. Маркса представлен богатый мир категорий, которыми описывается товарное отношение. Что же касается планомерного отношения, то политическая экономия социализма, видимо, еще далеко не исчерпала всего круга категорий, которыми характеризуется данное отношение.

Но все дело в том, что понятия «простое и сложное» — это соотносительные понятия. Исходное производственное отношение просто не само по себе, а по сравнению с основным отношением данного способа производства и с последующими отношениями данного способа производства.

Наряду с логическим, принципиальное значение имеет и историческое обоснование исходного пункта политической экономии каждого данного способа производства. Применительно к социализму не только решение, но и сама постановка данного вопроса затруднена, ибо ни планомерная организация общественного производства, ни основное производственное отношение, ни какое-либо другое специфически социалистическое производственное отношение до социалистической революции не существует, а после совершения последней налаживание планомерной организации производства во времени совпадает с появлением основного производственного отношения социализма. Отсюда, казалось бы, что

проблема исторического первенства какого-либо отношения для политической экономии социализма утрачивается.

Однако тот факт, что в недрах капитализма не возникает социалистический уклад, вовсе не исключает возможности появления в системе капиталистических отношений таких элементов, которые, существуя в рамках капитализма, обслуживают эксплуатацию и имеют капиталистическое содержание, но которые в результате социалистической революции освобождаются от этого содержания и включаются в движение социалистических отношений. Поскольку же такие элементы имеют место, постольку появляется основание исторического характера для идеи о том, что исходное отношение социализма связано с ними.

В силу того, что социалистическое производство подчиняется интересам всех трудящихся, социалистические отношения с момента своего возникновения должны охватить ключевые звенья экономики. Но для осуществления в таких масштабах вмешательства в капиталистическое воспроизводство необходима власть, т. е. рабочий класс прежде должен совершить политическую революцию. Все это означает, что появление производственных отношений, имеющих социалистическое содержание (элементы такого содержания), в условиях капитализма в принципе исключено.

По-иному обстоит дело с планомерностью: ее элементы (неполная, частичная планомерность) возникают еще до социалистической революции как результат высших для капитализма форм обобществления производства. Если мелкое и среднее производство может обходиться случайным потребителем и случайным поставщиком, то крупное производство нуждается в гарантированности того и другого. Монополия, возникшая на основе концентрации производства, в своих руках сосредоточивает такое количество ресурсов, что у нее появляется возможность произвести приблизительный учет источников оборудования сырых материалов и энергии, контролировать обучение и движение рабочей силы, размеры рынка. Монополии вырабатывают и совершенствуют экономические методы такого учета и контроля, способы увязки различных отраслей, производства и потребления не *a posteriori*, а *a priori*, экономические формы мобилизации средств из различных сфер и перераспределения этих средств из отдельных хозяйственных центров. Еще большее развитие элементов планомерности вызывает государственно-монополистический капитализм.

Планомерность, возникающая в условиях капитализма, конечно, принципиально отличается от планомерности при социализме: она до социалистической революции неполная, частичная, не всеобщая, имеет иных направителей (различны формы объединения капиталистов, а не общество в целом), обслуживает иные цели (получение прибавочной стоимости), т. е. имеет капиталистическое содержание. Именно в силу того, что планомерность в условиях

капитализма частичная, она не в состоянии предотвратить экономические кризисы.

От элементов планомерности к всеобщей планомерности эволюционных путей нет. Только социалистическая революция, устраняющая частную собственность на средства производства, способна снять ограничения с этих элементов и открыть путь для их развертывания в планомерную организацию производства.

Вместе с тем такое развертывание означает, что социализм, отсекая капиталистическое содержание элементов планомерности, воспринимает их. Они указывают на ту экономическую форму, с помощью которой только и могут быть разрешены после социалистической революции противоречия капитализма и обеспечено достижение новой цели производства. Данное обстоятельство дает, следовательно, исторические основания для вывода о планомерности как исходном производственном отношении социализма.

Правомерность разграничения исходного и основного производственных отношений социализма указывает на то, что собственность на средства производства и в том своем определении, когда она рассматривается как основное производственное отношение, не может выступать в роли исходного пункта политической экономии социализма.

В трактовке собственности в качестве исходного отношения особо важное значение придается следующему аргументу: «Историческое и логическое в исходном отношении должны совпадать. Стоит лишь поставить вопрос, что предшествует чему — собственность на средства производства предшествует планомерности, социалистическому сотрудничеству и взаимопомощи или последние предшествуют общественной собственности, и ответ на этот вопрос, само собой, станет ясным: планомерность, социалистическое товарищеское сотрудничество и взаимопомощь могли появиться лишь после того, как возникла и утвердилась социалистическая общественная собственность»¹³.

Последнее утверждение, конечно же, правильно, если под собственностью понимается ее юридическая форма. Но в этом случае оно не дает ответа на вопрос об исходном производственном отношении, ибо условие существования производственного отношения и само это отношение — разные явления. Забвение данного обстоятельства означало бы отказ от разграничения юридической формы и экономического содержания собственности, выработанного в ходе длительной дискуссии.

Если же под собственностью в приведенной цитате понимается ее экономическое содержание, то вопрос о том, что возникает раньше — общественная собственность или планомерность и основное производственное отношение социализма, утрачивает смысл. Экономическое содержание общественной собственности

¹³ См. с. 103 данной книги.

возникает не отдельно, а вместе и через формирование системы социалистического хозяйствования: данная собственность экономически существует настолько, насколько сложилась эта система.

Решение вопроса об исходном производственном отношении социализма затрудняется тем, что в экономической литературе еще не достигнута однозначность в трактовке планомерности. Так, в одних работах она противопоставляется лишь стихийности и рассматривается только как сознательное ведение хозяйства; в других она противопоставляется анархии и конкуренции и трактуется лишь как согласованное, скоординированное осуществление экономических процессов; в-третьих — она фактически сводится к постоянному поддержанию пропорциональности в народном хозяйстве. Это приводит к тому, что критики вывода о планомерности как исходном производственном отношении социализма исходят из одного из приведенных ее определений, а не из того понимания планомерности, которым руководствуются сторонники данного вывода. А для них характерно рассмотрение планомерности как такого типа организации общественного производства, который исторически идет на смену товарному типу организации общественного производства и выступает как выражение определенной стадии в процессе развития общественного характера процесса производства: тот и другой тип организации общественного производства своеобразно выражает лишь разные пункты данного процесса¹⁴.

Марксисты всегда исходили из того, что товарная форма производства — исторически преходящая форма. Наука обязана поэтому в развернутом виде исследовать ту форму, которая идет ей на смену. В конечном счете дело не в названии формы производства, идущей на смену товарной, а в ее отличительных признаках.

Общество, беря в свое распоряжение основные средства производства, начинает выступать в трех экономических лицах: и как единый субъект хозяйствования, и как единый производитель (совокупный рабочий), и как единый потребитель. В этих условиях оно стоит перед необходимостью и располагает возможностью заранее учитывать в основных позициях как совокупные общественные потребности, так и имеющиеся в наличии ресурсы, и распределять эти ресурсы в таких пропорциях, которые требуются для наиболее полного удовлетворения его потребностей. Планомерная организация производства в этом смысле представляет собой прямое, непосредственное взаимодействие производства и потребления в масштабах всего общества.

И товарная, и планомерная организации общественного производства непосредственно представляют собой экономический механизм взаимодействия, взаимосвязи производства и общест-

¹⁴ См.: Черковец В. Н. О методологических принципах политической экономики как научной системы. М., 1965, с. 227—228.

венных потребностей. Но если товарные отношения обеспечивают эти взаимосвязи косвенно, а posteriori, то планомерные отношения — непосредственно, а priori.

Увязка производства с общественными потребностями еще до начала непосредственного процесса производства означает, что общественная необходимость гарантирована каждому виду труда. В отличие от товарной организации производства, труд в условиях планомерно организованного производства и его продукт имеют не косвенно общественный, а непосредственно общественный характер. Отсюда вместе с тем следует, что если товарная организация производства внутренне предполагает диспропорциональность народного хозяйства, то планомерная — его пропорциональность.

Планомерная организация производства, означая единое хозяйствование, непосредственное определение основных объективно обусловленных параметров развития общественного производства и обеспечение достижения этих параметров, тем самым делает возможным и необходимым сознательное использование обществом всех экономических законов.

Планомерная организация производства так же, как и товарная, характеризуется, следовательно, специфической формой экономических связей, общественного труда и его продукта, особыми способами установления и поддержания народнохозяйственных пропорций. Вместе с тем обнаруживается, что характеристика планомерной формы производства включает в себя все три выше приведенные определения планомерности (сознательное хозяйствование; согласованное, скоординированное осуществление экономических процессов; постоянное поддержание пропорциональности в экономике), но не сводится ни к одному из них. Поэтому-то критика идеи о планомерности как исходном производственном отношении социализма, основывающаяся на одном из таких определений, «бьет мимо цели». Для опровержения данной идеи требуется показать, что планомерная организация производства во всем богатстве своих определений¹⁵ не в состоянии выступить в роли исходного производственного отношения социализма.

¹⁵ Представление о планомерности как многостороннем явлении получает в литературе все большее распространение. Так, в учебнике политической экономии социализма отмечается: «Планомерность экономики как специфическая экономическая категория социализма проявляется, во-первых, в непосредственно общественных экономических связях работников единой общенародной ассоциации, включающих в себя связи общества с каждым трудящимся и с трудовыми коллективами, во-вторых, в непосредственно общественной форме совокупного труда и его результата — совокупного продукта обобществленного производства, планомерно распределяемых обществом; в-третьих, в установлении и поддержании непосредственно обществом постоянной (господствующей) пропорциональности между массой и структурой обобществленного труда и его совокупного продукта, с одной стороны, массой и структурой общественных потребностей, с другой стороны» (с. 104).

Представляется также, что нет оснований и для встречающегося в литературе рассмотрения в качестве взаимоисключающих характеристик планомерности как отдельного производственного отношения и как всеобщей формы движения производственных отношений социализма.

Справедливо, конечно, как то, что не всякое свойство всеобщей формы осуществления производственных отношений само по себе образует отдельное производственное отношение (например, стихийность или сознательность), так и то, что далеко не всякое отдельное производственное отношение образует всеобщую форму экономического развития. Однако отсюда не следует, что в принципе не существует такого отдельного производственного отношения, которое бы вместе с тем характеризовало форму движения других производственных отношений. Так, товарное отношение, будучи отдельным отношением в системе капиталистических производственных отношений, в то же время является ее всеобщей формой. Аналогично этому планомерность как определенная политико-экономическая категория социализма «...отражает два взаимосвязанных, хотя и различных, момента: а) особый характер организации общественного производства, в отличие от натуральной организации производства в докапиталистических формациях и от товарной организации общественного производства при капитализме и б) особый способ функционирования и развития общественного производства, характер осуществления всех социально-экономических процессов»¹⁶. В первом случае «...планомерность не содержит в себе непосредственно все процессы и отношения... выступает в своей собственной определенности и имеет значение особой, специальной категории, отражающей особое, специальное производственное отношение»¹⁷.

Несмотря на успехи, достигнутые в последние годы в обосновании планомерности как исходного отношения социализма, разработку этой проблемы нельзя считать завершенной. До сих пор неясен, например, вопрос о том, с какой черты планомерности следует начинать ее анализ как особого отношения. Если следовать Марксовой методологии исследования товарного отношения, то рассмотрение планомерности должно начинаться с форм ее проявления. Ее содержание должно выводиться из этих форм. Пока же характеристика планомерности начинается непосредственно с ее содержания. Не решен еще вопрос о противоречиях планомерных отношений. Нет четкости и в понимании планомерных принципов сопоставления затрат и результатов труда. Требуется дальнейшей шлифовки сам процесс выведения из планомерности основного отношения социализма. Перечень вопросов, ждущих дальнейшего изучения, можно было бы продолжить. Но он

¹⁶ Курс политической экономии. В 2-х т. Под ред. Цаголова Н. А. Т. 2. М., 1974, с. 91.

¹⁷ Там же, с. 98.

не отменяет научной правомерности идеи о планомерности как исходном производственном отношении социализма.

§ 6. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРУКТУРНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

XXV съезд КПСС в числе важнейших направлений развития научных исследований в области общественных наук указал на исследование теоретических проблем развитого социализма, закономерностей его перерастания в коммунизм, механизма их действия и использования.

Решение этих задач требует четкой характеристики природы социализма на этапе его зрелости. Все советские экономисты согласны с тем, что социализм — это фаза коммунистического способа производства. Однако продолжаются дискуссии, ведутся принципиальные споры по более частным, но принципиальным для понимания природы социализма вопросам. Очень важно поэтому видеть осевую линию, центральный узел имеющихся по этому вопросу разногласий.

По существу размежевание позиций начинается с вопроса об общекommунистических отношениях в развитом социалистическом обществе. Еще и сегодня мы можем встретить политэкономов, которые формально соглашались с определением социализма как низшей фазы коммунизма, однако считают необязательным говорить об общекommунистических отношениях социализма в сегодняшней экономической действительности. Иначе говоря, ставится вопрос о том, являются ли общекommунистические отношения действительностью социализма или же они существуют лишь в логике политической экономии социализма. Для позиции, разделяющей вторую часть формулы, характерно, в частности, считать, что производственные отношения и экономические законы субординированы лишь в их логической системе, объективная же экономическая реальность якобы такой субординации не знает. Для этой позиции характерна трактовка общекommунистических отношений, представляющих собой сущность, не выходящую в действительность. Либо утверждается, что в основе производственных отношений социализма имеются элементы равенства, т. е. коммунистическая сущность социализма, и элементы неравенства, которые существуют на равных началах как однопорядковые элементы. Для этой позиции характерен взгляд, согласно которому нет общего для всей коммунистической общественно-экономической формации основного экономического закона. Причем такие взгляды высказывают даже те экономисты, которые основным производственным отношением социализма считают общенародную собственность. Если все же признается общий основной закон для социализма и для полного коммунизма, то утверждается, что он будто бы не имеет собственного выхода в эко-

номическую действительность, а проявляется лишь через другие экономические законы (закон стоимости, закон пропорциональности) или такие экономические формы, как хозрасчет, который якобы охватывает всю систему производственных отношений, всю экономическую действительность социализма. Оказывается, в социалистическом воспроизводстве никаких экономических отношений, не являющихся товарно-денежными, не существует.

Если сторонники такой позиции видят все-таки собственную сферу действия основного экономического закона социализма, то за ним не признается роль непосредственного регулятора основных народнохозяйственных пропорций. Такой взгляд наиболее отчетливо обнаруживает себя в концепциях эффективности производства, которые замыкаются аспектом движения производительных сил.

Подобная трактовка общекommунистических отношений развитого социализма ведет к тому, что общекommунистическая природа экономики социализма оказывается чисто формально-логической, социализм остается лишь в чисто формально-логическом плане единым с коммунистическим способом производства. Реальное же единство, проявляющее себя в действительности, фактически исчезает.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос, чем, собственно, в системе самих производственных отношений социализма обеспечивается их движение в направлении к полному коммунистическому обществу. Неужели движение социализма к полному коммунизму в конечном счете связано лишь с политической деятельностью государства; в самой же системе производственных отношений нет внутреннего звена, которое обеспечивало бы это движение?

Пытающихся найти какие-то реальные аналоги общекommунистической сущности социализма, выделить реальную сферу полного социально-экономического единства социалистического общества зачастую обвиняют в плохом знании практики, в оторванности от жизни, в утопической схоластике. Но именно сама практика дает нам примеры непосредственно общекommунистических отношений, не подвергающихся влиянию закона стоимости, экономической обособленности предприятий и т. п. Сюда можно отнести определение Госпланом перспективных и генеральных пропорций народного хозяйства, безусловное недопущение безработицы, решение вопросов об экономической судьбе предприятий на основе общенародных интересов и т. д.

Очевидно, вопрос состоит в том, как понимать связь политической экономики с экономической практикой, что представляет собой сама практика как критерий истины в политэкономии. Практический опыт является источником развития теории. Но это не значит, что где бы то ни было, в том числе и в условиях коммунистического способа производства, надо ставить знак равенства между текущим хозяйственным опытом и теорией. Прак-

тический опыт не тождествен своему теоретическому отражению. Критерием истины он может являться, лишь будучи критически осмысленным, обобщенным и проанализированным теоретической мыслью. Сама практика развивается, и то, что подтверждается практикой сегодня, может быть уточнено или оказаться ограниченным в свете более широкого практического опыта.

Вопрос о практике как критерии истины в политической экономике имеет и другой аспект, связанный с субординацией факторов экономического развития и с методами изучения этих факторов. Марксизм исходит из того, что главным фактором социально-экономического развития является способ производства материальных благ. В то же время марксизм признает и роль дополнительных факторов социально-экономического развития, к числу которых относится и система личностных оценок, ориентаций членов общества.

Осуществляя ту или иную перестройку хозяйства, осуществляя то или иное экономическое мероприятие, КПСС всегда учитывает настроения масс, систему их исторически сформировавшихся установок и ценностей. Но они еще не тождественны необходимости способа производства. Партия поправила, как известно, некоторых социологов и историков, в исследованиях которых обнаружился крен к подмене необходимости способа производства системой личностных и групповых установок, как якобы главной основы решения проблем общественной жизни. Глубокие тенденции социально-экономического развития нельзя адекватно отобразить на уровне эмпирического обобщения обыденного текущего опыта, текущих личностных установок и ценностей.

Эти установки и ценности есть проявление отношений способа производства, общественного бытия. В то же время система индивидуальных установок в процессе отражения общественного бытия испытывает воздействие социального положения личности, ее классовой принадлежности, воспитания, прошлого жизненного опыта.

Становление нового человека в условиях развития социализма происходит не революционным, а эволюционным путем. Устранение, снятие буржуазных и мелкобуржуазных привычек и традиций происходит в течение длительного времени. Именно деятельность по формированию нового человека требует «...больше выдержки, больше терпения, больше настойчивости, больше упорства, больше систематичности в труде, больше организаторского и администраторского искусства в большом масштабе»¹⁸. Поэтому установки и ориентации тех или иных индивидов могут в той или иной мере как совпадать с необходимостью способа производства, так и выступать как субъективная контртенденция в виде стяжательства, частнособственнических тенденций и т. п.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 143—144.

«Мы добились немало в улучшении материального благосостояния советского народа, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС. — Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии»¹⁹.

Основные социально-экономические тенденции развитого социализма определяются именно его общекоммунистическими производственными отношениями.

Анализ общекоммунистических отношений как особого уровня экономической действительности социализма — основа анализа механизма действия и использования экономических закономерностей перерастания социализма в коммунизм. Эта последняя задача, подчеркнутая XXV съездом КПСС, имеет для политической экономии социализма самое принципиальное значение. Дело в том, что закономерности перерастания социализма в коммунизм рассматриваются пока в нашей экономической науке в слишком общем плане. Подход к раскрытию этих закономерностей со стороны политэкономов мало чем отличается от подхода в рамках исторического материализма. Между тем специфика подхода к этой проблеме со стороны политической экономии должна заключаться в значительной мере как раз в раскрытии механизма действия и использования этих экономических закономерностей. Пока еще в политической экономии социализма исследуется в основном механизм действия и использования экономических законов *на данном этапе* развития социализма. Однако этот механизм неразрывно связан с механизмом действия и использования закономерностей перерастания социализма в коммунизм, их нельзя противопоставлять. Поэтому одностороннее отклонение в сторону использования законов в рамках данного этапа способно породить тенденцию к подмене политической экономии социализма наукой о рациональном хозяйствовании, которая была бы нацелена исключительно на текущие хозяйственные задачи.

§ 7. ОБ ИСХОДНОМ ПУНКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Социализму и коммунизму имманентно присуща планомерная форма организации общественного хозяйства, принципиально отличная от предшествующих ей натуральной и товарной форм. Такая постановка вопроса критикуется в книге Д. Валового и Г. Лапшиной «Социализм и товарные отношения», где сказано, что «история знает две формы обмена деятельностью: натуральную и товарную... Обе они в различных соотношениях существо-

¹⁹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 78.

вали во всех способах производства. Существуют они и в социалистическом обществе»²⁰.

Кроме того, авторы критикуют мнение, что натуральная и товарная формы производства подчиняются закону отрицания отрицания. Однако имеется высказывание К. Маркса, из которого следует, что он, во-первых, рассматривал не две, а три формы производства, а во-вторых, считал их подчиненными закону отрицания отрицания: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей»²¹.

Д. Валовой и Г. Лапшина, отказывая планомерности в праве быть самостоятельной формой производства, по существу разделяют «товарную» концепцию социализма. Последняя же уходит своими корнями в приводимую во многих учебниках политической экономии схему способов производства, согласно которой натуральная форма без остатка растворяется в первобытном способе производства, а планомерная форма — в социалистическом или коммунистическом способе производства. В результате во всех способах производства сохраняется «товарная форма» производства как основа всего развития общества.

Действительный исторический процесс совершается иначе. Известно, что натуральная форма хозяйствования имманентно присуща первобытному способу производства. Это натуральное хозяйство неизбежно разлагается, порождая единичную форму стоимости, особенную форму стоимости, общую форму стоимости и простое товарное производство. Весь этот процесс описан Марксом в первой главе «Капитала», где он не только исследует форму стоимости, но и ссылается попутно на способы производства, смена которых сопровождается этим историческим процессом.

В связи с разработкой системы законов и категорий политической экономии социализма в задачу политической экономии входит исследование процесса зарождения планомерных форм связи между производством и потреблением, планомерной организации общественного производства.

Смена капиталистического способа производства коммунистическим происходит в результате процесса обобществления произ-

²⁰ Валовой Д., Лапшина Г. Социализм и товарные отношения. М., 1972, с. 274.

²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 100—101.

водства и возникновения сначала планомерных форм связи, а затем и планомерной организации всего общественного хозяйства.

Реальное существование коммунизма приобрел с пролетарской революцией, с установлением диктатуры пролетариата. Здесь уже складывается не просто планомерная форма связи, а планомерная организация общественного хозяйства в масштабе всего общества. Она и образует исходный пункт в исследовании политической экономии социализма.

Исходя из сказанного, следует, что на первой ступени восхождения от абстрактного к конкретному основы социализма и коммунизма должны быть описаны терминами «Критики Готской программы» К. Маркса и 5-й главы «Государства и революции» В. И. Ленина. Вместе с тем наше социалистическое хозяйство вынуждено «признать» товарно-денежную форму не потому, что есть колхозно-кооперативная собственность, а в силу того, что оно является частью всемирного хозяйства. Эта товарно-денежная форма возникает на уровне предприятия, представляющем собой другой, более конкретный, уровень исследования. Но и здесь речь идет не о товарном производстве, а о производстве товаров, товаров особого рода, т. е. сохраняющих лишь товарно-денежную форму.

Таким образом, производственные отношения социализма предстают как планомерные по своей сущности, социалистические по своему содержанию (т. е. осуществляющие принцип «от каждого по способностям — каждому по его труду») и товарно-денежные по своей форме. Логика исследования этих отношений поэтому должна быть такова: вначале из планомерной сущности производственных отношений коммунистического способа производства нужно вывести их социалистическое содержание, затем облечь это содержание в товарно-денежную форму и, наконец, доказать, что товарно-денежная форма необходима исторически и что вне ее не может существовать при социализме ни его планомерная сущность, ни его социалистическое содержание. Указанные задачи, на наш взгляд, могут быть решены лишь последовательным применением марксистского метода восхождения от абстрактного к конкретному.

§ 8. К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ КАТЕГОРИИ И ЗАКОНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Научное объяснение экономических процессов всегда сохраняет злободневность. Но если наука ослабляет внимание к вопросам завтрашнего дня, перспективам общественного развития, то она рискует отстать от тенденций развития самой жизни. Политическая экономия призвана не только объяснить строго научно прошлое, настоящее, но и раскрыть будущее в главном, основном направлении развития. Блестящий пример в этом отно-

шении дают работы Маркса, Энгельса, Ленина. В наше время научная достоверность раскрытия объективных тенденций экономического развития от социализма к коммунизму приобрела исключительное значение. Известный тезис К. Маркса о том, что «философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его», был и остается завещанием для общественных наук. «Задача экономической науки,—записано в Программе КПСС,—состоит в том, чтобы обобщать новые явления в экономической жизни общества, разрабатывать народнохозяйственные проблемы, решение которых способствует успешному строительству коммунизма».

Если посмотреть на состояние политической экономии с этих позиций, можно с удовлетворением сказать, что по многим проблемам, в том числе и дискуссионным, за последние годы она продвинулась вперед. Даже в таком вопросе, как проблема исходного и основного отношений коммунистического способа производства, где, казалось бы, позиции спорящих сторон далеки друг от друга, наметилось известное сближение и лучшее понимание существа позиции противоположной стороны.

К сожалению, зачастую аргументы в пользу своей позиции авторы стремятся найти в чисто теоретических построениях, привлекая на свою сторону всех: от Гегеля до ныне живущих авторитетов, но не давая себе труда подвергнуть анализу свою собственную позицию и позицию других с точки зрения реального экономического процесса. Это мало приносит пользы, а нередко уводит в мир схоластики. Конечно, в поисках теоретического решения вопросов, которые ставит перед нами жизнь, мы оказываемся часто в трудном положении, поскольку сама экономическая действительность социалистического общества сложна, несет в себе много переходных форм, которым суждено или отмирать, или развиваться в развитые коммунистические формы. Но тем настоятельнее необходимость сверять каждый шаг теоретической работы с объективными тенденциями реального экономического процесса.

В поисках строго научной системы категорий и законов политической экономии коммунистического способа производства мы слишком мало внимания обращаем на непосредственно общественный характер производства, труда и продукта. А ведь в этом коренная суть и отличительная особенность нашего способа производства. На этой основе надо искать исходное и основное производственные отношения коммунистического способа производства, а вместе с этим—и логику построения курса политической экономии.

На этапе развитого социализма процесс обобществления производства по своей глубине и охвату всех сфер производства и услуг настолько значителен, что без учета этого процесса нельзя понять развития социалистических производственных отношений в отношении коммунистические. При этом теория данного

вопроса прямо смыкается с практикой хозяйственного строительства. Сейчас уже есть все основания сказать, что на этапе развитого социализма должно произойти утверждение единой общенародной собственности в государственной форме, и уже на этой основе произойдет в будущем постепенный переход к единой общенародной коммунистической собственности.

Исследование процессов коммунистического обобществления производства нельзя проводить в отрыве от проблемы общественных потребностей. Потребности не только испытывают определяющее влияние производства, но и сами обобществляются, переходя из разряда личных потребностей в коллективные, в общие потребности. Не решена также задача количественного измерения потребностей. Понятно, что в связи с этим многие вопросы планирования (начиная с подготовки кадров) решаются до сих пор большей частью эмпирически.

Эти и другие вопросы экономической теории, ждущие своего решения, говорят о большом долге ученых-экономистов перед нашим народом. Резервы для ускорения движения на теоретическом фронте заключены прежде всего в неиспользованных возможностях объединения сил ученых. Многочисленные координированные советы в республиках, АН СССР, при министерствах в значительной мере регистрируют работу на местах, но не оказывают практически влияния на направленность научных исследований и не координируют работу по существу. Нужна не формальная координация планов, а реальное объединение сил во круг комплексных проблем, привлечение специалистов смежных отраслей знания, организация рабочих групп, продуманных форм рабочих совещаний, определение твердых сроков выполнения работ и т. п. Такая координация принесет большую пользу общему делу.

Творческие семинары-совещания надо сделать постоянной формой нашей работы. Это позволит на высоком и представительном уровне обсуждать наболевшие вопросы теории и учебной работы в соответствии с требованиями ЦК КПСС о повышении роли общественных наук. В программу семинаров следует включать для обсуждения доклады представителей всех крупных центров, где разрабатываются теоретические проблемы политической экономии, чтобы дать возможность участникам семинара сравнить достижения различных научных школ по крупным и спорным вопросам теории. Основные доклады по теоретическим и организационно-методическим вопросам следует рассылать участникам семинара до его начала. Это позволит глубже и всесторонне обсуждать поставленные вопросы и повысит эффективность наших научных работ.

Раздел второй

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА**

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

§ 1. НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ИМПЕРИАЛИЗМА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

По мере развития империализма от ранних форм монополистического капитализма к современному государственно-монополистическому капитализму возникают все новые явления, отражающие качественные изменения в экономике позднего буржуазного общества. Эти новые процессы требуют выявления степени их закономерности и, соответственно, отражения в научной системе категорий политической экономии в учебных курсах высшей школы. Как известно, прочерченная В. И. Лениным «крупная линия» развития капитализма состоит в переходе его от свободной конкуренции к монополии, а от монополии к огосударствлению. XXV съезд КПСС продолжил эту ленинскую линию анализа империализма, выдвинув тезис о существовании в настоящее время высокоразвитой государственно-монополистической экономики¹.

Предстоит большая работа с тем, чтобы в научно-педагогической, методологической литературе, учебных программах и самой практике преподавательской работы определить с достаточной четкостью критерии новых явлений для экономики современного капитализма.

С одной стороны, их порой рассматривают как всего лишь сумму новых факторов, иллюстрирующих давно вскрытые экономические закономерности капиталистического способа производства. И поскольку такой иллюстративный подход литераторов и лекторов не нарушает издавна принятой логики изложения, к данному подходу применяют квалификацию логического. С другой стороны, поскольку ряд новых явлений в экономике позднего капитализма пополняется за счет вновь и вновь развивающихся процессов, им отводят иногда специальное место как бы за рамками программы и лекционных курсов или под рубрикой «новые явления», или под рубрикой «особенности действия» определенных экономических законов. Такой подход называют историческим,

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.

ибо он идет «потом». И в том и в другом случае новые явления в экономике позднего капитализма рассматриваются бессистемно, без основы, их породившей, и потому им так трудно оказывается найти место среди категорий политической экономии.

Дело составителей программ, преподавателей и лекторов оказывается тем более трудным, что в методологических работах, издаваемых время от времени малыми тиражами, авторы изображают новые процессы односторонне: либо как модификацию старых явлений, либо как механическое отрицание старого (а не его «снятие»), либо, наконец, возводят в ранг научных категорий термины из буржуазной литературы.

Для правильного подхода к таким новым явлениям в экономике империализма, которые «достойны» отражения в системе категорий политической экономии и в ее учебных курсах, необходимо взять за основу связь этих новых явлений с процессами развития производительных сил. Как известно, монополистический капитализм есть строй, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению производства. На позднем этапе его движения развитие производительных сил приобретает лавинообразный характер научно-технической революции. Следовательно, обнаружение связи новых явлений в производственных отношениях позднего капитализма с процессами научно-технической революции представляется фундаментальным отправным пунктом для исследования качественных сдвигов в экономике всего империализма и достаточным основанием к включению понятий, выражающих содержание этих изменений, в систему теоретических категорий. По сути дела, это вопрос о соотношении научно-технической революции и основных экономических признаков империализма в реальной жизни и отражении этой взаимосвязи в теории.

НТР не является единственным источником новых экономических процессов. Многие из них вызваны попытками империализма приспособиться к новой мировой обстановке, выстоять в противоборстве с социализмом. «Капитализм всячески стремился идти, так сказать, в ногу со временем...»², — было отмечено на XXV съезде КПСС,— и НТР остается важнейшим источником изменений. Саму проблему надо поставить таким образом: какие качественные сдвиги привносит в основные экономические черты капитализма вообще и империализма в особенности научно-техническая революция и насколько развитие НТР зависит от каждого из известных признаков монополистической стадии капитализма?

Прежде чем исследовать взаимодействие научно-технической революции и всех сторон империализма в том логическом порядке, который вытекает из выявленной В. И. Лениным последовательности перехода от одного экономического признака импе-

² Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

риализма к другому, необходимо определить содержание самой НТР при капитализме. Это выявление сущности НТР в узком смысле, т. е. для собственно политической экономии в отличие от других отраслей знания с их специфическими подходами к изучению и изображению этого революционного скачка в развитии производительных сил.

При изучении общих основ капитализма должно быть выявлено, что по характеру своего капиталистического использования НТР означает качественное расширение границ эксплуатации рабочей силы—вовлечение в производство прибавочной стоимости все новых сторон и потенциалов человеческой личности. Положение о том, что научно-техническая революция означает превращение науки в непосредственную производительную силу, следует дополнить в курсе политической экономии доказательством, что НТР означает прежде всего «превращение» науки в главную производительную силу—в рабочую силу человека наемного труда. Иными словами, НТР при капитализме означает, в сущности, применение науки для «конструирования», т. е. формирования и направленного развития человеческих способностей ради производства капиталистической прибыли.

Производство прибавочной стоимости в условиях научно-технической революции требует вовлечения в процесс эксплуатации совершенно новых для этого процесса разных сторон рабочей силы—интеллектуально-психической энергии человека, его способности к логическому мышлению, расчетам, запоминанию, а порой к эвристике и творчеству. В условиях НТР каждый рабочий должен быть вооружен знаниями. Если при фабричной форме машинного производства все открытия науки и техники были направлены на доведение функций наемного рабочего до роли бездумного придатка машины и на деградацию его производственной культуры, то в условиях самой НТР в центр производственного процесса становятся именно духовные, а не физические потенции работника. Иными словами, из рабочего тягла наемный пролетарий начинает становиться «роботом в биологической оболочке».

Вот почему такой актуальной задачей становится обстоятельное раскрытие ленинского тезиса о монополизации обученных рабочих, инженеров и кадров вообще (ведь когда этот тезис был высказан, верхушка рабочего класса имела образование не более четырехлетнего, ныне же средняя продолжительность обучения рабочей силы удвоилась или даже утроилась). Границы капиталистического формирования рабочей силы обнаруживаются в несовместимости для монополий повышения производственной культуры с общим развитием личности. По признанию Дж. Гэлбрейта, рост образованности вступает в противоречие с «социальными установками предпринимателей». Неслучайно монополии и государство обнаруживают стремление задержать общий рост образования, удержать его в более приемлемых границах. Так,

за 50-е годы XX в. средняя продолжительность обучения лиц, работающих по найму в США, увеличилась на 13%, а на протяжении 60-х годов она увеличилась всего на 3%.

Поскольку современная монополия остается воспроизводимой привилегией на эксплуатацию самых прибыльных условий производства, без исследования монополизации плодов НТР и ее главного детища—обученной, способной к сложному труду рабочей силы невозможно объяснить устойчивость притока избыточной (по сравнению с немонополизированным сектором) прибавочной стоимости.

Научно-техническая революция явилась фактором интенсификации процесса обобществления капиталистического производства. Если при возникновении монополий на рубеже XIX—XX вв. преобладал торгово-промышленный тип монополистических союзов по отраслям, то к середине XX столетия основной формой таких объединений стала многоотраслевая корпорация—концерн (правда, не обязательно включающая в свою структуру банки). Многоотраслевая структура концернов, контроль их над межотраслевым переливом капиталов облегчает этим современным монополиям планомерно обеспечивать устойчивую норму и возрастающую массу прибыли на ряд лет.

Это обстоятельство выступает, с одной стороны, для современных монополий побудительным стимулом к форсированному внедрению НТР. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, монополии используют научно-технический прогресс в целях усиления эксплуатации наемного труда, укрепления своих позиций, повышения эффективности производства. В конечном счете это повышение эффективности современного капиталистического производства выражается именно в упрочении планомерного начала при обеспечении на ряд лет вперед притока максимума прибыли, в подведении под это планомерное обеспечение устойчивых межотраслевых связей.

С другой стороны, постепенное и все еще неполное освоение НТР современными многоотраслевыми монополиями дает последним невиданные ранее возможности задерживать научно-техническую революцию сразу по целым крупным блокам отраслей. Известно, что фундаментальные теоретические открытия, лежащие в основе современной НТР, были сделаны на рубеже XIX—XX вв. (ядерная физика, квантовая механика, теория относительности). Многие технические новшества современности были реализованы в первой четверти XX в., но многие монополии надолго «заморозили» их применение (подземная газификация угля, система связи через АТС и т. п.). Особенно ярко загнивание монополистического капитализма в условиях НТР проявилось в его неспособности перестроить до сих пор систему подготовки рабочей силы, адекватной НТР, и избавиться от «постоянного ядра безработицы». Наконец, в современных методах внедрения автоматизации и кибернетики видно стремление капи-

тала повернуть «на попятную», избавиться от слишком обученной и сложной рабочей силы и ориентироваться на «робота попроще».

Адекватная современной монополистической корпорации многоотраслевая структура позволяет этим объединением не только развивать НТР (ибо НТР не может развиваться лишь «сепаратно», по отдельно взятым отраслям), но и создает возможность быстрого и гибкого изменения производственного профиля производства монополий—для диверсификации производства. Еще В. И. Ленин отмечал, что каждая промышленная монополия становится банком, ввиду своих огромных внутренних и привлеченных извне денежных ресурсов. Ныне эти ресурсы достигли таких размеров и подвижности, что концерны легко мобилизуют и размещают их как в подконтрольные, так и в смежные отрасли.) Как правило, диверсификация предполагает хотя бы отдаленную технологическую связь между подконтрольными концерну производственными циклами.

Диверсификация есть новая форма концентрации производства капитала и межотраслевого перелива капиталов в условиях НТР.

✓ Другая форма концентрации капитала (но не производства!) и его межотраслевого перелива в условиях НТР—это конгломерация (иногда ее называют конгломератизация или конгломерирование). Для понимания связей этой формы монополизации с НТР необходимо учитывать именно интегральный, а не внутриотраслевой характер НТР, ее революционизирующие межотраслевые связи и дух. Монополии, как центры сосредоточения ресурсов, скупают самые перспективные, с точки зрения внедрения достижений НТР, фирмы (не те, где уже внедрены эти достижения, а именно те, у которых есть перспективы на такое внедрение и, следовательно, на взлет вверх курсов их акций). Конгломераты создаются финансовыми группами и здесь особенно важно указание В. И. Ленина о том, что финансовый капитал создал эпоху монополий. Конгломераты—детища финансового капитала, и без учета его роли не могут быть поняты и объяснены в курсе политической экономии. Следовательно, об их структуре, хаотически сплетающейся воедино под контролем одной монополии самые отдаленные друг от друга производства, можно сказать при характеристике форм монополизации для отличия от диверсификации производства и от создания комбинатов, а природу их возможно раскрыть лишь при изучении финансового капитала.

Взаимодействие финансового капитала, финансовой олигархии и научно-технической революции отличается еще большей сложностью и противоречивостью.

Как известно, одной из основных функций финансового капитала выступает формирование межотраслевых пропорций, а рост планомерного начала подводит научную базу под рискованные,

часто интуитивные поиски поприщ для перспективного инвестирования как капиталов самой финансовой олигархии, так и подконтрольной ей «публики».

Но с другой стороны, та же внутренняя логика НТР, усиление планомерного (в ущерб стоимостному) начала в формировании межотраслевых связей выступает в качестве неопровержимого объективного аргумента против самого права на существование финансовой олигархии с ее спекуляциями и притязаниями на вознаграждение за «головокружительный» риск, поскольку элемент риска явно уменьшается. К тому же развитие сначала безналичных, затем безбумажных расчетов, а ныне «электронных денег» серьезно сужает поле финансовых спекуляций и требует полной отчетности банков перед центрами расчетов.

Финансовая олигархия начинает противодействовать развитию НТР. Эта плутократия использует достижения НТР в целях их спекулятивной скупки на корню и создания нежизнеспособных с производственно-технологической стороны конгломератов. Олигархия тормозит внедрение электронных систем расчетов, сулящих обществу (а не ей) громадную экономию. Наконец, финансовая олигархия, как бы очищая поле своим финансовым операциям в частном секторе, направляет развитие НТР в сторону гонки вооружения и создания военно-промышленных комплексов. Это самое красноречивое свидетельство паразитической наживы монополий от НТР и наглядное доказательство усиления загнивания финансового капитала под ее воздействием. Отсюда и разительные контрасты между секторами капиталистической экономики, охваченными научно-технической революцией и отринутыми от нее.

Научно-техническая революция усиливает международный характер финансового капитала и интенсивность его связей.

В домонополистическую эпоху за границу эмигрировали циклически возникавшие «избытки» капитала, не сулившие средней прибыли в отечестве при их вероятном инвестировании. На ранних этапах империализма начался систематический вывоз (а не эмиграция) капитала, становившегося «излишним» ввиду невозможности получать от его вложений на родине монополистически устойчивую сверхприбыль. В условиях НТР оценка «избыточности» капитала еще более сужается. Она определяется в зависимости от возможности каждого нового капитала-отпрыска включиться в процесс освоения НТР. В случае отсутствия такой возможности капиталы, достигшие критически минимальной массы для авансирования, направляются за границу. Объектами заграничного инвестирования становятся центры освоения НТР, тем более, что она развивается от страны к стране крайне неравномерно. Ее плоды становятся объектом охоты со стороны международных инвесторов. Соответственно, охват научно-технической революцией лишь наиболее развитых в промышленном отношении стран ограничивает сферу экспорта капитала именно

этими странами. Так, из 200 млрд. долларов американских капиталов за границей более половины приходится на Западную Европу, Канаду и Японию. В свою очередь, более половины (88 млрд. долларов) неамериканских заграничных инвестиций помещено в США. Далее, влияние НТР на экспорт капитала сказывается еще и в том, что этот процесс все менее опредмечивается и приобретает, так сказать, нематериальные формы в виде вывоза патентов, лицензий, «ноу-хау», «охоты за умами». В платежных балансах империалистических государств все большее место занимают доходы от «интеллектуальной собственности». Короче, НТР знаменует переход от экспорта капиталов, связанных с материальным производством, к вывозу инвестированных ресурсов духовного производства. Вместе с тем, такой поворот в экспорте капитала затрудняет сколько-нибудь гармоничное, хотя бы комплексное развитие НТР и использование ее плодов теми центрами, которые создают ее. Кладя под сукно скупленные в отечестве открытия НТР, монополии-инвесторы переводят или продают их за границу или замораживают вообще. В то же время, скупая заграничные достижения, монополии насаждают их у себя, «дома», не считаясь со структурными потребностями отечественной экономики.

Наиболее заметные изменения НТР принесла в производственную базу и финансовую структуру международных монополий. Можно утверждать, что в условиях НТР и прежде всего на ее основе возникли международные монополии нового типа (их называют сверхнациональные, транснациональные, многонациональные). Отличительной особенностью этих МНК является включение в единые, технологические тесно связанные производственные комплексы самых передовых предприятий и фирм, расположенных на разных континентах.

В рамках МНК неполная капиталистическая «планомерность» охватывает поистине межконтинентальные комплексы. Если в международных монополиях старого типа (картелях, синдикатах, трестах) осуществлялся экономический раздел мира путем дележа рынков сбыта между капиталистическими странами, то в МНК происходит деление сфер приложения сил (и рынков) не среди разнонациональных монополий-участников, а в зависимости от степени, сферы или ступеньки в освоении НТР. Поэтому оказалось, например, что главным соперником монополий США на внешних рынках и на отечественном американском рынке стал комплекс заводов и филиалов в других странах. Этот комплекс производит продукцию на 250 млрд. долларов, из них около 25 млрд. долларов ввозятся в США.

Но деятельность МНК, основанная преимущественно на скупке заграничных достижений НТР, ставит весьма опасные преграды развитию самой этой научно-технической революции, ибо штаб-квартира этих гигантов весьма отрицательно относится к росту прогрессивных сил в странах, где размещены их отделе-

ния и заводы. В случае опасности МНК быстро свертывают объем заказов, переводят их в другие страны или вообще закрывают предприятия, эвакуируя их в более «спокойные места». МНК выступают как фактор отрыва НТР от национальной почвы и затрудняют использование ее плодов в интересах обеспечения национальной независимости. Экономический раздел капиталистической части мира все более превращается в охоту за достижениями НТР. «Возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной»³.

В область политического раздела капиталистической части мира НТР вносит также весьма существенные изменения. Во-первых, на основе внедрения НТР была создана новая химическая база основных видов сырья, особенно для обрабатывающей промышленности (пластмассы, волокна). Это усилило экономическую зависимость освободившихся от колониального ига стран, поставляющих натуральное сырье на все более закрытые рынки бывших метрополий. Правда, та же НТР породила усиленный спрос на некоторые виды топлива и природного сырья. По-видимому, международный империализм будет изыскивать средства оплаты нефтепродуктов и пр. за счет займов у развивающихся стран от выручки за те же продукты (а она достигла 60 млрд. долларов).

Во-вторых, НТР позволила развитым капиталистическим странам избавиться от роли импортеров многих видов продовольствия и занять место его экспортеров. Это также усилило зависимость бывших колоний от колебаний спроса прежних метрополий на их продукты.

В-третьих, используя нужду развивающихся стран в импорте оборудования, бывшие метрополии сбрасывают туда (иногда по схеме многоступенчатого «каскада») устарелую или трудоемкую технологию. Это привязывает часть этих стран к бывшим метрополиям.

Наконец, в условиях НТР, когда возрастает роль знаний, кадров, особое значение вновь приобретают языковые связи бывших колоний и метрополий. Они отражают роль системы подготовки кадров, школьного образования, использование технологической и управленческой литературы (ср. франкоговорящие и англоговорящие страны Африки и т. д.). Это разноязычие и ограниченность общения сужают возможность приобщения развивающихся стран к достижениям НТР помимо их бывших метрополий. «Выдача» технологических циклов и новой техники со стороны бывших метрополий становится одним из неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ средств обеспечения выгодной политической ориентации ряда развивающихся стран, т. е. своеобразным инструментом политического раздела капиталистической части мира.

³ Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

Научно-техническая революция явилась одним из факторов ускоренного перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм.

У частного монополистического капитала так и не хватило сил «оседлать» самостоятельно, без помощи государства научно-техническую революцию как целое. Речь идет не о нехватке материальных, финансовых или кадровых ресурсов. Напротив, все они, сконцентрированные в частном монополистическом секторе, огромны. Дело в том, что финансирование, материальное обеспечение и мобилизация лучших интеллектуальных сил на освоение НТР для частного монополистического сектора выступают предприятием бессмысленным, ибо многие затраты на НТР не сулят быстрой окупаемости, гарантированной капиталоотдачи и независимости от рыночной конъюнктуры. Поэтому монополии взваливают самые для себя рискованные, т. е. в наибольшей степени требующие долговременного регулирования и ожидания полезного эффекта, затраты на государство.

Тем самым под процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический подводится действительная прочная материальная база—освоение и внедрение в производство достижений НТР «как целостного процесса». Внедрение НТР в производство и рост ГМК не просто совпали во времени, а между ними сложилась причинно-следственная связь, оба процесса взаимно питают друг друга. В настоящее время частичным соединением ГМК и НТР капитализм пытается дать ответ на исторический вызов со стороны социализма, органически соединяющего НТР с преимуществами социалистической системы хозяйства. Вместе с тем обнаруживается, что переход к освоению НТР совпадает у капитализма с утратой им исторической инициативы. Империалистическое государство стремится поставить НТР на службу реакционным классовым интересам монополистической буржуазии.

Научно-техническая революция с особой силой подчеркивает узкие исторические границы капитализма и известную троякую особенность империализма. Во-первых, реализация НТР выпукло проявила монополистическую узурпацию ее главных плодов финансовой олигархией. Сама НТР не только стала объектом монополизации, но и мощным инструментом усиления господства монополий. Реализация НТР стала материальной базой воспроизводства разрыва между монополизированным и немонаполизированным сектором, вертикальной основы пирамид-заказов и производственно-технологического соподчинения и иерархии монополистического господства. НТР усилила черты переходности последней, монополистической стадии капитализма к полному обобществлению, характерному уже для начинающейся с революционного переворота первой фазы коммунизма.

Во-вторых, переход и использование НТР поздним капитализмом сплели воедино чередовавшиеся в своем преобладании две

различные тенденции умирающего капитализма—загнивание, с одной стороны, и паразитизм, с другой стороны. Одновременно в ходе осуществления НТР обе тенденции действуют с нарастающей интенсивностью. Тенденция к загниванию выражается в стремлении затормозить ход НТР, продолжить снятие плодов со старой технологии на основе монополистического сговора о ценах, задержать рост производственной и общей культуры пролетариата, довести до политически допускаемого максимума груз давления армии безработных на работающих, заставить НТР крутиться в колесе гонки вооружения. Тенденция паразитизма отчетливо выражается в безостановочном подхлестывании науки монополиями к открытию все новых источников выжимания прибылей из человеческого организма, духовной энергии, в досрочном обновлении техники, в переходе к автоматизации в эксплуатации самого обобществления и совершенствования систем управления. (Достаточно напомнить, что лишь за один 1972 г. прирост прибылей МНК от одного совершенствования систем управления достиг 3 млрд. долларов.) В результате сплетения двух тенденций капитализму сообщается и крайняя неравномерность темпов и их общее ускорение, весьма опасное на последней его стадии.

В-третьих, само разворачивание НТР в рамках капитализма как типа развития производительных сил, адекватных уже не этому строю, а коммунистическому способу производства, свидетельствует об исторической изжитости «цивилизации» чистогана.

Ленинский тезис о том, что государственно-монополистический капитализм есть преддверие, полнейшая материальная подготовка социализма, получает в условиях реализации достижений НТР свое новое подтверждение.

§ 2. ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ВСЕОБЩЕГО ЗАКОНА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Всеобщий закон капиталистического накопления является одним из важнейших экономических законов развития капиталистического способа производства. Именно потому, что этот закон является научным выражением той коренной черты капиталистического производства, в которой наиболее отчетливо проявляются социальные последствия его антагонистического развития, он был всегда одним из объектов рьяных нападок апологетов капитализма. Особенно усилились в последние десятилетия тщетные попытки идеологов капитализма опровергнуть открытый К. Марксом всеобщий закон капиталистического накопления.

Несомненно, что в условиях современного капитализма имеется ряд особенностей в действии всеобщего закона капиталисти-

ческого накопления. Правильная оценка их является актуальной задачей всех марксистов. Она необходима не только для понимания своеобразия действия всеобщего закона капиталистического накопления в современных условиях, но и для успешного разоблачения измышлений современных апологетов капитализма по рассматриваемому вопросу.

В условиях современного капитализма действует ряд факторов, оказывающих существенное влияние на действие всеобщего закона капиталистического накопления. К ним прежде всего относятся: развитие научно-технической революции, усиление вмешательства буржуазного государства в экономику и, в частности, в отношения между трудом и капиталом, огромное усиление борьбы пролетариата капиталистических стран за свои жизненные интересы, усиливающееся влияние на капиталистическую экономику развития мировой социалистической системы, дальнейшее усиление противоречий капитализма.

Развитие современной НТР оказывает большое воздействие на общественное производство, вызывает серьезные изменения как в средствах производства, так и в рабочей силе. В условиях капитализма оно является одним из источников дальнейшего обострения антагонистических противоречий, являющихся следствием того, что прогресс в развитии производительных сил, происходящий под влиянием НТР, используется монополистической буржуазией в качестве рычага ускоренного роста прибылей.

Современная НТР начала разворачиваться с середины 50-х годов и продолжает еще находиться на первой стадии своего развития, когда комплексная автоматизация еще не получила сколько-нибудь значительного распространения, но тем не менее уже явилась источником довольно существенных изменений в составе рабочей силы и характере труда. Эти изменения идут в следующих направлениях.

Во-первых, в течение последних десятилетий в развитых капиталистических странах четко проявилась тенденция к увеличению доли квалифицированных рабочих за счет уменьшения доли неквалифицированных. Эта новая тенденция к повышению среднего уровня квалификации рабочих наиболее отчетливо проявилась в США. По внедрению в производство новейшей техники США стоят на первом месте в капиталистическом мире.

Во-вторых, развитие НТР резко повысило требования к общеобразовательной подготовке рабочих. В современных условиях в развитых капиталистических странах минимум общеобразовательной подготовки, удовлетворяющий возросшие требования производства, приближается к полному курсу средней школы.

В-третьих, развитие НТР привело к существенному изменению форм профессиональной подготовки рабочих. Если раньше эта подготовка в основном осуществлялась непосредственно на рабочих местах, то теперь для обслуживания высокомеханизированного и автоматизированного производства требуется специ-

альная профессионально-техническая подготовка и периодическая переподготовка рабочих, что обеспечивает обучающимся приобретение не только необходимых навыков, но и определенный минимум теоретических знаний и технической грамотности.

В-четвертых, НТР усилила действие закона перемены труда, что находит наиболее наглядное выражение в ускорении процесса смены функций, изменения профессионального состава рабочих.

В-пятых, развитие НТР явилось источником существенного изменения характера труда рабочих. Эти изменения, наиболее наглядно проявляющиеся в высокомеханизированном и автоматизированном производстве, идут в направлении уменьшения физической тяжести труда и большего увеличения нагрузки на нервную систему и увеличения расходования умственной энергии.

В-шестых, под влиянием НТР ускорился процесс изменения структуры совокупного рабочего. Это проявляется не только в отмеченном выше изменении профессионально-квалификационного состава рабочих, но и в ускоренном росте в составе занятых доли инженерно-технических работников и служащих.

Развитие НТР ускорило пролетаризацию трудящихся масс и существенные сдвиги в социальной структуре занятого населения. Это проявилось в дальнейшем росте доли занятых наемным трудом, повышении доли пролетариата, занятого в непродуцированной сфере (сфере услуг и сфере распределения), ускорении сближения массовых категорий инженерно-технических работников и служащих по своему экономическому положению с квалифицированными промышленными рабочими.

В целом, вызванные НТР существенные изменения в составе рабочей силы и характере труда явились важными факторами, во-первых, изменения условий воспроизводства рабочей силы и, во-вторых, повышения сложности труда.

Изменение условий воспроизводства рабочей силы, вызванное прежде всего резким повышением уровня общеобразовательной подготовки молодежи и повышением среднего уровня квалификации рабочих, а также изменением характера труда, явилось источником повышения темпов роста необходимых потребностей пролетариата, привело к большому росту расходов по воспроизводству рабочей силы.

Однако по данным буржуазной статистики весьма трудно сколько-нибудь близко к действительности количественно оценить изменения не только органического, но и стоимостного строения капитала. Большие трудности стоят на пути определения общей величины суммы функционирующего капитала. Вот почему при конкретном исследовании влияния накопления капитала на занятость и безработицу предпочтительнее исходить из несравненно более надежных статистических данных о динамике физического объема производства, численности занятых работников и их средней выработке.

Наиболее полные данные об этом за длительный период времени имеются по обрабатывающей промышленности США. Анализ этих данных за 100-летний период — с 1869 по 1969 г.—позволил сделать следующие выводы⁴.

1. В эпоху общего кризиса капитализма в обрабатывающей промышленности США наблюдается резкое обострение неравномерности изменения масштабов промышленного производства и некоторое снижение средних темпов их роста.

В течение трех последних десятилетий прошлого века (1869—1899 гг.) промышленное производство увеличивалось в среднем за десятилетие на 59%, в течение первых двух десятилетий нашего века (1899—1919 гг.) объем производства обрабатывающей промышленности США увеличился в 9 раз. Причем в течение этого полувека колебание темпов роста объема производства по десятилетиям было сравнительно небольшим.

Существенно отличная картина динамики масштабов производства наблюдалась в обрабатывающей промышленности США в течение пятидесятилетия (1919—1969 гг.). Прежде всего резко усилилась неравномерность изменения объема производства по отдельным периодам. В течение первого послевоенного десятилетия (1919—1929 гг.) промышленное производство увеличилось на 52%, тогда как за последующее десятилетие (1929—1939 гг.) оно не только не увеличилось, а даже упало на 2%, а в среднем за все тридцатые годы оно было на 22% ниже уровня 1929 г. Только за 4 года второй мировой войны (1939—1943 гг.) объем производства увеличился в 2,3 раза. После второй мировой войны темп роста производства в обрабатывающей промышленности США также был большим.

2. В течение рассматриваемого 100-летнего периода в обрабатывающей промышленности США четко проявилась тенденция к повышению темпов роста средней выработки.

На протяжении трех последних десятилетий прошлого века (1869—1899 гг.) среднегодовая выработка на 1 занятого увеличивалась в среднем за десятилетие на 17%.

В межвоенный период (1919—1939 гг.) среднегодовая выработка на 1 занятого повышалась в среднем за десятилетие на 28—30%⁵. После второй мировой войны темпы роста средней выработки еще увеличились.

3. В эпоху общего кризиса капитализма в обрабатывающей промышленности США наблюдается резкое обострение неравномерности изменения численности занятых и снижение средних темпов ее роста.

В течение трех последних десятилетий прошлого века численность занятых увеличивалась в среднем за десятилетие на 36%,

⁴ Приводимые ниже данные подсчитаны нами по официальным публикациям правительственных органов США.

⁵ Первая цифра относится ко всем занятым, а вторая — только к производственным рабочим.

примерно такими же темпами она росла и в первые два десятилетия нашего века.

Совершенно иная картина наблюдалась в последующем пятидесятилетии. В течение двух межвоенных десятилетий (1919—1939 гг.) численность занятых даже несколько уменьшилась. Однако только за четыре года второй мировой войны, с 1939 г. по 1943 г., занятость увеличилась в 1,8 раза. В послевоенный период (1947—1969 гг.) темпы роста занятости опять упали—по рабочим до 11%, по всем занятым—до 20% в среднем за 11-летний период, т. е. были по рабочим примерно в три, а по всем занятым в два раза ниже в сравнении с темпами роста в пятидесятилетии с 1869 по 1919 г. В целом за пятидесятилетие с 1869 по 1919 г. в обрабатывающей промышленности США занятость увеличилась по рабочим в 4,7, а по всем занятым—в 5 раз, тогда как в течение последующего пятидесятилетия с 1919 по 1969 г. она повысилась по рабочим в 1,7, а по всем занятым—в 2,1 раза, то есть налицо снижение средних темпов роста занятости более чем в 2 раза⁶. В основном это является следствием наблюдавшегося в последнее пятидесятилетие ускорения темпов роста средней выработки и лишь частично—падения средних темпов роста физического объема производства.

Приведенные данные о соотношении динамики изменения физического объема производства, средней выработки и занятости очень хорошо объясняют изменение численности безработных.

Известно, что наиболее катастрофическое увеличение численности безработных в США, как и во всех других капиталистических странах, наблюдалось в течение 30-х годов.

Так, в США, по приуменьшенным официальным данным, в 30-х годах полностью безработным был каждый пятый рабочий и служащий. В действительности масштабы безработицы в рассматриваемый период были еще большими. Согласно расчетам известного американского экономиста С. Белла, произведенным на основе исследования им динамики объема производства и занятости в основных несельскохозяйственных отраслях материального производства США, в 30-х годах безработным был примерно каждый третий рабочий.

Наибольшее уменьшение численности безработных в США наблюдалось в годы второй мировой войны, когда безработица, по официальным данным, уменьшилась почти с 10 млн. человек, какой она была в 1939 г., до нескольких сот тысяч в 1944 г. Такое большое уменьшение безработицы явилось следствием резкого увеличения объема промышленного производства и занятости.

В послевоенные годы, по официальным данным, уровень безработицы в США вновь повысился: с 1—2% самостоятельного населения в годы второй мировой войны до 4—6%.

⁶ Данные промышленных переписей о численности занятых.

Такие масштабы безработицы были близки к тому ее среднему уровню, который наблюдался в течение первых двух десятилетий нашего века⁷, но почти в 4 раза были ниже среднего официального уровня безработицы 30-х годов.

Такой сравнительно с 30-ми годами невысокий уровень безработицы в США в течение двух с лишним десятилетий послевоенного периода был прежде всего связан с относительно высокими темпами роста промышленного производства. В то время как за два межвоенных десятилетия, с 1919 по 1939 г., объем производства обрабатываемой промышленности США увеличился примерно на 1/2, за двадцать два года послевоенного периода, начиная с 1947 г. и кончая 1967 г., он поднялся почти в 3 раза. Благодаря повышению темпов роста промышленного производства численность занятых рабочих и служащих в обрабатывающей промышленности США за вышеуказанные послевоенные годы увеличилась на 25%, тогда как в течение двух межвоенных десятилетий она уменьшилась на 3%, и это несмотря на то, что в послевоенный период средние темпы роста производительности труда были более высокими, чем в межвоенные годы.

Вторым фактором, оказавшим существенное влияние на масштабы безработицы в США в течение большей части послевоенных лет, явилось увеличение доли занятых в сфере распределения и услуг. Согласно официальным данным, в США за четверть века, с 1946 по 1971 г., численность занятых в обрабатывающей промышленности увеличилась на 26%, тогда как за этот же период численность занятых в сфере распределения и услуг повысилась в два раза.

В послевоенные годы рабочий класс развитых капиталистических стран сумел добиться существенного повышения реальной заработной платы.

Согласно подсчетам Сектора экономического положения трудящихся развитых капиталистических стран Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, недельная реальная заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности США за период с 1950 по 1971 г. увеличилась почти в 1,5 раза⁸.

Такое повышение реальной заработной платы за сравнительно небольшой период времени в США наблюдалось впервые с начала нашего века.

Согласно имеющимся подсчетам, в течение первых двух десятилетий нашего века реальная заработная плата в обрабатывающей промышленности США имела выраженную тенденцию к понижению. В межвоенный период она по занятым рабочим (т. е. без учета потерь от безработицы) повысилась за межвоенные годы на 25%, тогда как с учетом потерь от безработицы

⁷ Согласно имеющимся официальным источникам, средний процент безработицы в США за 1901—1920 гг. был равен 4,7%.

⁸ «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 2, с. 36.

была в среднем за межвоенные годы на 14% ниже уровня 1892 г.⁹

В годы второй мировой войны реальная заработная плата рабочих обрабатывающей промышленности США повысилась за счет резкого уменьшения безработицы и довольно большого увеличения средней продолжительности рабочей недели. В среднем за 1940—1945 гг. реальная среднегодовая заработная плата фабрично-заводских рабочих была выше уровня 1939 г.: по занятым рабочим всего лишь на 6%, а с учетом потерь от безработицы на 27%¹⁰, так как число полностью безработных с 17,2% в 1939 г. уменьшилось в годы войны примерно до 1%.

Общая картина изменения масштабов безработицы по другим развитым капиталистическим странам была аналогичной изменению ее в США: наибольшее увеличение безработицы наблюдалось в 30-х годах, в течение второй половины послевоенных лет процент безработицы в Японии, Англии, ФРГ и Франции стоял на более низком уровне, чем в США.

Общая картина движения реальной заработной платы в других развитых капиталистических странах немногим отличалась от движения ее в США. В течение первых пяти десятилетий нашего века в них преобладала тенденция к понижению¹¹. В послевоенные же годы, согласно имеющимся подсчетам, реальная заработная плата промышленных рабочих в Японии, Англии, ФРГ, Франции и Италии повышалась даже несколько более высокими темпами, чем в США¹².

Не приходится удивляться, что именно факт существенного повышения реальной заработной платы рабочих развитых капиталистических стран в послевоенные годы послужил для апологетов современного капитализма основным аргументом в тщетных попытках опровергнуть марксистско-ленинскую теорию не только заработной платы, но и всеобщего закона капиталистического накопления, абсолютного и относительного ухудшения положения пролетариата при капитализме.

Каковы же в действительности основные факторы, которые обусловили существенное повышение реальной заработной платы рабочих в развитых капиталистических странах в послевоенные десятилетия?

К числу таких факторов, на наш взгляд, относятся следующие.

Во-первых, наиболее важным экономическим фактором явилось повышение темпов роста уровня необходимых потребностей пролетариата, вызванное существенным изменением условий вос-

⁹ По результатам подсчета, приведенного в кн.: Володин В. С. Заработная плата в условиях современного капитализма. М., 1967, с. 291—293.

¹⁰ Там же, с. 293.

¹¹ Там же, с. 191—192, 195—196, 201, 203—204.

¹² «Мировая экономика и международные отношения», 1973, № 2, с. 36.

производства рабочей силы под влиянием развития научно-технической революции.

Во-вторых, повышение темпов роста промышленного производства и сохранение на этой базе определенного уровня безработицы. Это находится в полном соответствии с известным положением К. Маркса о том, что всеобщие изменения заработной платы регулируются соотношением, в котором рабочий класс распадается на занятую и безработную части.

В-третьих, в течение первой половины нашего века во всех развитых капиталистических странах господствовала тенденция движения реальной заработной платы к понижению, закономерным результатом которой было большое увеличение отставания заработной платы от стоимости рабочей силы. Вот почему увеличение реальной заработной платы в послевоенный период, которого рабочий класс капиталистических стран сумел добиться упорной борьбой, в значительной мере является лишь уменьшением накопившегося в течение длительного времени большого отставания заработной платы от стоимости рабочей силы.

В-четвертых, важнейшим политическим фактором, обеспечившим действительное повышение реальной заработной платы рабочих капиталистических стран в послевоенные годы, явилось огромное усиление борьбы пролетариата за свои жизненные интересы.

В-пятых, важным фактором, усиливающим позиции пролетариата капиталистических стран в его борьбе за свои жизненные интересы, является существование мировой социалистической системы.

Наконец, последним по счету, но не по важности, фактором является государственно-монополистическое регулирование заработной платы. С одной стороны, оно состоит в проведении монополиями и буржуазным государством широкого круга мер по всемерному торможению роста заработной платы, увеличению налогов на трудящихся и ограничению прав рабочих на борьбу за свои жизненные интересы. Характерными выражениями подобного рода могут служить широко распространенное в условиях современного капитализма «замораживание» и сдерживание номинальной заработной платы, проводимое в условиях непрерывного роста дороговизны, обусловленного взвинчиванием цен монополиями и хронической инфляцией, и современная практика законодательного ограничения прав рабочих на забастовки, принудительного арбитража и т. п. С другой стороны, государственно-монополистическое регулирование заработной платы и в целом отношений между трудом и капиталом состоит в проведении монополиями и буржуазным государством политики социального маневрирования, состоящей в сочетании мер по дальнейшему наступлению на жизненный уровень и права пролетариата с проведением под давлением усиливающейся мощи рабочего движения и возрастающего влияния развития мировой социали-

стической системы на капиталистическую экономику тех или иных частичных уступок пролетариату, в том числе и по линии заработной платы.

Повышение реальной заработной платы в послевоенные годы сопровождалось не ослаблением, а, наоборот, большим усилением степени эксплуатации труда.

Согласно нашим подсчетам, в обрабатывающей промышленности США норма прибавочной стоимости за период с 1869 по 1969 г. изменялась следующим образом (табл. 1)¹³.

Таблица 1

Нормы прибавочной стоимости в обрабатывающей промышленности США
(1869—1969 гг.)

Годы	Норма прибавочной стоимости в %	Годы	Норма прибавочной стоимости в %
1869	104	1931	142
1879	87	1933	154
1889	94	1935	118
1899	115	1937	118
В среднем за 1869, 1879, 1889 и 1899	100	1939	122
1904	111	В среднем за 1931, 1933, 1935, 1937, 1939	131
1909	111	1947	123
1914	99	1954	125
1919	103	1958	124
В среднем за 1904, 1909, 1914 и 1919	106	1963	142
1921	93	1967	152
1923	110	1969	156
1925	120	В среднем за 1963, 1967, 1969	150
1927	124		
1929	141		
В среднем за 1921, 1927, 1923, 1925, 1929	118		

¹³ Нормы прибавочной стоимости рассчитаны нами по данным промышленных переписей США. При подсчете предполагалось, что половина всех инженерно-технических работников и служащих, занятых в обрабатывающей промышленности, являются производительными работниками, и поэтому величина переменного капитала определялась как сумма всего фонда заработной платы рабочих и половины фонда заработной платы ИТР и служащих. В связи с тем, что в последние десятилетия резко увеличилось налоговое бремя на трудящихся, при подсчете величины переменного капитала учитывалось также на основании имеющихся данных (К а ц А. И. Положение пролетариата США при империализме. М., 1962, с. 95; Политическая экономия современного монополистического капитализма, т. 1. М., 1971, с. 310), что в форме безвозвратных налогов (вместе со взносами в фонд социального обеспечения) рабочие и служащие в США теряли следующую часть заработной платы: в двадцатых годах 8%, в тридцатых годах 10% и в послевоенные годы 20%. Величина прибавочной стоимости, присваиваемая

Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в ходе развития капитализма норма прибавочной стоимости в обрабатывающей промышленности США имела устойчивую тенденцию к росту. За рассматриваемый нами 100-летний период она увеличилась со 104% в конце 60-х годов прошлого века до 156% в конце 60-х годов нашего века, т. е. примерно в 1,5 раза.

Обращает на себя внимание весьма неравномерное изменение нормы прибавочной стоимости, что прежде всего объясняется неравномерностью темпов роста производительности труда, повышением которой, как известно, является в условиях капитализма средством усиления степени эксплуатации труда. В обрабатывающей промышленности США среднегодовая выработка на 1 занятого в течение трех десятилетий прошлого века повышалась в среднем за каждое десятилетие на 17%, а в первые два десятилетия нашего века — еще более низкими темпами. В течение же десятилетия с 1919 по 1929 г. и одиннадцатилетия с 1958 по 1969 г., когда повышение нормы прибавочной стоимости было максимальным, среднегодовая выработка на 1 занятого росла темпами, равными примерно 50% за десятилетие. Такие высокие темпы роста средней выработки в 20-х годах объяснялись особенно широким внедрением в производство капиталистической рационализации, поточной системы организации труда и потогонных систем заработной платы, а в 1958—1969 гг. — расширяющимся внедрением в производство комплексной механизации и автоматизации производства, осуществляемыми на базе капиталистической формы использования достижений современного начального этапа развития научно-технической революции.

Что же касается наблюдавшегося по ряду лет снижения нормы прибавочной стоимости, то это прежде всего связано с циклическим движением капиталистической экономики. Как правило, подобное снижение нормы прибавочной стоимости наблюдается в годы экономических кризисов, депрессивного состояния экономики или вообще ухудшения условий реализации товаров на рынке, для которых обычно характерно падение рыночных цен. Вот почему то уменьшение нормы прибавочной стоимости, которое при подсчете ее, по данным буржуазной статистики, наблюдается в периоды циклического падения производства и ухудшения рыночной конъюнктуры, не выражает собой снижение степени эксплуатации труда. В действительности, в указанные периоды степень эксплуатации труда, как правило, не только не

мой капиталистами обрабатывающей промышленности, определялась путем вычитания из суммы стоимости, добавленной переработкой (value added), общей суммы заработной платы рабочих, ИТР и служащих. Такой расчет был основан на предположении, что игнорирование нами наличия в стоимости, добавленной переработкой, также и стоимости износа основного капитала, вполне покрывается той частью прибавочной стоимости, которая обрабатывающей промышленностью передается торговому капиталу.

уменьшается, а, наоборот, растет, но вследствие недостатка платежеспособного спроса она в эти периоды не может быть полностью реализована.

Важным аспектом характеристики процесса эксплуатации труда при капитализме является динамика изменения массы прибавочной стоимости. Согласно нашим подсчетам, основанным на данных промышленных переписей за 70-летний период, с 1899 по 1969 г., масса прибавочной стоимости в обрабатывающей промышленности США в неизменных ценах, являющаяся показателем роста реальной массы материального богатства, выжимаемого капиталистами посредством эксплуатации наемного труда, увеличилось в 16 раз.

Обращает на себя внимание тот характерный факт, что за рассматриваемый нами период наблюдается четко выраженная тенденция к ускорению темпа роста массы прибавочной стоимости в неизменных ценах. Если в среднем за каждое десятилетие периода 1899—1919 гг. она повышалась на 34%, то в среднем за двадцатилетие периода 1919—1939 гг. она выросла на 49%, за 7 лет периода 1939—1947 гг. поднялась на 52%, а в среднем за два одиннадцатилетия периода 1947—1969 гг.—на 82%.

Наиболее высокие темпы роста массы прибавочной стоимости в неизменных ценах наблюдались в десятилетии с 1919 по 1929 г., когда она повысилась до 109%, и за одиннадцать лет периода с 1958 по 1969 г., когда ее рост составил 116%. Такие большие темпы роста объясняются прежде всего тем, что именно в указанные два периода наблюдалось наибольшее повышение нормы прибавочной стоимости: за десятилетие с 1919 по 1929 г. она поднялась со 103 до 141%, а за одиннадцать лет 1958—1969 гг.—со 124 до 156%. Важным фактором большого роста массы прибавочной стоимости в вещественном выражении явились высокие темпы роста средней выработки на 1 занятого работника: за десятилетие с 1919 по 1929 г. она повысилась более чем в 1,5 раза, а за 11 лет периода 1958—1969 гг.—немногим менее чем в 1,5 раза. В течение второго периода существенным фактором являлось также увеличение численности занятых работников примерно на $\frac{1}{4}$. Только в десятилетие с 1929 по 1939 г., которое, как известно, характеризовалось особенно глубоким экономическим кризисом и депрессивным состоянием экономики, наблюдалось не повышение, а снижение массы прибавочной стоимости в неизменных ценах на 11%, что явилось следствием как небольшого абсолютного уменьшения числа занятых, так и снижения нормы прибавочной стоимости.

Огромный рост богатства капиталистов не в силах скрыть даже официальная статистика буржуазных государств.

Так, согласно официальным данным за период с 1929 г. по II кв. 1973 г. прибыли корпораций США в неизменных ценах увеличились: до уплаты налогов в 4,5 раза, а после уплаты налогов в 3 раза. В последние десятилетия начиная с 50-х годов

темп роста чистых прибылей корпораций ускорился: в то время как чистые прибыли американских корпораций в неизменных ценах за два десятилетия 1929—1949 гг. увеличились на 34%, за последующие 24 года послевоенного периода—с 1949 г. по II кв. 1973 г.—они повысились на 125%.

Еще больший рост чистых прибылей в последние годы наблюдается по крупнейшим корпорациям обрабатывающей промышленности США. Согласно официальным данным 170 крупнейших корпораций обрабатывающей промышленности США только за 2,5 года, с 1970 г. по II кв. 1973*г., увеличили свои чистые прибыли в неизменных ценах в 1,5 раза. Таковы масштабы обогащения крупнейших монополий.

В ходе развития капитализма формы выражения действия всеобщего закона капиталистического накопления изменяются. В зависимости от конкретных исторических условий изменяются темпы роста богатства класса капиталистов и соотношения в развитии тех или иных форм ухудшения положения пролетариата. Из двух основных форм ухудшения положения пролетариата при капитализме в одних конкретно-исторических условиях наибольшее развитие получает относительное ухудшение положения пролетариата, в других—абсолютное ухудшение.

В 30-х годах, которые характеризовались двумя глубокими экономическими кризисами, длительной депрессией и огромным увеличением безработицы, наибольшее развитие получили процессы абсолютного ухудшения положения пролетариата. В течение большей части послевоенного периода, характеризовавшегося в развитых капиталистических странах заметным повышением темпов роста капиталистической экономики, относительным уменьшением безработицы и существенным ростом реальной заработной платы, наибольшее развитие получила форма относительного ухудшения положения пролетариата.

Относительное ухудшение положения рабочего класса при капитализме, как известно, состоит в ухудшении его положения в сравнении с классом капиталистов.

К числу основных конкретных форм проявления относительного ухудшения положения пролетариата при капитализме, которые при количественной оценке могут, на наш взгляд, дать наибольшее приближение к действительности, относятся: рост нормы эксплуатации и отставание роста фонда заработной платы производительных работников от роста массы прибавочной стоимости в неизменных ценах.

Подсчет по первому из указанных показателей может характеризовать относительное ухудшение положения рабочего класса в ценностном, а подсчет по второму—в вещественном выражении.

В табл. 2 приведены данные изменения доли заработной платы производительных работников в общей сумме вновь созданной стоимости по обрабатывающей промышленности США, про-

Изменение доли заработной платы производительных работников во вновь созданной стоимости по обрабатывающей промышленности США

Годы	Норма прибавочной стоимости в %	Зарботная плата во вновь созданной стоимости в %	Индекс изменения доли заработной платы во вновь созданной стоимости (1899=100)
1899	115	46,5	100
1909	111	47,3	102
1919	103	49,3	106
1929	141	41,5	89
1939	122	45,1	97
1947	123	44,8	96
1958	124	44,7	96
1969	156	39,1	84

изведенной по результатам нашего подсчета нормы прибавочной стоимости, за ряд лет периода 1899—1969 гг.

Приведенный подсчет показывает, что доля заработной платы производительных работников обрабатывающей промышленности во вновь созданной стоимости упала за рассматриваемые 70 лет с 46,5 до 39,1%. По некоторым годам—1909, 1919 и 1939 гг.—указанная доля не падала, а несколько увеличивалась, что было вызвано наблюдавшимся в эти годы уменьшением нормы прибавочной стоимости, причина которого нами выяснена выше. Наибольшее падение доли заработной платы имело место в течение двух периодов: 1919—1929 гг. и 1958—1969 гг., когда наблюдалось наибольшее повышение нормы прибавочной стоимости.

Выполненный нами по официальным данным подсчет доли заработной платы производительных работников обрабатывающей промышленности США в общей сумме вещественного эквивалента вновь созданной стоимости ($v+m$) немного отличается от результатов предыдущего подсчета, произведенного в стоимостном выражении. Однако подсчет изменений доли производительных работников в вещественном выражении дает несколько более высокие абсолютные результаты по сравнению с подсчетом в стоимостном выражении, что объясняется заметным различием в динамике изменения индексов оптовых цен и стоимости жизни. Вследствие того, что за период с 1899 по 1969 г. индекс цен повысился примерно в 4 раза, тогда как индекс стоимости жизни — в 5 раз, доля производительных работников при подсчете в стоимостном выражении упала за 1899—1969 гг. с 46,5 до 39,1, т. е. на 16%, а при подсчете в вещественном выражении она снизилась за тот же период с 46,5 до 33,6, т. е. на 28%.

При количественной оценке масштабов относительного ухудшения положения пролетариата за небольшие отрезки времени можно пользоваться сопоставлением динамики годовой или недельной реальной заработной платы на 1 рабочего и суммы чистой прибыли в неизменных ценах.

Выполненное нами по официальным данным сопоставление суммы чистых прибылей в ценах 1967 г. по 700 крупнейшим корпорациям США за период 1970 г.—II кв. 1973 г. с изменением средней реальной недельной заработной платы рабочих обрабатывающей промышленности США показало, что чистые прибыли 700 крупнейших корпораций в неизменных ценах увеличивались в 6—7 раз быстрее, чем повышалась средняя недельная реальная заработная плата рабочих.

Однако в послевоенные годы наряду с большим развитием относительного ухудшения положения пролетариата наблюдалось также и абсолютное ухудшение его положения. Эта форма, выражающая собой ухудшение положения пролетариата в сравнении с ранее завоеванным уровнем, распространялась на ту его часть, которая в каждый данный период времени являлась безработной, а также на ту часть занятых, реальная заработная плата которых в данный период снизилась по сравнению с прежним ее более высоким уровнем. Согласно официальным данным в США пособие по безработице составляет примерно $\frac{1}{3}$ средней заработной платы фабрично-заводского рабочего, причем около половины всех безработных по разным причинам не имеют права на получение пособия. Совершенно очевидно, что безработный, лишенный права на пособие по безработице, испытывает на себе все невзгоды той очевидной формы абсолютного ухудшения своего положения, которое В. И. Ленин называл абсолютным обнищанием и сущность которого он определил как прямое снижение реального дохода в сравнении с ранее завоеванным уровнем.

Так как средняя продолжительность безработицы в последние годы в США колеблется от 2 до 3 месяцев, а число полностью безработных равно 4—6 млн. человек, фактически безработными в течение того или иного срока ежегодно оказываются от 12 до 15 млн. человек. Это означает, что абсолютное ухудшение своего положения в течение некоторого времени в году ощущает на себе до $\frac{1}{5}$ части всех наемных работников. К этому надо добавить огромную неравномерность безработицы по отдельным категориям трудящихся. Так, в США среди молодежи 16—19-летнего возраста число безработных в процентах примерно в 3 раза превышает средний уровень безработицы по стране, среди негров и другого цветного населения процент безработицы из года в год примерно в 2 раза превышает средний уровень, а среди негритянской и другой цветной молодежи безработица доходит до $\frac{1}{3}$.

Абсолютное ухудшение положения пролетариата происходит и при снижении уровня реальной заработной платы занятой ча-

сти пролетариата. Масштабы такого снижения могут быть различными. Например, в 30-х годах в США реальная среднегодовая заработная плата рабочих с учетом потерь от безработицы сокращалась на 20—30%, а в отдельные годы и на еще большую величину.

В условиях современного капитализма время от времени наблюдается также снижение реальной заработной платы, однако в связи со сравнительно ограниченными масштабами безработицы и усилением борьбы пролетариата оно до недавнего времени ограничивалось небольшими размерами.

В последние годы в США процесс абсолютного ухудшения положения пролетариата стал заметно расширяться. Так, согласно официальным данным, за 5 лет, с 1965 по 1970 г., реальная недельная заработная плата американских фабрично-заводских рабочих, имеющих трех иждивенцев, уменьшилась на 3%. В течение 1971 и 1972 гг.—реальная недельная заработная плата фабрично-заводских рабочих несколько повысилась, а в июле 1973 г. она вновь снизилась на 1% в сравнении с уровнем 1972 г.

Экономический кризис 1974—1975 гг. явился источником резкого ухудшения положения трудящихся масс капиталистических стран. Только за период с I кв. 1974 г. по IV кв. 1975 г. в развитых капиталистических странах численность безработных увеличилась не многим менее, чем в 2 раза, а цены на потребительские товары за период со II кв. 1974 г. по IV кв. 1975 г. повысились на 18,7%¹⁴. В отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии сказано: «Обещания «оздоровить» капитализм и создать в его рамках «общество всеобщего благоденствия» потерпели очевидный провал. Тяжкое бремя легло на плечи народных масс. Рост дороговизны неумолимо сокращает реальные доходы населения. Даже по официальным данным ООН, свыше 15 млн. трудящихся в развитых капиталистических странах выброшены за ворота заводов и учреждений, живут вместе со своими семьями за счет пособий. Кроме того, миллионы людей вынуждены работать неполный день или два-три дня в неделю»¹⁵.

Несомненно, что по мере дальнейшего внедрения в производство достижений современного научно-технического прогресса и капиталистической рационализации, которые усилят вытеснение занятых рабочих, и начавшегося снижения темпов роста экономики под влиянием обострения проблемы реализации, усилятся две взаимосвязанные тенденции: рост численности безработных и снижение реальной заработной платы. Неизбежным

¹⁴ «Мировая экономика и международные отношения», 1976, № 4, с. 155.

¹⁵ Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

следствием этого будет дальнейшее расширение масштабов абсолютного ухудшения положения пролетариата.

Резко возросшие в последнее время темпы роста дороговизны жизни, являющиеся следствием как дальнейшего усиления инфляции, так и взвинчивания цен монополистической буржуазии, служат одним из важных дополнительных источников ухудшения положения народных масс в условиях современного капитализма. Монополистическая буржуазия прилагает максимум усилий для того, чтобы резко усиливающиеся противоречия и трудности в развитии капиталистической экономики разрешать за счет дальнейшего наступления на жизненный уровень и демократические права рабочего класса и всех трудящихся.

Однако на пути этой антинародной политики стоит современный рабочий класс капиталистических стран с его намного возросшим общеобразовательным, профессионально-техническим и культурным уровнем, повысившейся классовой сознательностью и возросшей политической активностью. Наряду с борьбой за увеличение заработной платы, против дороговизны жизни и за улучшение условий труда он все большее внимание уделяет борьбе за гарантированную занятость, уменьшение рабочей недели, снижение пенсионного возраста и повышение пенсий и пособий по безработице. Самим ходом классовой борьбы рабочий класс капиталистических стран все ближе подводится к пониманию того, что только на путях политической борьбы против самой системы капиталистической эксплуатации, основанной на капиталистической собственности, он может радикально улучшить свое положение.

В итоге мы можем сделать вывод о том, что в послевоенный период развития капитализма в действии всеобщего закона капиталистического накопления имелись особенности. К наиболее существенным из них относятся следующие: 1) расширение источников и повышение темпов роста богатства класса капиталистов; 2) изменение в соотношении форм проявления ухудшения положения пролетариата; 3) изменения в условиях воспроизводства, характере труда и структуре рабочей силы, обусловленных развитием современной научно-технической революции; 4) рост общеобразовательного, профессионально-технического и культурного уровня современного рабочего класса развитых капиталистических стран, который служит предпосылкой не только повышения темпов роста уровня необходимых потребностей пролетариата, но и роста его организованности, сознательности и политической активности; 5) существенное повышение уровня реальной заработной платы рабочих развитых капиталистических стран; 6) огромное усиление борьбы пролетариата капиталистических стран за свои жизненные интересы и положительное влияние на результаты этой борьбы существования мировой социалистической системы.

§ 3. КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНОПОЛИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

В процессе анализа современной монополии и ее места в общей системе отношений монополистического капитализма возникает ряд новых проблем, разработка которых важна для экономической науки и для преподавания курса политической экономии в вузах. Актуальность разработки этих проблем обусловлена также и тем, что в капиталистических странах усиление борьбы против «...крупного капитала—главного виновника социальных бедствий»¹⁶ является основной задачей рабочего класса.

Облик современной монополии, степень охвата ею общественного производства претерпели значительные изменения. Роль монополий в общественном производстве почти за три четверти XX века неизмеримо возросла, и капиталистическая экономика в значительной своей части монополизирована. Но эти изменения скрывают за собой весьма сложный, непрямолинейный, противоречивый процесс. За этот период процесс монополизации развивался так, как предвидел В. И. Ленин: рост монополизма через попятные движения, через обострение и развитие противоречий к краю капиталистической системы.

Рассмотрим некоторые особенности процесса монополизации капиталистической экономики на современном этапе, место монополии в системе отношений и возникающие в связи с этим теоретические вопросы.

К началу XX века монополии превратились в одну из основ хозяйственной жизни капиталистических стран. Явившись результатом концентрации производства и капитала, монополистическая форма, в свою очередь, дает новую основу и стимулы концентрационному процессу, сообщает ему новые черты, превращаясь из следствия в причину. Развитие концентрации и монополизации общественного производства выражается не только в увеличении масштабов и пространственном распространении монополий, захвате ими новых сфер общественной жизни, но и в изменениях как внутренней структуры, так и положения монополистического капитала в общей системе отношений капитализма.

Монополизация производства—явление многоплановое, многослойное. Нарастание ее не может быть достаточно полно охарактеризовано лишь на одном уровне и одним показателем. Прежде всего увеличение масштабов концентрации и монополизации производства и капитала отражается на размерах, так сказать, субъектов монополизации—«монополистических единиц». Монополизация общественного производства характеризуется

¹⁶ Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

также степенью охвата отдельных отраслей монополистическими формами производства, что можно с некоторой условностью характеризовать долей отраслевого производства, сосредоточенного в монополистических корпорациях. Существенное значение для определения масштабов монополизации имеет и доля монополистического капитала в агрегатных показателях макроэкономического масштаба: в общих активах корпораций, в валовых капиталовложениях, в прибылях, в валовом национальном продукте и т. п. Картину довершает характеристика монополий в рамках мирового капиталистического хозяйства.

Монополизация общественного производства вширь сопровождается развитием процесса вглубь—изменениями и совершенствованием (конечно, в границах капитализма) организационных основ монополистического капитала. Эти изменения в организационных формах монополистического капитала также свидетельствуют о дальнейшем развитии процессов монополизации.

О степени монополизации общественного производства следует судить лишь в единстве этих двух сторон: количественного охвата общественного производства монополистической формой и развития самой монополистической формы капитала.

Капиталистическая монополия второй половины XX века значительно отличается от монополий XIX—начала XX века прежде всего своими размерами. Гигантски вырос уровень концентрации в рамках отдельных «монополистических единиц». Современные монополистические гиганты представляют собой целые империи «со своими собственными баронами, эмиссарами и обширной клиентурой» (по выражению американского экономиста Р. Барбера). Примером такого современного «феодализма» может быть империя «Дженерал моторз», имеющая 127 заводов на территории США и 45 в других странах, на которых занято 760 тыс. человек. Корпорация—гигант имеет фонд заработной платы, вдвое превышающий общую сумму доходов всех жителей Ирландии, объем ее ежегодных продаж превышает валовой национальный продукт Голландии. Экономические ресурсы «Дженерал моторз» соизмеримы с ресурсами целых стран. Корпорация представляет собой настоящее государство в государстве и помимо чисто экономической власти имеет огромное политическое влияние.

Первые десять гигантов промышленности США получили в 1972 г. почти четверть общего чистого дохода всех корпораций обрабатывающей промышленности. Общая численность занятых на предприятиях «десятки» превысила 3 млн. человек.

Всего в экономическом комплексе США в 1973 г. было около 150 корпораций-гигантов, капитал (активы) которых составлял 1 млрд. долл. и выше. Если же расширить круг гигантских корпораций до 500, то позиции этой верхушки американского бизнеса выразятся в таких цифрах (для 1972 г.): их доля в численности промышленных корпораций—0,2%; их доля в общей

численности рабочей силы, в общей сумме активов и прибылей—75%. Отсюда можно сделать вывод, что преобладающая доля промышленного производства находится в руках верхушки американского промышленного бизнеса.

Гигантские размеры современных монополистических корпораций—такая же характерная черта, как и их стремительный рост. При относительно умеренном росте (или даже стабильности) размеров отдельных предприятий, входящих в их состав, абсолютные размеры корпораций имеют ясно выраженную тенденцию к росту. Одним из путей укрупнения фирм являются слияния, волна которых постоянно нарастала в послевоенные годы и достигла особой высоты в конце 60-х годов. Темпы роста монополий настолько высоки, что некоторые американские экономисты сравнивают их с аналогичными процессами 1894—1904 гг., когда под влиянием кризиса волна слияний охватила почти 40% капитала обрабатывающей промышленности.

Объектами поглощения в 60-х годах явились не только мелкие фирмы. Эта же участь постигла и ряд представителей верхушки монополистического капитала (история «Дуглас»).

Попутно заметим, что интенсивный рост крупнейших корпораций сопровождается еще более быстрой «отдачей» капитала крупного бизнеса: за 1970—1973 гг. общие активы «клуба пятисот» увеличились на 28,5%, прибыль—на 78,3%, а общая численность занятых—на 6,2%. Сопоставление этих данных свидетельствует о том, что повышение степени эксплуатации рабочей силы, занятой на корпорациях-гигантах, явилось важнейшим источником увеличения их прибылей.

Значительные изменения произошли в монополизации производства, если его рассматривать на отраслевом уровне. По отдельным отраслям обрабатывающей промышленности показатели монополистической концентрации различны. Наиболее монополизированы автомобильная промышленность, сталелитейная, алюминиевая, нефтяная, химическая и производство электрооборудования. В каждой из этих отраслей существует не более четырех корпораций-гигантов, контролирующих от 75 до 100% отраслевого производства. Более чем 90% отраслевого производства сосредоточено в руках корпораций-гигантов в производстве алюминия, автомобилей, локомотивов, электроламп, плоского стекла.

Отмечая высокий уровень монополистической концентрации в американской экономике, следует заметить, что в настоящее время не существует отраслей, в которых все или подавляющая часть производства были бы охвачены одной монополией. Напротив, в начале нашего века такая ситуация не была редкостью. Так, в США было 78 концернов, каждый из которых имел в своих руках более 50% отраслевого производства, 8 из них контролировали отраслевое производство полностью. К 50-м годам уже не было ни одной такой корпорации.

К числу менее всего монополизированных отраслей относится ряд подотраслей легкой промышленности (пищевая, производство обуви, одежды, мебели и др.), а также торговля, услуги и ряд других отраслей. Но и эти отрасли нельзя рассматривать как «чистые от монополий» области. Здесь также можно в большинстве случаев выделить отраслевых лидеров, монополистов на локальных рынках и других центрах концентрации производства.

При существенных различиях в степени монополизации отраслевого производства все же наиболее типичной отраслью современной высокоразвитой капиталистической экономики является отрасль с господством нескольких крупнейших фирм при одновременном существовании более или менее значительного числа средних и мелких фирм.

Немонополистический «сектор», хотя его обозначают единым термином, неоднороден. (Имеются в виду не только значительные различия фирм, входящих в этот слой, но и их место в общей системе экономических отношений и, в частности, в отношениях с монополиями.)

Можно выделить по крайней мере две группы фирм. Первая— это фирмы, находящиеся в тесном контакте с монополиями (или как их поставщики или как звенья, реализующие продукцию монополий). И в том и в другом случае такие фирмы имеют тесные производственные, финансовые и торговые связи с монополией. Часто их самостоятельность имеет сугубо юридический характер. Юридически они самостоятельны, но экономически—они звенья единой монополии. Они часто используют средства производства, взятые в аренду или поставленные им монополией; они получают в ряде случаев сырье, финансовую помощь и т. п. от крупных фирм, по заказам которых работают. Крупные фирмы, получившие заказы от правительства, могут распределять их между своими сателлитами. В этом случае крупная фирма выступает как первичный контрактор, который организует работу непосредственных исполнителей и осуществляет контакт с заказчиком.

Есть целый ряд причин, объясняющих выгодность такой системы для монополий, они описаны в нашей литературе.

Субподрядные фирмы-поставщики либо полностью, либо в большей части реализуют свою продукцию крупным фирмам (например, поставщики обивочных материалов для автомобильных фирм). Их рынок является заранее известным и учтенным рынком, где объем реализуемой продукции, ее цены определены заранее. Это создает некоторую устойчивость в делах мелких фирм, но в то же время в случае неблагоприятного хода дел на крупной фирме последняя для улучшения ситуации может принести в жертву своего мелкого партнера.

Немонополистические хозяйства этого типа вступают в экономические отношения с крупнейшими фирмами по форме то-

варными (они продают концерну свои товары или покупают товары концернов), но по существу их позицию в общественном производстве нельзя назвать экономической обособленностью в полном смысле. Так, если субподрядчик получает средства производства и сырье от главного контрактора по заранее определенным ценам, продает затем ему готовую продукцию в заранее договоренных размерах, видах и ценах, то в таких случаях как размер производства (со всеми его основными параметрами), так и объем и структура рынка для такого производства определены заранее. Они по существу функционируют в некоторых нормативных условиях. Нормативные черты приобретают для него и цены, по которым ведется обмен продукцией с главным контрактором. Тип экономических отношений здесь ближе к отношениям филиала с его главным звеном, нежели к отношениям самостоятельных производителей на свободном рынке. Субподрядчики не имеют практически доступа на рынки монополий и, как правило, вообще не реализуют свою продукцию (или подавляющую ее часть) на свободном рынке.

Весьма любопытен следующий факт. В крупнейших фирмах, имеющих множество поставщиков, существуют специальные отделы по изучению экономического положения фирм-поставщиков. Такие отделы часто снабжают эти фирмы необходимой информацией о новых методах производства, об изменениях рыночной конъюнктуры, о новых видах спроса с тем, чтобы они могли удовлетворять спрос корпорации-заказчика. Факт передачи подобной информации объясняется тем, что мелкие фирмы-субконтракторы не имеют выхода на свободный рынок и лишены каких-либо датчиков рыночной конъюнктуры.

Подобный тип капиталистических хозяйств интегрирован с монополистическим капиталом столь тесно, что может рассматриваться как непосредственный его придаток. По существу капитал таких хозяйств не может воспроизводиться независимо от капитала монополий. Процесс производства и реализации их продукции вплетен как составная часть в кругооборот капитала монополий.

Вторая группа немонополистических фирм—самостоятельные предприятия как юридически, так и экономически. Они представляют собой традиционные капиталистические предприятия. В обрабатывающей промышленности, например, такие фирмы распространены в мелкосерийном производстве, в узкоспециализированном производстве, в изготовлении уникальных товаров. Эти предприятия также существуют в монополистической «окружающей среде», они повседневно вступают не только в отношения конкурентные (в традиционном смысле), но и охватываются отношениями монополистическими. Они могут сталкиваться с монополиями на общих рынках, апеллировать к одному и тому же покупателю, пользоваться услугами общих поставщиков, прибегать к покровительству государства. При подавляющем преобла-

дании монополий эти виды капиталистических хозяйств существуют самостоятельно, осуществляя свое воспроизводство и расширенное воспроизводство. Обилие таких производителей на капиталистическом рынке создает для монополий необходимость учитывать их существование и поведение при определении своей общей стратегии в производстве и реализации.

Господство монополий не ликвидирует эти капиталистические формы производства. В высококоразвитых капиталистических странах они дают половину валового продукта, практически повсеместно наблюдается тенденция к их численному росту. Таким образом, ленинская характеристика монополий как надстройки над морем частного капиталистического предпринимательства сохранила свою актуальность и для высокомонополизированной экономики.

Огромная численность этих хозяйств при слабости их экономического потенциала ставит буржуазные государства перед острейшими социальными проблемами, перед проблемой спасения капиталистических форм предпринимательства от посягательств монополий.

Сосуществование и взаимодействие столь различных капиталистических форм производства выдвигает сложный теоретический вопрос, можно ли представить современную капиталистическую экономику в виде некоторой «двухсекторной» модели, где монополистический и немонополистический секторы, взаимодействуя между собой, тем не менее представляют сферы действия **различных** экономических законов: монополистическое регулирование в одном и свободная конкуренция со всеми вытекающими отсюда последствиями—в другом. Если же капиталистическая экономика едина, с едиными экономическими законами для всех форм капиталистических хозяйств, то как эти общие законы своим единым действием обеспечивают различные способы реализации разных капиталов: монопольную сверхприбыль монополистическому капиталу и обычную прибыль немонополистическому капиталу? В зависимости от ответа на этот вопрос находится и концепция ценообразования в условиях монополизированной экономики, концепция монопольной сверхприбыли и ряд других вопросов.

* *
*

Рост масштабов монополистических гигантов и их доли в общем экономическом потенциале отрасли сопровождается значительными изменениями в их отраслевой структуре. Эти изменения развиваются в двух направлениях. Прежде всего, произошла некоторая отраслевая переориентация распространения монополий.

Первые монополии с особой легкостью возникали в сырьевых отраслях, что не было случайно. Во-первых, монополизация сырьевых ресурсов сразу позволяла захватить господствующие высоты в экономике, в ключевых (в то же время) отраслях, у истоков производства, дававших возможность наиболее эффективного контроля над капиталами других, особенно материалоёмких, отраслей. Во-вторых, монополию в добывающих и сырьевых отраслях легче было установить, так как она опиралась на естественную монополию (на землю), что было немаловажным моментом при недостаточном развитии самой монополистической формы капитала. Первые капиталистические монополии часто подкреплялись монополией на невоспроизводимые естественные факторы производства.

Современные монополии продолжают традиции захвата сырьевых и топливных отраслей. Но наряду с этим широкой монополизации подвергаются отрасли, ставшие ключевыми на нынешнем этапе развития экономики—электроника, различные виды транспортного машиностроения, химия синтетических материалов и др., а также ряд отраслей легкой промышленности и инфраструктуры. Здесь монополистический капитал захватывает подавляющую часть отраслевого производства, а в ряде случаев овладевает ими полностью. Некоторые отрасли современной промышленности с самого начала возникновения создаются в рамках монополистических объединений. Примером может служить производство электронного оборудования. С первых шагов эта важнейшая область электротехнической промышленности была захвачена крупнейшей корпорацией США и капиталистического мира «Интернешнл бизнес мэшинз» (ИБМ). ИБМ контролирует подавляющую часть производства электронно-вычислительных машин в США и около 80% мирового производства.

Кроме отраслевой переориентации следует отметить также многообразный характер современных монополий. Узкоспециализированные, ориентированные на однопродуктовый рынок фирмы не являются более типичными представителями крупного бизнеса. Монополистические корпорации—более не принадлежат одной отрасли. Для современной монополии характерно производство продукции одновременно нескольких отраслей, причем часто выделение одного ведущего для корпорации продукта невозможно. Половина из пятисот крупнейших корпораций США оперирует в четырех и более различных отраслях, 200 крупнейших корпораций функционируют сегодня в 2200 отдельных отраслях, т. е. на каждую из двухсот корпораций приходится в среднем по одиннадцати отраслей. Даже корпорации, в основном относящиеся к определенным отраслям, имеют в сфере своей деятельности производство других отраслей. Так, автомобильная монополия «Форд мотор» имеет в своем составе производство восьми различных отраслей, «Крейслер»—деяти, химический концерн «Дюпон»—де-

вяти, авиационный концерн «Локхид айркрафт»—десяти, крупнейший монополистический гигант в области производства телефонного и телеграфного оборудования «Интернэйшнл телефоун энд телеграф»—тридцати отраслей (для сравнения: в составе крупнейшего американского конгломерата «Литтон индастриз» — 18 отраслей).

Способ соединения отдельных звеньев в многоотраслевой корпорации различен. Такое объединение может представлять собой диверсифицированную корпорацию, где при отраслевом разнообразии все же можно обнаружить некоторое, хотя подчас и отдаленное производственное единство (близость технических процессов, источников сырья, однотипность применяемого оборудования и т. п.). Наряду с диверсифицированными корпорациями все более возрастает численность и размеры корпораций конгломеративного типа. Они состоят из предприятий и фирм, не имеющих каких-либо общих производственных основ и объединенных лишь организационными финансовыми связями. Ярким, но отнюдь не уникальным примером такого конгломерата является американская корпорация «Интернэйшнл телефоун энд телеграф» (ИТТ). Основанная в 1920 г., она в течение 40 лет оперировала преимуществом в сфере связи. В 60-х годах приобрела около 50 фирм, большинство которых не имело отношения к индустрии связи. Она приобрела корпорацию по прокату автомобилей и других предметов длительного пользования, компанию по страхованию жизни, корпорацию, владеющую огромной сетью (мирового масштаба) отелей, корпорацию по жилищному строительству, корпорацию по производству искусственного шелка (с активами в 300 млн. долл.), огромную (общамериканского значения) пищевую компанию и др. В течение пяти лет ИТТ удвоила свои активы, которые подскочили до 4 млрд. долларов.

Конгломератные слияния превратились в наиболее эффективный и широко распространенный способ укрепления монополистического капитала. Подавляющее число поглощений и слияний в промышленности США в последние годы—свыше 80% — имеет конгломератный характер. Мы не будем останавливаться на причинах, объясняющих столь широкое распространение диверсифицированных корпораций и корпораций конгломератного типа. Они достаточно подробно исследованы в нашей литературе. Отметим лишь, что при многообразии причин и мотивов конгломерации и диверсификации их можно свести в две основные группы, которые позволяют выявить и некоторую общую основу подобных объединений.

Во-первых, такого рода объединения обусловлены необходимостью соединить в единый экономический комплекс различные производства, тесная зависимость между которыми уже создана разделением труда и обнаруживается на рынке в виде устойчивых, долговременных связей между отдельными предприятиями

и фирмами. Но при этом рыночная форма связи с присущей ей подверженностью конъюнктурным колебаниям не может обеспечить стабильность формирующейся производственно-экономической системы. Сконцентрированный в единых руках капитал, управляемый из единого центра, может лучше приспособиться к изменяющейся ситуации рынка, избрать более эффективную политику в области капиталовложений, т. е. тактику и стратегию, таким образом, чтобы в конечном счете получить наибольший результат. Эффективность отдельных его звеньев повышается, так как им задаются наиболее рациональные «режимы работы» с точки зрения функционирования системы в целом, что уменьшает затраты и потери общественного труда, неизбежные при установлении связей между этими звеньями через рынок. Координация из единого центра работы отдельных подразделений корпорации в конечном счете способствует экономии капитала в рамках монополии. Эта экономия приобретает форму монополистической сверхприбыли (точнее, одной из ее частей) и в таком виде выступает как капиталистический мотив концентрации. Следовательно, необходимость объединения происходит, так сказать, из логики самого процесса концентрации производства и капитала.

Во-вторых, многоотраслевой характер корпорации обуславливается собственно монополистической формой производства. Поскольку монополия препятствует свободной конкуренции, свободному переливу капиталов, доступу к источникам сырья и другим материальным ресурсам, к новым техническим идеям и т. п., постольку монополистические конкуренты ищут обходных путей проникновения в отрасль и на отраслевой рынок. Возникновение межотраслевых монополий есть своеобразная реакция крупного капитала на монополистические препятствия развитию общественного производства, капиталистический способ решения глубокого внутреннего противоречия монополизма.

В результате развития многоотраслевых монополистических объединений значительная часть межотраслевых отношений (перемещение капиталов, обмен продуктов труда, миграция рабочей силы) становятся, так сказать, внутренним делом монополии. Эти процессы (их интенсивность, направление, цели) сказываются под прямым регулирующим воздействием монополистического капитала, его мотивов поведения.

Поскольку монополистической формой производства охвачены значительные области общественного производства, постольку монополистическое регулирование, даже если оно касается лишь внутрифирменных отношений (а оно чаще всего выходит за эти рамки), в конечном счете есть регулирование общественных пропорций производства.

В связи с этим возникает интересная теоретическая проблема: каким образом подрыв товарных отношений регулирующим

влиянием монополий на всех уровнях общественного обмена (внутри хозяйственной единицы, внутри отрасли, в межотраслевых отношениях) воздействует на пропорции общественного труда и насколько далеко в этом отношении заходят возможности монополистического капитала?

Еще одна черта, без которой облик современной монополистической корпорации и степень охвата ею общественного производства был бы неполным,—ее глобальный характер. Практически все современные монополии представляют собой гигантские капиталы, функционирующие на базе экономики не одной, а нескольких стран. Монополии всегда, с первых шагов своего существования, отличались связями с внешним рынком. Это были главным образом торговые и финансовые связи, хотя и производственные связи также имели место, но их роль была невелика. Монополии функционировали по преимуществу в одной стране, вывозя готовую продукцию на мировой рынок; их экспансия на территорию других стран была прежде всего торговой экспансией. Своеобразие современных монополий состоит в том, что их коммерция имеет форму мирового производства. Распространение монополий по всему капиталистическому миру происходит главным образом путем организации или приобретения филиалов на территории других стран. Крупнейшие корпорации все более теряют связь не только с отраслями своего происхождения, но и с национальной экономикой, превращаясь в интернациональный как по составу, так и по сфере функционирования капитал. Насколько эта черта стала типичной для современных крупных корпораций, можно судить по следующим данным. Начиная с середины 50-х годов американские монополии увеличивают свои капиталы за границей более быстрыми темпами, чем во внутренней экономике, в результате их доля в мировом производстве растет быстрее, чем в национальном. К началу 70-х годов, объем прямых капиталовложений американских корпораций за границей превышал 10 млн. долл. в день. Существуют прогнозы, согласно которым в 1980 г. три сотни огромных международных корпораций будут контролировать 75% всех активов обрабатывающей промышленности капиталистического мира.

Интернационализация монополистических корпораций выступает не только как результат концентрации и централизации производства и капитала. Она, в свою очередь, оказывает существенное влияние на форму и темп концентрационного процесса в масштабе мирового капиталистического хозяйства как его причина.

Первое, что должно быть отмечено,—расширение по мере распространения капитала по всему миру территориальных сфер извлечения прибылей. Источником прибылей монополий-гигантов становится эксплуатация не только материальных и человеческих ресурсов собственной экономики, но и капиталистическо-

го мира в целом. Хотя доля прибылей из заграничных источников для разных монополий различна, несомненно, что монополия без заграничных доходов представляет собой скорее исключение, чем правило. Широкие источники прибылей монополий дают интернациональным корпорациям дополнительные средства накопления. Помимо количественного увеличения сфер обогащения такие монополии получают возможность манипулировать своими капиталами, перераспределять их между иностранными филиалами и подразделениями внутри корпорации, сосредоточивать в наиболее прибыльном звене таким образом, что они дают максимум совокупной прибыли. Этот материальный эффект международной «оборотистости» глобальных корпораций—важнейший источник их обогащения и быстрого роста.

Второе следствие глобального распространения монополистического капитала состоит в том, что мировая капиталистическая экономика приобретает более или менее однотипный характер. Это касается прежде всего уровня концентрации и монополистической структуры—производство и капиталы сосредоточиваются в руках немногих гигантских монополий, господствующих в отрасли или в ряде смежных отраслей, и менее значительная часть производства и капитала остается в распоряжении мелких предприятий. В связи с этим выравниваются и характеристики уровней развития производства—производительности труда, капиталоемкости, материалоемкости, организации производства в различных странах. Определенная универсализация привносится в процесс ценообразования, мультинациональные монополии устанавливают для своих филиалов в разных странах однотипную систему трансферных цен, подсчета издержек, накидок на прибыль, учета в цене налогов и т. п.

Отраслевое направление процессов монополизации в мировом капиталистическом хозяйстве в общих чертах повторяет картину ведущих капиталистических стран: к числу наиболее монополизированных отраслей в мировой капиталистической экономике относятся автомобильная промышленность, химическая, сталелитейная, нефтяная, электромашиностроение, алюминиевая промышленность.

Указанные выше следствия широкой монополизации мирового производства имеют для теории монополии то значение, что позволяют сделать вывод об однотипности той среды (мы имеем в виду лишь развитые капиталистические страны), в которой функционирует монополия как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Это обстоятельство следует учитывать при исследовании внешних (за пределами собственной экономики) источников обогащения монополистического капитала. Здесь решение вопроса, по-видимому, не столь просто, как в случае обогащения монополией в слаборазвитых странах, где прямой грабеж проходит более успешно из-за экономической слабости «партнера».

Таким образом, современный процесс концентрации производства развивается как вширь, охватывая новые сферы труда и территории, так и вглубь, развивая и усложняя монополистические формы обобществления производства и капитала. Итогом этого процесса явилось изменение общей картины монополизации капиталистической экономики на современном этапе развития капитализма по сравнению с началом нашего века. Экономика капиталистических стран на ранних этапах империализма представляла собой море частного предпринимательства, мелких, средних предприятий и крупных индивидуальных предприятий или партнерств, над которыми, как исполинские вершины, возвышались монополистические объединения. Господство одной монополии в отрасли было типичной картиной. Не встречая конкуренции внутри своей отрасли и со стороны связанных отраслей, такие монополии-гиганты полностью или в подавляющей степени контролировали производство и рынок соответствующих продуктов.

Но постепенно картина монополистического господства видоизменяется; типичным становится господство не одной, а нескольких корпораций в отрасли. Это объясняется как развитием процессов концентрации отраслевого производства и капитала, на почве которых вырастают новые монополистические образования, так и огромным увеличением прибылей, проистекающим из монополистического положения гигантов. Увеличение прибыли привлекает в отрасль «посторонние» крупные капиталы, претендующие на монопольную сверхприбыль. К 50-м годам в Соединенных Штатах уже не было ни одной монополии, которая бы полностью контролировала все производство отрасли. Крайне редки и случаи, когда корпорации полностью держат в своих руках производство и рынок какого-либо одного продукта. И хотя «Дженерал электрик» продает почти все электролампы, «Вестерн электрик» продает фактически все телефонное оборудование, «Дженерал моторз» держит в своих руках весь (за очень небольшим исключением) рынок дизельных локомотивов, но это скорее отклонение от типичной картины. Типично же то, что практически в каждой отрасли производства монополия не распоряжается, так сказать, единолично, а делит власть с другими представителями монополистического капитала. Доля контроля крупнейших корпораций в рыночном обороте обычно составляет от 15 до 40—50% (как максимальная граница). Даже такой гигант среди гигантов, как «Дженерал моторз» имеет около 50% рынка новых автомобилей.

Отношения нескольких монополистов могут выливаться в открытый или замаскированный сговор между ними, в открытую или тайную конкуренцию — словом, принимать самые разнообраз-

ные формы. Но несомненно одно, что контроль за производством и рынком того или иного товара не приобретает формы абсолютной монополии, а делится между несколькими монополиями-гигантами.

Подобные сдвиги произошли и в межотраслевых отношениях. Современные монополии, реализующие свою продукцию в другие отрасли, часто имеют дело не с разрозненными покупателями, а с мощными монополистическими фирмами. Целый ряд монополий вообще пребывает в сугубо «монополистической среде», имея дело с равными себе партнерами. Так, основными потребителями продукции сталелитейных корпораций являются автомобильные монополии, авиастроительные, транспортные. Основными заказчиками ИБМ также являются монополистические фирмы. Упомянутая выше «Вестерн электрик», например, практически все производимое ею телефонное оборудование продает «Американ телефоун энд телеграф». Современная монополия экономически реализует себя, вступая в отношения не только с мелкими, средними и крупными монополизированными производствами, но и в отношении с другими монополиями.

Изменения в «расположении сил» монополистического капитала, когда типичной формой господства является не одна монополия, а власть нескольких немногих гигантов, нашли отражение в буржуазной экономической литературе, а сама ситуация была названа «олигополией».

Данное понятие, следовательно, содержит определенное противопоставление монополии, отрицание ее. Главное назначение термина — показать в конечном счете отсутствие монополизма в системе экономических отношений и связанных с ней нежелательных издержек для «общественной пользы».

В марксистско-ленинской теории категория «монополия» представляет собой такую форму капитала, которая заменяет свободную конкуренцию и все связанные с ней необходимые способы ее осуществления (свободный перелив капиталов, свободный их доступ к элементам производительных сил, свободное колебание цен) другими, противоположными принципами — возможностью для отдельных капиталов определять размеры производства и регулировать объем рынка, препятствовать свободному притоку новых капиталов, оказывать решающее влияние на пропорции общественного труда. Но при том, что монополия приходит на смену свободной конкуренции, она не устраняет конкуренцию как таковую. Напротив, монополия утверждает себя тем, что снова вступает в конкурентную борьбу. В этом понимании монополия единственного монополиста не абсолютна, не означает абсолютного устранения любой конкуренции, напротив, предполагает ее как свой собственный определяющий момент. Так же представляется неосуществимым, когда один или несколько монополистов осуществляют контроль над производством и рынком,

коль скоро складывающийся при этом тип экономических отношений имеет все необходимые определения монополистического отношения. Как правило, между немногими крупнейшими фирмами существует некоторое единство действий (чаще не оформленное юридически, например, лидерство в ценах). Такого рода отношения по существу представляют собой более высокую степень концентрации экономической мощи, монополию монополий. Если же между «олигополистами» имеет место соперничество и явная борьба, это все же не дает основания противопоставлять их монополии, так как принципы, цели и формы их соперничества есть не проявление свободной конкуренции, а развитие и продолжение монополистических отношений. Эти отношения основаны на учете и корректировке размеров производства и рынка, на построении экономической политики с учетом препятствий переливу капиталов, отсутствию свободного колебания цен, учете материальных и финансовых ресурсов и т. п.

Некоторые буржуазные авторы, описывая олигополию, вынуждены признать, что так же, как и монополия эффективно ограничивает конкуренцию несколькими участниками, олигополия основана на высоком уровне концентрации и создает эффективные барьеры для новых пришельцев, она обеспечивает контроль над рынком и высокие прибыли посредством поддержания постоянных цен. Как видим, характер экономических отношений при олигополистической структуре производства и рынка не имеет никакого специфического содержания в политико-экономическом смысле, которое бы отличало олигополию от монополии. Если термин «олигополия» применяется в том смысле, что это есть разновидность монополии, он приемлем, но при этом фактически тождествен «монополии».

Для теории факт существования нескольких монополий в отрасли и монополизация межотраслевых отношений имеет значение в том смысле, что ставит теоретический вопрос об источниках обогащения монополистических капиталов, пребывающих преимущественно в монополистической среде.

Возникает также весьма сложная проблема чисто количественного определения монополии: в каких пределах регулируются цены на рынке, каковы те возможные колебания цен, которые позволяют сделать вывод о наличии их монополистического регулирования, какова степень концентрации производства и капитала, которая позволяет регулировать рыночные отношения? Все эти вопросы требуют детального исследования. Ответы на них дадут необходимый инструмент для исследования капиталистической экономики.

Таким образом, анализ своеобразия современных монополий, их места в общей системе отношений капитализма выдвигает перед теорией империализма ряд важнейших теоретических проблем, которые должны решаться нашей наукой.

§ 4. МОНОПОЛИИ-КОНГЛОМЕРАТЫ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Современные международные монополии неоднородны по своему характеру и внутреннему строению. Хотя грани между различными типами достаточно условны и подвижны, следует различать по крайней мере три структурные формы. Во-первых, имеются диверсифицированные монополии с внутрифирменным разделением труда. Однако структура производства, организованного в принимающих странах, дублирует с большими или меньшими отклонениями структуру производства в стране базирования. Внутрифирменное разделение труда сводится к организации производства товаров в различных странах, предназначенного для обслуживания рынков этих стран. Во-вторых, существуют диверсифицированные монополии, которые интегрировали основные операции на основе внутрифирменного разделения труда. Они развивают не только попредметное, но и подетальное (пооперационное) разделение труда в глобальном масштабе. Хотя дублирование производственной структуры возможно и в рамках этой формы (многие американские МНК создали в Западной Европе производственные комплексы, воспроизводящие в значительной мере структуру родительской компании), для этой формы характерно наличие устойчивых производственных связей между родительской и подконтрольными компаниями. В-третьих, в послевоенный период наблюдается возникновение монополий-конгломератов.

Существуют два пути образования международных монополий конгломератного типа. Первый заключается в том, что интернациональные концерны поглощают фирмы, которые, в свою очередь, являются материнскими компаниями, владеющими многочисленными зарубежными филиалами. Так, наиболее известная международная монополия-конгломерат «Интернэйшнл телефоун энд телеграф» (ИТТ), поглотив компании «Шератон» и «Авис», присоединила к себе отели и станции по прокату автомобилей, расположенные во многих странах мира. Другой известный конгломерат «Галф энд эустерн индастриз» в 1966 г. приобрел фирму «Этаблиссменте Даниэл Дойен С. А.», производителя аккумуляторных батарей и оборудования для гаражей, с заводами, расположенными во многих странах Западной Европы. В результате конгломератных слияний и поглощений как в стране базирования, так и в принимающих странах под единым руководством и финансовым контролем объединяются фирмы и предприятия, не имеющие производственных связей, принадлежащие не только к различным видам производства, но и к различным сферам народного хозяйства.

Второй путь формирования конгломератов заключается в том, что интернациональные концерны поглощают отдельные компании в различных странах, не связанные технологически в произ-

водственном отношении. Конгломерат «Текстрон» в 1970 г. приобрел предприятия в Швейцарии и Англии, производящие застежки-молнии, в 1971 г. — компанию «Эдкок Шипли» (Англия), производителя горизонтальных и вертикальных фрезерных станков, в 1972 г. — австралийскую компанию, производящую поздравительные открытки и деловые формуляры, а также западно-германскую компанию, производителя специального оптического оборудования¹⁷.

Чисто конгломератные слияния являются относительно редкими. Большая часть слияний и поглощений происходит между компаниями, имеющими определенные отношения по производству или процессу обращения. В своем составе конгломераты имеют производственные комплексы. Так, конгломерат «Мартин Мариэтта корпорэйшн» включает компанию «Мартин Мариэтта алюминимум» с законченным производственным циклом, начиная от добычи и обработки бокситов и кончая производством готовых продуктов из алюминия. «Тенеко корпорэйшн» имеет полностью интегрированную нефтяную компанию. Вместе с тем для конгломератных объединений характерно отсутствие производственных связей между комплексами и отдельными компаниями. Монополии-конгломераты имеют ряд особенностей по сравнению с другими международными монополиями.

Среди 46 наиболее известных конгломератов, базирующихся в США, можно найти такие, экономическая деятельность которых ограничена пределами североамериканского континента. Однако большинство их активно участвует в экономическом разделе мира, имеет многочисленные подконтрольные предприятия в зарубежных странах. Крупнейшей международной монополией-конгломератом является ИТТ. Она действует в 16 различных сферах бизнеса. Ее деятельность охватывает 280 различных операций в 90 странах. Помимо ИТТ список международных монополий-конгломератов включает «Литтон индастриз», наиболее крупные заграничные компании которой расположены в ФРГ («Адлер Верке», «Триумф Верке»), Австралии («Литтон Бизнес Эквипмент Холдингс»), Голландии («Литтон бизнес системс»), Швейцарии («Литтон интернэйшнл»), Канаде («Литтон системс»), Швеции («Свенска Дэйт Реджистер») и других странах. В 1973 г. площадь ее основных заводов, коммерческих центров и контор распределялась следующим образом: США — 15 679 кв. футов (70,1%), Канада — 1 196 кв. футов (5,3%), Западная Европа — 5 493 кв. футов (24,6%)¹⁸. Конгломерат «Текстрон» имеет зарубежные подконтрольные компании в ЮАР, ФРГ, Канаде, Бразилии, Мексике, Голландии, Австралии, Швейцарии, Италии, Люксембурге, Ирландии, Испании и некоторых других странах.

¹⁷ «Moody's Industrial Manuel», 1974, vol. 2, p. 2664.

¹⁸ Ibid., p. 2710.

В глобальном масштабе действуют «Галф энд уэстерн индастриз», «Американ машинери энд фаундри» (АМФ), «Зингер», «Сиброн», «Лир Зиглер», «У. Р. Грейц энд К°», «Уиттэйкер корпорэйшн», «Студебейкер-Уортингтон», «Сити инвестинг» и др.

Конгломератные слияния и поглощения представляют современную, довольно своеобразную форму централизации капитала. Как известно, централизация капитала сыграла большую роль в возникновении и развитии капиталистических монополий. Многие крупнейшие корпорации США возникли в результате слияний и поглощения более мелких фирм. По оценке Федеральной торговой комиссии США, рост экономической мощи восьми сталелитейных компаний (1915—1945 гг.) на 25% обязан слияниям и поглощениям¹⁹. По мере развития монополистического капитала роль централизации капитала все более возрастала. В 1948—1952 гг. издержки, связанные с поглощением других корпораций, составили менее 5% всех расходов на новые капиталовложения в США. В 1968 г. эта доля превысила 50%²⁰.

В истории монополистического капитализма было три волны слияний и поглощений: в конце XIX в., в 20-х и 60-х годах. Традиционно объектами поглощений были компании, действовавшие в той же отрасли или взаимосвязанных отраслях. Результатом такого рода слияний и поглощений было создание одноотраслевых или комбинированных монополий. Третья волна слияний и поглощений затрагивает компании, занятые в разных отраслях и сферах народного хозяйства.

Традиционно поглощаемые компании относились к числу менее прибыльных, менее процветающих. Последняя волна слияний нарушила и эту традицию. Большею частью поглощались процветающие, высокоприбыльные компании. В специальном исследовании Федеральной торговой комиссии США отмечалось, что из 234 корпораций с активами свыше 10 млн. долл., поглощенных в 1967—1968 гг., у 48% норма прибыли превысила среднюю по отрасли. Только 3% из этих компаний были убыточными, и ни одна из них не была приобретена конгломератами²¹.

Наконец, третья волна поглощений отличалась от предшествующих тем, что она охватила крупнейшие корпорации США. В результате резко повысился уровень концентрации капитала и производства в этой стране. В 70-е годы 100 крупнейших корпораций США контролируют большую долю производственных мощностей, чем 200 корпораций в 1950 г. В свою очередь, 200 крупнейших промышленных корпораций держат в своих руках

¹⁹ Report of the Federal Trade Commission on Merger Movement. Washington, 1948, p. 25.

²⁰ Bannok G. The Juggernauts. The Age of Big Corporation. Harmondsworth, 1973, p. 101.

²¹ Bannok G. Op. cit., p. 120.

более 60% стоимости основных фондов, т. е. значительно больше, чем 1000 крупнейших компаний 30 лет назад²².

О роли слияний и поглощений в глобальной экспансии международных монополий можно судить по статистике деятельности 187 многонациональных корпораций американского происхождения. Ко времени окончания 2-й мировой войны 32% их заграничных предприятий возникло в результате покупки или приобретения участия в заграничных компаниях. В период с 1946 по 1957 г. этот показатель возрастает до 37%, в 1958—1967 гг. — до 49%. В целом 40% дочерних компаний, основанных 187 МНК, появились в результате слияний и поглощений²³. Особо активно американские МНК поглощали функционирующие предприятия в Западной Европе. В 1958—1967 гг. покупка и приобретение участия в акционерном капитале составили 51% их капиталовложений в этот регион²⁴. Завышенный курс доллара по отношению к западноевропейским валютам в 60-е годы сделал эту форму экспансии особенно привлекательной для международных монополий американского происхождения. После двух девальваций доллара в 1971 и 1973 гг. возникли условия для интенсификации поглощения предприятий в США со стороны многонациональных корпораций, базирующихся в Западной Европе. В 1972 и 1973 гг. поглощения составили 13% инвестиций западноевропейских монополий в США. 1974 г. характерен еще большим ростом. 1/3 прямых инвестиций иностранных компаний в США была связана с поглощениями²⁵. Международные монополии, как показывают эти данные, резко обостряют межимпериалистическое соперничество. «Возросшая мощь международных монополий сделала конкурентную борьбу еще более беспощадной», — указывал в своем докладе на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев²⁶.

В Западной Европе конгломератные слияния также не являются новыми, и их значение все больше возрастает. К числу наиболее известных конгломератов в Англии, например, относятся «Скриббенз-Кемп», «Слейтер-Уокер», «Сирз Холдингз» и др.

На ранних этапах своего развития конгломераты были близки по своему характеру к холдинговой компании. Их подконтрольные компании действовали автономно. Центральные офисы были ориентированы на осуществление финансового контроля и имели немногочисленный штат. Так, в центральном офисе «Текстрона» было около 100 человек, «Литтон индастриз» — около 200. В середине 70-х годов наметилась тенденция к превращению конгломератов в оперативные компании. Постепенно они становились

²² Winslow J. F. Conglomerates Unlimited. The Failure of Regulation. Bloomington, 1973.

²³ Busch K. Die Multinationalen Konzerne. Zur Analyse der Weltmarktbeziehung des Kapitals. Frankfurt am Main, 1974, s. 141.

²⁴ Busch K. Op. cit., p. 143.

²⁵ «Fortune», 1975, May, p. 173.

²⁶ Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

жестко централизованными организациями. Это типично для ИТТ, «Уиттэйкера», ЛТВ и других конгломератов. Новый этап в развитии конгломератов означает, что крупный капитал стремится получать выгоды от координации деятельности составных частей конгломератов. Таким образом, если на начальных этапах конгломераты представляли своеобразную форму централизации капитала, то на следующих этапах централизация капитала активно дополняется координированием деятельности их составных частей. Последняя охватывает регулирование не только производства, но и обращения.

фин. с
(Конгломераты есть порождение финансовой олигархии. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что «в роли создателей конгломератов выступают не столько «гении финансовых сделок», сколько виртуозы менеджмента»²⁷. Для осуществления слияний и поглощений необходимы соответствующие финансовые ресурсы и осведомленность о состоянии дел в компаниях, намеченных для поглощения. И то и другое способны обеспечить лишь монополисты ссудного капитала. Громадная концентрация ссудного капитала и ценных бумаг в руках коммерческих банков, страховых компаний, взаимных фондов, личная уния и другие формы сращивания монополистов ссудного капитала с промышленными, торговыми, транспортными монополиями создали базу для бурного развития конгломератов. Монополистические финансовые учреждения были глубоко заинтересованы в осуществлении конгломератных слияний и поглощений. Многие из них составляли списки возможных кандидатов для поглощений, получая за информацию не только комиссионные, но и возможность прибыльного манипулирования с ценными бумагами поглощающих и поглощаемых компаний. Представители банков и брокерских фирм в советах директоров убеждали руководство корпораций приобрести ту или другую фирму, акции которой находились в портфеле банка или брокерской фирмы. Когда поглощающая компания начинает покупать эти акции, их курс повышается и финансисты получают возможность продавать их по более высокому курсу. Брокерские фирмы получают комиссионные за распределение акций сливающихся компаний. Финансовые учреждения были заинтересованы в содействии слияниям и поглощениям, так как ведение банковских операций, как правило, передается в руки банка, финансировавшего сделку.

Что касается менеджеров конгломератов, то они также относятся скорее к «гениям финансовых сделок», чем к ординарным управляющим. Американский экономист И. Кроссек пишет «Те, кто управляет конгломератами, не должны рассматриваться как индустриальные управляющие. Они являются финансистами, в основном заинтересованными в купле-продаже компаний.

²⁷ Конгломераты: проблемы и перспективы. — «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 5, с. 83.

Они управляют промышленной фирмой так, как если бы она была финансовым институтом»²⁸.

В экономической литературе правильно подчеркивается, что возникновение и развитие конгломератов связано с перенакоплением капитала. Однако механизм формирования конгломератов связан с перенакоплением капитала весьма своеобразно. Часто одной из движущих причин конгломератных слияний является стремление овладеть «избыточным» капиталом поглощаемой фирмы. Чтобы предотвратить свое поглощение, фирма вынуждена выкупать свои обычные акции, освобождаясь от «праздных» денежных средств, которые являются такими привлекательными для корпораций, стремящихся к поглощению. Весьма привлекательными объектами для поглощения являются страховые компании, которые имеют избыточные ресурсы по сравнению с тем количеством, которое требуется по закону для защиты интересов держателей полисов. Так, конгломерат «Лиско» поглотил страховую компанию «Рилаэнс индемнити», обладавшую «излишними» резервами на сумму около 80 млн. долл.

Чтобы осуществить поглощение, корпорация не обязательно должна обладать избыточным капиталом. Расходы, связанные с поглощением, можно финансировать за счет банковских займов. Затем для погашения задолженности банку, корпорация может использовать наличные средства, имеющиеся у поглощаемой фирмы, или продать некоторые активы, принадлежащие последней. Либо расходы, связанные с поглощением, могут быть отнесены на счет поглощаемой компании, и долг банку выплачивается последней.)

Хотя условия слияний и поглощений в большинстве случаев остаются неизвестными, крупнейшие корпорации могут использовать для приобретения других компаний не только наличные деньги, но и обменивать акции, как обычные, так и привилегированные, долговые обязательства. ИТТ в 1968 г. присоединила к себе шведскую фирму «Стенберг-Флигт А. Б.» путем обмена обычных акций. Другая шведская фирма «Бродерна Энгстромс Электриска А. Б.» была поглощена в 1969 г. путем уплаты наличными и обмена обычных акций. Итальянские фирмы «Улма СпА» и «Алтиссимо СпА» были присоединены к конгломерату путем обмена привилегированных акций²⁹.

Поглощение путем обмена акций выгодно крупным корпорациям не только потому, что они не требуют наличных денег. Фондовая биржа принимает во внимание не только средний доход, полученный корпорацией в расчете на одну акцию, но и размер компании. Предполагается, что вложения в акции крупной компании менее рискованны. Более высоко оцениваются акции компаний быстро растущих или обладающих потенциями для такого

²⁸ Winslow J. F. Op. cit., p. XIX.

²⁹ «Moody's Industrial Manuel». 1974, vol. 1, p. 1442.

роста, даже если доходы на акцию не являются особенно высокими. При обмене акциями большую роль играет отношение цены акции на фондовой бирже к доходу, полученному компаниями в расчете на одну акцию (коэффициент P/E). Отношение P/E показывает, во сколько раз цена акции на фондовой бирже превышает доход компании в расчете на одну акцию. Если сливающиеся компании имеют один и тот же средний доход на акцию, но у поглощающей компании коэффициент P/E более высокий, то после слияния средний доход на одну акцию возрастает, даже если уровень доходов обеих компаний останется неизменным. Этот результат достигается потому, что издержки поглощающей компании по «покупке» доходов поглощаемой компании меньше, чем ее собственные издержки.

Логика развития конгломератов диктует необходимость любыми средствами повышать курс акций и демонстрировать динамичный рост активов. Это создает условия для продолжения агрессивного курса, направленного на дальнейшее продолжение слияний и поглощений. Во многих случаях повышение прибыльности, а вместе с ним и курса акций достигается не за счет улучшения качества хозяйственной деятельности. Сведения о финансовых показателях деятельности компаний до поглощения и после него содержатся в строжайшей тайне. Имеющиеся данные о 28 компаниях, поглощенных 4 наиболее известными конгломератами (ИТТ, «Литтон индастриз», ЛТВ, «Галф энд уэстерн индастриз»), показывают, что 21 компания ухудшила свои финансовые показатели после поглощения³⁰. Конгломераты «улучшают» показатели хозяйственной деятельности путем присоединения доходов приобретаемой компании к собственным доходам. Многие конгломераты поэтому должны поглощать другие компании ради того, чтобы выжить. Присоединяя их доходы и активы к уже существующим, конгломерат создает у вкладчиков капитала впечатление о себе как высокоприбыльной и быстро растущей фирме.

Другим методом, используемым конгломератами для создания видимости успеха программ поглощений, являются изменения в методах бухгалтерского учета. После поглощения фирмы «Дж. Моррел энд К^о» конгломерат АМК изменил методы расчета амортизации и учета товарно-материальных ценностей. На этой основе руководство АМК объявило о 74% возрастании прибылей в расчете на одну акцию «Дж. Моррел». В действительности же прибыль поглощенной компании уменьшилась. «Галф энд уэстерн индастриз», используя аналогичные методы, объявил об увеличении доходов «Нью-Джерси цинк» на 1,6 млн. долл. в 1966 г., а в 1967 г. — многомиллионное увеличение доходов «Парамаунт пикчерз»³¹. Рост доходов служит основой для повышения курса

³⁰ Winslow J. F. Op. cit., p. 112.

³¹ Winslow J. F. Op. cit., p. 13.

акций на фондовой бирже, стимулирует спираль поглощений. По мере искусственного повышения курсов акций поглощающая компания располагает все большими возможностями для продолжения процесса слияний и поглощений.

Конгломерат может получить прибыль, даже если ему не удастся по тем или иным причинам поглотить компанию. Покупая значительное количество акций компании, намеченной для присоединения, конгломерат старается делать это незаметно, чтобы курс приобретаемых акций не повышался. Затем делается публичное предложение о поглощении или устраивается «утечка» информации о намерении присоединить компанию. Курс акций последней повышается. Поэтому покупающая фирма может получить значительные прибыли от продажи акций, которыми она владеет. «Галф энд уэстерн индастриз», хотя и потерпела неудачу в поглощении «Синклер ойл», получила прибыль в 50 млн. долл. от продажи акций этой компании.

В экономической литературе имеются различные точки зрения по поводу перспектив развития конгломератов. На наш взгляд, конгломераты не являются случайным и преходящим явлением. Прямой, непосредственной связи между конгломератной формой и научно-технической революцией, потребностями развития производительных сил не существует. Но косвенно, опосредованно конгломераты представляют, как и всякая капиталистическая монополия, форму развития производительных сил, при этом не только в национальном, но и в интернациональном масштабах. В той мере, в какой внутри конгломерата развивается внутрифирменное разделение труда (совместное использование каналов распределения, совместное ведение рекламного дела, совместное использование запасов сырья, ведение научных исследований), он получает выгоды, возникающие от внутренней кооперации. Эффект от внутренней кооперации в буржуазной экономической литературе обозначается словом «синерджия» или называется эффектом « $2+2=5$ ». Суть этого феномена заключается в том, что объединенные действия составных частей корпорации должны дать лучший результат, чем простая сумма отдельных предприятий. Синергетический эффект обозначается при помощи 3 переменных: возросшего объема прибыли, уменьшения оперативных издержек, сокращения потребности в капиталовложениях³².

Строго говоря, в «чистом» конгломерате не должно быть синергетического эффекта. Эффект от внутренней кооперации конгломерат получает не в своем качестве конгломерата, а потому, что в нем присутствуют элементы, присущие интегрированной компании. Задача заключается в том, чтобы выяснить экономические последствия деятельности «чистого» конгломерата.

Конгломератные слияния и поглощения ведут к увеличению экономической мощи монополии, расширяют ее власть над сфе-

³² Ansoff H. G. Corporate Strategy. An Analytical Approach to Business Policy for Growth and Expansion. New York, 1965, p. 79.

рой производства и обращения в национальном и интернациональном масштабе. Достижение этих результатов методами, присущими конгломератам, часто обеспечивается более экономичными путями по сравнению с использованием внутренних факторов накопления. Приобретение контрольного пакета акций обходится иногда дешевле, чем создание нового предприятия за счет внутренних капиталовложений. В добавление к производственным мощностям конгломерат получает торговые связи, торговую марку, технические знания и т. д. Если бы конгломерат начинал развитие от нуля, ему пришлось бы затратить больше средств и времени на строительство, завоевание рынка и пр. Слияние может быть также более дешевым путем приобретения производственных мощностей. Совокупная цена акций может быть ниже стоимости активов присоединяемой фирмы. При этом новые производственные мощности могут быть получены без затраты наличных денег — путем обмена акций или долговых обязательств.

Чем больше активы, которыми владеет конгломерат, тем больше его возможности для привлечения заемных средств. Поглощение компаний, свободных от долговых обязательств, рассматривается как основа для получения дополнительных кредитов. Задолженность компаний после поглощения их конгломератами, как правило, резко возрастает. Конгломератные слияния могут быть использованы для уклонения от уплаты налогов. При объединении высокоприбыльной и убыточной компании размер налога на прибыли соответственно уменьшается.

По мнению советского экономиста Т. Калиновской, конгломератная форма усложняет коммерческие отношения между фирмами и связи отдельных фирм с рынком. «Непосредственный результат такого положения, — пишет она, — крайняя неустойчивость рыночных отношений»³³. Это — правильная, но односторонняя характеристика взаимодействия конгломерата и рынка. Конгломераты не только ведут к росту неустойчивости рыночных отношений. Они пытаются ослабить неопределенность рыночной ситуации, на место конкуренции поставить «связи». Конгломераты породили так называемую систему «взаимности». Поставщики товаров и услуг компании, поглощаемой конгломератом, в порядке взаимности вынуждены покупать товары, производимые другими частями конгломерата. В противном случае они рискуют потерять покупателя их товаров. Другими словами, конгломерат покупает товары только при условии, что поставщики, в свою очередь, соглашаются покупать товары у него. «Взаимность» коммерческих отношений существует независимо от того, является ли она юридически оформленной или нет. Конгломераты осуществляют такую политику не только в национальном, но и в интернациональном масштабе. В качестве примера может быть

³³ Конгломераты: проблемы и перспективы. — «Мировая экономика и международные отношения», 1974, № 4, с. 110.

взята практика ИТТ. «ИТТ Рэйонир» производит бумажную массу, используемую для выделки газетной бумаги. В конце 1968 г., чтобы увеличить продажу бумажной массы, ИТТ использовала торговые отношения, сложившиеся между «ИТТ Континентэл Бэйкинг» и аргентинским конгломератом «Трансмундо Инкорпорэйтид». Последний продавал мясо «ИТТ Континентэл Бэйкинг». В порядке взаимности аргентинская корпорация начала покупать бумажную массу у другого филиала ИТТ. За кажущимся хаосом и случайностью в приобретении компаний весьма часто обнаруживается стремление конгломератов расширить рынки для компаний — членов конгломератных объединений. Присоединяя к себе строительную фирму «Левит энд санз» (последняя создает целые поселки из производимых ею жилых домов), ИТТ рассчитывала на увеличение бизнеса за счет поставки мебели, электроприборов, роста страховых операций и пр.³⁴

Порождая тенденцию к некоторому ослаблению рыночной стихии и неопределенности, конгломераты способствуют развитию производительных сил. Вместе с тем видна и ограниченность конгломератов. Такая форма развития производительных сил излишня при социализме, в условиях планомерной организации производства и обращения.

В характере деятельности интегрированных и конгломератных международных монополий имеется много общего. Во-первых, деятельность и тех и других охватывает разнообразные сферы хозяйства: производство, торговлю, услуги, финансовое дело. Во-вторых, слияния и поглощения используются и теми, и другими как метод распространения их господства в мировом капиталистическом хозяйстве. В-третьих, сходные методы используются для ограничения конкуренции. Вместе с тем монополии конгломератного типа вносят кое-что новое. Международные монополии, несомненно, впитывают в себя «завоевания» конгломератов в области финансовых манипуляций, техники поглощения компаний и ограничения конкуренции.

Рассматривая различие между интегрированными и конгломератными монополиями с точки зрения конечного результата, следует признать эти различия не столь существенными. И в том и в другом случае происходит расширенное воспроизводство отношений монополистического господства и эксплуатации. Хозяевами и тех и других являются могущественные финансово-олигархические группы. Появление международных монополий различного вида отражает различную тактику финансовой олигархии в борьбе за экономический раздел мира.

Различия в тактике финансово-олигархических групп связаны с барьерами монополизации. В одних случаях уже сложившиеся монополии, встретившись с сильной монополизацией бизнеса в определенной сфере, встают на путь конгломератных слияний и

³⁴ Winslow J. F. Op. cit., p. 134.

поглощений. Так, до второй мировой войны почти все активы ИТТ находились в зарубежных странах, хотя почти все ее акционеры были гражданами США. В послевоенный период корпорация поставила своей целью внедрение на громадный рынок Северной Америки. Логично было бы ожидать, что в США и Канаде она должна была внедряться в производство телефонного оборудования, поскольку это был основной ее бизнес за границей. Однако экспансия в этом направлении была невозможна, поскольку производство телефонного оборудования было монополизировано «Американ телефон энд телеграф» и «Дженерэл телефон энд электроникс». Поэтому ИТТ, осуществляя диверсификацию своей деятельности, внедрялась в другие отрасли экономики США и Канады. В дальнейшем эта практика использовалась в глобальном масштабе. В других случаях формирование международных монополий возможно лишь за счет экспансии в разные сферы хозяйства, путем лавирования между уже существующими монополистическими гигантами. Нехватка капитала для широкой экспансии в национальном и интернациональном масштабе преодолевается путем конгломератных слияний и поглощений. На тактику финансово-олигархических групп определенное влияние оказывает антитрестовское законодательство. Поправка Келлера-Кефовера к 7-му разделу закона Клейтона запрещает слияния, которые существенно уменьшают конкуренцию. Эта поправка создает препятствия для слияний горизонтального и вертикального типа. Наконец, финансово-олигархические группы путем конгломератных инвестиций пытаются ослабить воздействие конъюнктурных колебаний на процесс воспроизводства капитала.

Переплетение капитала в рамках конгломератов означает по своей сущности не что иное, как обобществление капиталистического производства. Но это обобществление происходит в капиталистической форме и таит в себе все пороки капиталистического общества. Конгломераты свидетельствуют о том, что рыцари финансовой наживы не только не исчезли, но их финансовые манипуляции стали более хитроумными, дерзкими, вредоносными для общества. Возникновение и развитие конгломератов показывает, что финансовый капитал непрерывно развивает и совершенствует механизм поддержания и расширения своего господства, систему эксплуатации и ограбления общества. Прогресс в обобществлении производства и капитала неизбежно сопровождается усилением загнивания и паразитизма современного капитализма. Вот почему необходимы эффективные усилия, направленные на «ограничение и преодоление власти монополий в жизни отдельных стран и в международном масштабе»³⁵.

³⁵ За мир, безопасность, сотрудничество и социальный прогресс в Европе. Итоговый документ Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. — «Правда», 1976, 1 июля.

§ 5. ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Характерными чертами нынешней обстановки являются: с одной стороны, дальнейшее развитие и укрепление мировой социалистической системы, рост притягательной силы реально существующего социализма, поворот в международных отношениях от «холодной войны» к разрядке напряженности, с другой стороны, глубокие процессы, ведущие к подрыву всей послевоенной системы мирового капитализма, углубление противоречий во всем несоциалистическом мире.

Наблюдаемые ныне небывалые по силе экономические, социальные и политические потрясения являются результатом всего послевоенного развития мировой капиталистической системы.

Послевоенная система капитализма держалась на трех основах: 1) государственно-монополистическом регулировании экономики развитых капиталистических стран; 2) далеко зашедшей интернационализации капиталистического хозяйства; 3) неоколониализме — экономической, финансовой, технологической зависимости стран Азии, Латинской Америки, Африки от индустриально развитых капиталистических государств.

Все это, конечно, не создавало гармонии, были экономические потрясения, конфликты. Но противоречия и потрясения разрешались внутри системы, непосредственно не вызывая угрозы ее распада.

Политические лидеры, ученые-экономисты, идеологи капитализма были убеждены в нерушимости устоев своей системы. «Система стабилизировалась», «капитализм сумеет ответить на вызов социализма», «марксизм опровергнут», — утверждали они, уповая, что время революционных изменений навсегда прошло, что в западном мире наступила эпоха длительного и безмятежного господства капиталистических порядков. Однако то, что представители капитализма считали элементами стабилизации, было в действительности элементами созревания кризиса всей послевоенной системы капитализма. В Отчете Центрального Комитета КПСС XXV съезду отмечается: «XXIV съезд нашей партии подчеркивал, что приспособление к новым условиям не означает стабилизации капитализма как системы. Общий кризис капитализма продолжает углубляться».

В послевоенные годы произошло окончательное становление государственно-монополистического капитализма, чему содействовала развернувшаяся в мире научно-техническая революция, ускорившая процесс монополистического обобществления, как на частной, так и на государственной основе. Частные и государственные монополии превратились в базу современного строя на Западе, а государство, сохраняя и усиливая функции насилия, охраны эксплуататорской собственности и порядков — в составную часть его экономической структуры. Сложившаяся структура

предоставила возможность осуществлять государственно-монополистическое регулирование экономической жизни. Однако поскольку послевоенное развитие не только не изменило сущность капиталистического строя, но еще больше обострило и обнажило антагонистические противоречия этого строя, и прежде всего основное противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения, ставшим главным образом частномонополистическим, само это регулирование, осуществляемое в интересах монополистического капитала, не могло создать планомерно действующий механизм, избавляющий капитализм от катаклизмов.

Более того, именно государственно-монополистическое регулирование подготовило предпосылки для созревания мирового экономического кризиса 1974—1975 гг. Во-первых, оно позволило крупному капиталу устанавливать монопольно высокие цены на товары, но тем самым снижалась покупательная способность широких слоев населения, работающих по найму, а это в конечном счете вело к перепроизводству и сокращению промышленной деятельности.

Во-вторых, регулирование экономики, осуществляемое в интересах государственно-монополистической олигархии, заключалось в дефицитном финансировании. Действительно, дефицитное финансирование, искусственное впрыскивание инвестиций в промышленность, государственные расходы, превышающие бюджетные возможности, несоразмерные с платежеспособностью продажи в кредит, вызвали известные темпы экономического роста в послевоенный период. Однако до определенной поры. Росли долги. Долги государственные, фирм, потребителя. В итоге — переполнение каналов обращения бумажными деньгами. За 1965—1970 гг. суммарный валовой продукт экономически развитых стран увеличивался в среднем на 4,8% в год, а масса денежных средств, находящихся в обращении, — на 9,6%, т. е. вдвое быстрее, а в первые годы текущего десятилетия разрыв увеличился уже втрое. Это вызвало инфляцию, падение покупательной способности денег. Инфляцию подстегивала милитаризация, гонка вооружений.

Инфляция рассматривалась учеными — защитниками монополистического капитала — в качестве инструмента ускоренного экономического развития, стимулятора роста. Они называли ее «ползучей», поскольку годовой рост цен шел на уровне нескольких процентов, «добродетельной», так как она была выгодна капиталистам, ибо заработная плата не поспевала за этим ростом цен, наконец, «контролируемой». Но инфляция в конце концов вырвалась из-под контроля. Из «ползучей» (рост цен 2—3% в год) она превратилась в «галопирующую», из «добродетельной» — в разрушительную. С июля 1974 г. по декабрь 1975 г. цены на продукты питания и потребительские товары повседневного пользования выросли на 18,7%.

Как определил XXV съезд КПСС, «нынешний кризис необычен». В отличие от предыдущих послевоенных кризисов, которые характеризовались обязательно с приставкой «не»: непродолжительные, неглубокие, невсеохватывающие, несинхронные, — кризис 1974—1976 гг. — продолжительный, глубокий (падение промышленного производства на 11,6%) — охватил весь капиталистический мир.

Переплетение кризиса перепроизводства с острой инфляцией привело к потрясению всей экономической жизни капиталистических стран. В прошлом бывало, как правило, так: или промышленный рост, небольшая инфляция, повышение цен, или экономический застой и понижение цен, что вело к рассасыванию излишков товаров и постепенному выходу из экономического кризиса.

Ныне диктуемые монополиями высокие цены являются препятствием к уменьшению массы непроданных товаров. Растущая безработица ведет к дальнейшему сокращению платежеспособного спроса населения, а следовательно, и к дальнейшему свертыванию производства.

Двойной осечке — значительному падению производства и бурной инфляцией — правящие круги капиталистических стран противопоставляют двойную стратегию: а) налоговые льготы монополиям, снижение учетных ставок с целью поощрить инвестиции в промышленность, б) меры по борьбе с инфляцией. Однако финансовые вливания при сокращении покупательной способности масс приводят лишь к усилению инфляции, а меры по борьбе с инфляцией — это ограничение заработной платы, сокращение ассигнований на социальные нужды, что ведет к безработице и дальнейшему свертыванию производства.

В этих условиях экономические потрясения капитализма нельзя рассматривать только как результат циклического кризиса перепроизводства или даже как циклический кризис перепроизводства, который переплелся с инфляцией и другими кризисными явлениями. Научные поиски приводят к мысли, что мы имеем дело с кризисом государственно-монополистического капитализма, ядром которого является государственно-монополистическое регулирование. Кризис государственно-монополистического капитализма включает в себя нынешний острый циклический кризис, но не сводится к нему. Экономический кризис в конце концов сменится другой фазой цикла. Из кризиса же системы государственно-монополистического капитализма выходом может быть только коренное переустройство самой системы.

Существовавшее в послевоенные годы динамичное равновесие внутри общемирового капиталистического хозяйства ныне сменилось кризисом отношений между империалистическими государствами. Острота и глубина этого кризиса определяется тремя обстоятельствами: во-первых, тем, что произошло сплетение монополистических капиталов в действительности в общемировое капиталистическое хозяйство, во-вторых, ролью и непосредствен-

ным участием буржуазного государства в этом общемировом хозяйстве и, в-третьих, тем, что присущая монополистическому капитализму тенденция к крупным империям привела к началу 70-х годов к формированию трех основных центров силы и империалистического соперничества, экономический потенциал которых в силу особенностей неравномерности в послевоенное время сблизился. (Соотношение годового валового национального продукта ЕЭС и США стало приблизительно 4:5.) Экономическое соперничество трех силовых центров империализма выражается ныне в том, что каждый из них пытается за счет другого уменьшить дефицит своего торгового и платежного балансов, укрепить свои позиции в валютно-финансовой области.

В полосе серьезных экономических потрясений находится также Европейское экономическое сообщество. Решения, принимаемые в национальном плане, нарушают единство сообщества, решения на уровне сообщества часто противоречат национальным интересам.

Растущее соперничество великодержавного империализма США с двумя другими центрами империализма, выделение главных региональных держав внутри ЕЭС создало напряженность внутри мировой капиталистической системы.

Столкновение интересов монополий со стремлением народов развивающихся стран к экономическому и социальному прогрессу уже дало трещину в системе неокOLONиализма. В послевоенные годы цены на сырье — главный источник доходов ряда развивающихся стран — падали, в то время как цены на промышленные товары росли. В результате увеличился разрыв между индустриально развитыми и развивающимися странами.

Первые ответные удары со стороны нефтедобывающих развивающихся стран по монополистическому капитализму — знамение времени. Это начало конца «эры дешевого сырья». К энергетической недостаточности, наблюдаемой в западных странах, скоро, очевидно, прибавится дефицит некоторых видов сырья, которыми богаты недра некоторых развивающихся стран. Империализм стал на путь нанесения контрударов, что лишь раскручивает спираль противоречий.

Кризис системы государственно-монополистического капитализма, нарушение равновесия внутри мировой капиталистической системы, трещина в системе неокOLONиализма — содержание нынешних потрясений в несоциалистическом мире, нестабильность капиталистической экономики.

Каковы же пути выхода из создавшейся обстановки? Очевидно, возможны два пути. Во-первых, путь капиталистический. Капитализм, используя свои спонтанные возможности, государственно-монополистическое вмешательство, развивая научно-техническую революцию в области энергетики и поисков заменителей дефицитного сырья и, разумеется, в первую очередь развертывая наступление на рабочий класс, идя на проведение широких ма-

невров в отношении стран «третьего мира», находящихся в орбите его влияния, будут стремиться выйти из создавшегося положения. Другой путь — антимонополистическая борьба и проведение коренных социально-экономических преобразований в странах развитого капитализма, усиление социального содержания в национально-освободительном антиимпериалистическом движении в развивающихся странах.

Ленин предвидел, что «революция... будет состоять ...из нескольких периодов натиска...»³⁶. И вот сейчас наблюдается очередной период натиска. Каждый из этих периодов есть этап общего кризиса, каждый период состоял из подготовительной части, вслед за которой наступал непосредственно натиск, кризис. И каждый из этих периодов достигал своего кульминационного момента, когда происходило отпадение от капитализма одной или группы стран, возникла, а затем расширилась социалистическая система.

Схематично это выглядит так: с начала века создание предпосылок первого этапа общего кризиса капитализма, затем кризис системы с его кульминацией Великой Октябрьской революцией. Второй этап — после частичной стабилизации капитализма, когда шло накопление предпосылок для нового взрыва капиталистической системы.

Создание мировой социалистической системы, распад колониальной системы явились кульминацией на втором этапе общего кризиса.

В середине пятидесятых годов начинается подготовка третьего этапа. Очевидно, что сейчас назрели предпосылки нового кризиса системы, судьбу которой решит классовая борьба, сила и размах натиска рабочего класса капиталистических стран и его антимонополистических союзников, для победы которых политика мирного сосуществования, осуществляемая нашей страной создает благоприятные возможности.

§ 6. ИМПЕРИАЛИЗМ И РАЗВИВАЮЩИЕСЯ СТРАНЫ

В 70-х ГОДАХ

В последние годы в отношениях между империалистическими государствами и развивающимися странами наблюдается ряд новых явлений, которые не получили еще достаточно полного освещения в печати. На XXV съезде КПСС отмечалось, что «...при нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений»³⁷. Но при этом подчеркивалось, что «...вклад этих стран в общую борьбу за мир и безопасность народов, зна-

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 57.

³⁷ Материалы XXV съезда КПСС, с. 13.

чительный уже сейчас, вполне может стать еще более весомым»³⁸. Рассмотрение этих новых явлений в отношениях между империалистическими государствами и развивающимися странами представляется настоятельно необходимым, поскольку они затрагивают принципиальные вопросы современного положения и развития национально независимых государств.

1. Сдвиги в стратегии неокOLONиализма

В нашей учебной и научной литературе до недавнего времени была распространена точка зрения, что империализм сознательно тормозит развитие производительных сил в развивающихся странах, препятствует их индустриализации, искусственно консервирует в них отсталые социальные отношения. В эпоху колониализма для такой точки зрения имелись веские основания. Таково было одно из условий колониального господства империализма, выкачивания прибылей из поработанных стран, утверждения экономического превосходства метрополий.

В новых условиях прямолинейное проведение этого старого курса стало не только социально опасным, но часто и экономически не оправданным. Империализм не может сегодня проводить прежнюю политику по многим причинам. Во-первых, потому, что ему противостоят сегодня не бесправные колонии, а самостоятельные суверенные государства. Во-вторых, потому, что препятствием на пути такой политики сегодня становится широкая финансовая помощь и техническое содействие развитию молодых государств со стороны социалистических государств. И, наконец, в-третьих, существует объективная основа изменения такой политики — научно-техническая революция и новые условия воспроизводства общественного капитала.

Интенсивная эксплуатация с применением новейших научно-технических достижений требует в современных условиях не отсталой экономики, а достаточно высокого уровня производительных сил — материально-технической базы, инфраструктуры рабочей силы. Прошли те времена, когда можно было получить колоссальные колониальные сверхприбыли с помощью минимальных вложений капитала. Сегодня искусственное сдерживание развития одной части мирового капиталистического хозяйства противоречит интересам ее эксплуатации другой, развитой частью капиталистического хозяйства. Высокий уровень производительных сил в основных центрах капитализма и углубление международного разделения труда делают необходимым для империализма подтягивание бывшей колониальной периферии на современный уровень. Поэтому государственно-монополистический капитал вынужден содействовать развитию производительных сил

³⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 13.

освободившихся стран, даже если это и противоречит его природе.

Новый курс империализма, разумеется, не устраняет того факта, что развитие на почве капитализма принимает уродливые формы: вместо подъема всей экономики развиваются лишь отдельные звенья, наиболее тесно связанные с мировым хозяйством; на месте прежних диспропорций возникают новые; выкачивание прибылей продолжается: технико-экономический разрыв между двумя группами стран в мировом капиталистическом хозяйстве увеличивается. Но империализм стремится не только к извлечению максимально высоких прибылей, но и к обеспечению еще более важной, с точки зрения перспектив капитализма, цели — удержать развивающиеся страны на пути капиталистического развития, не дать им перейти на путь социализма, в условиях, когда «во многих освободившихся странах происходит сложный процесс размежевания классовых сил, нарастает классовая борьба»³⁹. А это требует и существенного увеличения масштабов финансовой «помощи», и содействия политике модернизации, и изменения некоторых прежних форм эксплуатации. Все эти сдвиги находят воплощение в международной стратегии неокOLONиализма.

2. Новый этап борьбы за экономическую самостоятельность развивающихся стран

70-е годы ознаменовались новым подъемом национально-освободительного антиимпериалистического движения. Наряду с усилением антикапиталистических тенденций во внутренней политике многих освободившихся государств резко усилилась конфронтация между развивающимися странами в целом и империалистическими государствами. В этой конфронтации развивающиеся страны выступают под знаменем борьбы за экономическое освобождение от господства международного монополистического капитала, за ликвидацию своего подчиненного положения в мировом капиталистическом хозяйстве. От изолированных выступлений против отдельных монополий развивающиеся страны перешли к согласованным действиям против всей системы неокOLONиалистической, империалистической эксплуатации, требуя радикальной перестройки неравноправных экономических отношений мирового капиталистического хозяйства.

Одним из главных направлений борьбы является восстановление и эффективное осуществление суверенитета молодых государств над своими природными ресурсами, ликвидация кабальных концессий, национализация собственности иностранных монополистических компаний, установление строгого контроля над деятельностью иностранного капитала. Борьба ведется также за

³⁹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 12.

превращение международной капиталистической торговли из орудия ограбления развивающихся стран в средство взаимовыгодного обмена, за улучшение условий получения кредитов, за реформу действующей валютной системы капитализма, облегчение условий получения новой техники и технологии, то есть за пересмотр всего комплекса мирохозяйственных связей капитализма.

Примечательно, что развивающиеся страны не только выдвигают антимонополистические требования, но и все чаще добиваются их принятия. В условиях нараставшей в начале 70-х годов нехватки сырья и топлива эти страны сумели навязать свою волю несравненно более сильным империалистическим государствам, подняв на рубеже 1973—1974 гг. вчетверо цены на нефть и значительно повысив цены на другие сырьевые товары. Успех этой акции объясняется рядом причин как глубинных, связанных с особенностями мирового энергобаланса и деформированным развитием НТР под влиянием деятельности международных монополий, так и преходящих. Но главное заключается в том, что в условиях дальнейшего изменения в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, в обстановке разрядки международной напряженности империализм оказался не в состоянии сорвать эту акцию военным путем.

Важным орудием обеспечения интересов национально независимых государств в борьбе против империализма выступают объединения стран-экспортеров сырья — нефти, бокситов, олова, меди, кофе, бананов — и ряда других, общим числом около двух десятков. Эффективность и перспективы деятельности этих объединений весьма различны, но ясно одно: их создание — реальный шаг на пути координации действий многих развивающихся стран, попытка противопоставить на государственном уровне объединенный фронт ранее разобщенных и незащищенных экспортеров сырья превосходящим силам империалистических монополий. Связь между созданием антиимпериалистических сырьевых картелей и осуществлением суверенитета национально независимых государств над своими природными ресурсами не подлежит сомнению. Научно-технической монополии империализма развивающиеся страны противопоставляют складывающуюся монополию на большую часть планетарных природных ресурсов, на естественные предметы труда. Это и лежит в основе своеобразной «революции цен», которая наглядно проявилась в ходе нынешнего энергетического и сырьевого кризиса. Большинство исследователей сырьевых и энергетических проблем считает сегодня, что «эра дешевого сырья» уже кончилась, и хотя за недавним пиком последовало резкое снижение сырьевых цен, возврата к тому уровню, на котором они находились в 50—60-е годы, уже, по-видимому, не будет. Развивающиеся страны почувствовали свою силу, развитые капиталистические государства осознали свою уязвимость. И хотя империалистические круги Соединенных Штатов еще бряцают оружием, припугивая и развивающиеся страны

и своих партнеров, капиталистический Запад, по-видимому, будет искать выход на путях компромисса и признания нового соотношения сил, которое сложилось де-факто и становится новым рубежом для наступления развивающихся стран на позиции империализма.

3. Экспорт капитала из развивающихся стран

Вывоз капитала обычно рассматривается как отличительная особенность индустриально развитых государств капитализма, как один из основных признаков империализма. Развивающиеся страны всегда были должниками империалистических государств. Но сегодня, когда задолженность приближается уже к 80 млрд. долларов, т. е. достигла таких масштабов, которые ставят под сомнение возможность ее погашения, среди развивающихся стран выделилась группа, которая выступила на международной арене как экспортер капитала. Это — явление, с которым раньше мы не сталкивались. Речь идет в данном случае не о таких странах, как Индия, Бразилия, Таиланд, Малайзия, Филиппины и ряд других, которые уже в течение ряда лет вывозят в небольшом количестве капитал в другие развивающиеся страны. Общая сумма их вложений не превышает нескольких десятков миллионов долларов. Речь идет о группе стран-производителей нефти, экспорт капитала из которых исчисляется десятками миллиардов долларов. Общая валютная выручка этих стран составила в 1974 г. примерно 110—115 млрд. долл. По оценке Международного банка реконструкции и развития, к концу текущего десятилетия общие валютные поступления членов Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) могут составить до 650 млрд. долл. Разумеется, реальность этого прогноза будет зависеть от сохранения высоких цен на нефть. Но в любом случае валютные накопления этих стран уже сегодня составляют внушительную величину.

Как же используются эти поступления от продажи нефти? Около половины идет на оплату текущего импорта и финансирование долгосрочных проектов экономического развития этих стран. Остальное — неиспользованный излишек — составляют так называемые «нефтедоллары». Они вывозятся большей частью в развитые страны капитализма, частично в развивающиеся страны. Характерно, что большая часть вывозимых нефтедолларов приходится на пять стран (Саудовская Аравия, Кувейт, Ливия, Катар и Абу Даби) с общим населением всего 11 млн. человек.

Несколько цифр, характеризующих масштабы этого явления. На конец 1974 г. авуары стран-экспортеров нефти в промышленно развитых капиталистических государствах оценивались в общей сложности в 500 млрд. долл. Эта сумма распределялась следующим образом: краткосрочные вложения на рынке евровалют — 21 млрд. долл., вложения в США — 10 млрд., в том числе в государственные ценные бумаги — 5 млрд., депозиты в банках

западноевропейских стран — 10 млрд., займы государственным финансовым учреждениям Западной Европы и Японии — 3 млрд., вклады в Международный валютный фонд и МБРР — 2 млрд., приобретение недвижимости, акций и облигаций промышленных компаний — 4 млрд. долл.

Среди последней категории инвестиций наибольшее внимание на Западе привлекли: покупка Ираном 25% акций западногерманской сталелитейной компании Круппа, 13% акций американской авиакомпания «Пан Америкэн», 50% акций итальянской государственной компании жидкого топлива «ЭНИ»; приобретение Кувейтом 14,6% акций западногерманской автомобильной компании «Даймлер-Бенц», (выпускающей автомашины марки «Мерседес»), острова Киава близ побережья американского штата Южная Каролина с целью создания там курортного центра, ряда административных зданий в Лондоне, Париже, Брюсселе и Мельбурне; скупка Саудовской Аравией акций американских банковских учреждений «Секюрити Нэйшнл бэнк» и «Бэнк оф Контра Коста», 15% акций сельскохозяйственной компании «Аризона лэнд энд кэтл компани»; приобретение Саудовской Аравией и Абу Даби недвижимости в лондонском Сити и ряд других.

Кроме того, общая сумма финансовых обязательств по кредитам, предоставленным развивающимся странам членами ОПЕК, достигла на начало 1975 г. 10 млрд. долл.

Таковы оценочные данные, характеризующие экспорт капитала из развивающихся стран.

Что представляет собой это явление с политэкономической точки зрения? Каковы его социальные последствия? Каково возможное влияние, которое окажет этот экспорт капитала на позиции империализма? Пока мы можем дать на эти вопросы только предварительный ответ, который надлежит рассматривать лишь как рабочую гипотезу, требующую дальнейшего уточнения.

Во-первых, совершенно ясно, что рассматриваемое явление не связано со степенью развития капиталистических отношений. Экспорт капитала происходит из стран экономически отсталых, полуфеодальных и феодальных, в которых капиталистический уклад занимает очень скромное место. Капитализм в этих странах как бы перезревает, не успев по-настоящему созреть.

Во-вторых, источником экспорта капитала из нефтедобывающих стран является не воспроизводство промышленного капитала, а рента, связанная с монополией на невоспроизводимые природные ресурсы.

В-третьих, одна из важнейших причин вывоза капитала из развивающихся стран заключается в том, что этому капиталу не хватает поприща для прибыльного применения из-за отсталых социальных отношений, низкого уровня развития экономики, нищеты масс, в ряде случаев ограниченности хозяйственных территорий и малочисленности населения. Все это толкает капитал к поискам более выгодных сфер приложения.

Наиболее сложный вопрос при оценке этого нового явления в международном движении капитала сводится к следующему: кого кто эксплуатирует? Если встать на формальную точку зрения, то экспортер капитала предстает как сторона, эксплуатирующая импортера. Но что произойдет, если разбогатевшие как по волшебству страны — обладатели громадных валютных накоплений не станут экспортировать капитал, а будут держать его в бумажных долларах или на текущих счетах в банках? При современном уровне инфляции, достигающем 12—14% в год, от их нынешних накоплений к концу текущего десятилетия практически не останется почти ничего, а накопления последующих лет существенно обесценятся. Поэтому у владельцев нефтедолларов, если они не могут или не хотят их вкладывать в экономику своих стран, нет иного выхода, кроме экспорта капитала за границу. В то же время для государств развитого капитализма нефтедоллары — это предмет вождлений, который стремится получить сейчас каждое из этих государств в отдельности и все они вместе взятые. Для них использование финансовых средств нефтедобывающих стран с оплатой процентов — это своего рода кислородная подушка, средство смягчения серьезных экономических затруднений, весьма выгодный бизнес. Поэтому есть основания рассматривать экспорт капитала из развивающихся стран как завуалированную форму повторной эксплуатации этих стран развитыми капиталистическими государствами. Противоречивый характер этого явления требует дополнительного изучения. Во всяком случае очевидно, что сейчас идет активный процесс сближения и переплетения интересов феодально-монархической буржуазившейся верхушки группы развивающихся стран с монополистической буржуазией развитых капиталистических государств; и надо очень внимательно следить, какие формы он может принять в дальнейшем.

Раздел третий

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В КУРСЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА**

ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЛАНОМЕРНО ОРГАНИЗОВАННОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

§ 1. ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЗАКОНОВ И КАТЕГОРИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Одной из проблем, которая вот уже несколько десятилетий волнует советских экономистов, вызывает бурные споры и дискуссии в марксистской экономической литературе, является проблема товарного производства, действия закона стоимости при социализме, а также направлений и форм использования товарно-денежных отношений в практике социалистического и коммунистического строительства. В последние годы наблюдается значительное сближение точек зрения, все меньше и меньше остается в этой сложной и важной проблеме «белых пятен». Однако и до сего времени есть еще немало дискуссионных, не решенных наукой проблем. Вместе с тем необходимость завершения работ по созданию системы законов и категорий политической экономии социализма, исследования хозяйственного механизма, разработки эффективных форм и методов стимулирования производства, всесторонняя, глубоко принципиальная критика буржуазных теорий, «левого» и правого ревизионизма ставят задачу дальнейшего исследования проблем товарно-денежных отношений, преодоления тех разночтений, которые имеются еще в нашей экономической литературе.

При изучении вопросов, связанных с товарно-денежными отношениями, с действием закона стоимости, следует учитывать ряд исходных методологических посылок, разработанных в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Не ставя перед собой задачи дать подробный анализ этих посылок, обратим все же внимание на их главные, определяющие моменты.

Характерной чертой товарного производства как такового является то, что субъектом хозяйствования выступают отдельные, самостоятельные производственные звенья — товаропроизводители. Создание, расширение, сокращение или даже прекращение того или иного вида производства непосредственно определяется хозяйственными мотивами тех или иных обособленных производителей. Общественный процесс производства, структура общественного производства складываются как результат реализации

отдельными, самостоятельными производителями, функционирующими в системе общественного разделения труда, своих интересов, связанных с производством стоимости или с ее возрастанием. В этих условиях функционируют отношения конкуренции, а регулятором производства выступает закон стоимости.

Как свидетельствует история развития общественного производства, обмен товарами начинался там, где кончалась община, в пунктах соприкосновения различных общин. Превращение продукта труда в товар имело место в различных социально-экономических формациях. «Товарное производство и товарное обращение, — говорил К. Маркс, — могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления, не превращается в товары, и, следовательно, общественный процесс производства далеко еще не во всем своем объеме подчинен господству меновой стоимости»¹. Даже в условиях господства натуральной формы хозяйствования, которая характерна для докапиталистических способов производства, товарное производство и товарное обращение имело место. Однако сама по себе товарная форма хозяйствования, хотя и отражает определенные связи в системе производственных отношений, не может раскрыть, определить наиболее характерные, определяющие черты того или иного способа производства.

Опыт истории свидетельствует о том, что объем, место, роль и значение товарного производства различны на различных ступенях развития общественного производства. В этом отношении большое методологическое значение имеет указание К. Маркса, который писал, что апологеты буржуазного строя пытались «отрицать противоречия, присущие капиталистическому процессу производства; последнее достигается тем, что отношения между капиталистическими агентами производства сводятся к простым отношениям, вытекающим из товарного обращения. Между тем производство товаров и обращение товаров представляют собой явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя объем и значение их далеко не одинаковы. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о *differentia specifica* [характерных особенностях] данных способов производства, не можем ничего сказать о них, если нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения. Ни в одной науке, кроме политической экономии, не провозглашаются с такой претенциозностью элементарнейшие общие места. Например, Жан Батист Сэй берется судить о кризисах, зная только одно: что товар есть продукт»². Но, очевидно, неправильным является и обратное, т. е. сведение товарного производства к капиталистическому, отождествление их.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 180.

² Там же, с. 124.

Только лишь в условиях капиталистического способа производства товарное производство принимает всеобщий характер, становится типичной, господствующей, характерной формой воспроизводства. Именно в условиях буржуазного производства товарность пронизывает все поры, все стороны процесса воспроизводства, «...лишь на основе капиталистического производства товарное производство является нормальным, господствующим типом производства»³.

Обобщая историю развития человеческого общества, классики марксизма-ленинизма показали, что товарная форма хозяйствования по своему существу исторична. Возникнув на развалинах первобытнообщинного строя, пройдя огромный путь и достигнув своей вершины при капитализме, она должна быть преодолена в условиях непосредственно обобществленного, планомерно организованного социалистического производства. Об этом имеются многочисленные высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, которые к тому же не являются чем-то случайным, а отражают собой общий их подход к проблеме⁴.

Вместе с тем представляет интерес анализ взглядов В. И. Ленина на проблему товарно-денежных отношений в период подготовки и проведения социалистической революции, гражданской войны и перехода к новой экономической политике. В этой связи следовало бы выделить следующие периоды:

I. 1917 г. — весна 1918 г. В таких известных работах, как «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», «Удержат ли большевики государственную власть», «Как организовать соревнование», «Очередные задачи Советской власти», «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности» и др., В. И. Ленин разработал экономическую программу проведения социалистической революции и начала строительной работы. Ставя задачу овладения командными высотами и создания условий для полного преодоления капитализма, В. И. Ленин огромное внимание уделяет разработке основ социалистического хозяйствования: организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством и распределением, повышение производительности труда, организация соревнования, налаживание социалистической дисциплины труда, внедрение социалистического принципа демократического централизма и управление — вот, что должно было быть положено, по мысли В. И. Ленина, в основу социалистического хозяйствования. Но в то

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 40.

⁴ «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18). «Что касается социализма, то известно, что он состоит в уничтожении товарного хозяйства» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 127).

же время он ставит вопрос и о том, что диктатуре пролетариата следует овладеть аппаратом учета вроде банков и других кредитных учреждений, синдикатами, потребительскими обществами, почтой, т. е. теми формами, которые знал и капитализм. Ставился вопрос о том, чтобы вели «аккуратно и добросовестно счет денег»⁵.

II. Однако с весны 1918 г. в силу объективных, конкретно-исторических причин — военная интервенция и разворачивающаяся гражданская война, превращение страны в единый военный лагерь — Коммунистическая партия вынуждена была перейти к политике, которая вошла в историю нашей страны как политика военного коммунизма. В области интересующих нас процессов она охарактеризовалась значительной детоваризацией экономических отношений.

В литературе тех лет появилось мнение, будто уже возникла возможность и необходимость разработки специфически социалистических, в корне отличных от стоимостных, форм обмена деятельностью, утверждалось о необходимости натурализации всех отношений. «Деньги как единое мерило ценностей — уже не существуют вовсе... — утверждал Ю. Ларин. — Деньги как средство платежа окончат свое умирание, когда советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством... И то и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в **ближайшие годы**»⁶. (Подчеркнуто мною. — Е. Г.).

В начале 1921 г. была предпринята попытка создания новой валютной единицы. Наркомфин разработал проект декрета о замене денежной единицы в государственном хозяйстве новой единицей, так называемым ТРЕдом. За единицу трудового учета предполагалось брать один нормальный день работы простого труда при нормальной его напряженности. Таким образом, дело не ограничивалось статьями в журналах, а вопрос о немедленном вытеснении стоимостных форм изучался практически. Нельзя не заметить, что В. И. Ленин в своих работах и выступлениях не однажды предупреждал о нежелательности поспешности в проведении мер по ликвидации товарно-денежных отношений.

III. X съезд нашей партии, по инициативе В. И. Ленина, провозгласил переход к так называемой новой экономической политике. Первоначально сразу же после X съезда партииโปรดразверстка как один из важнейших элементов политики военного коммунизма заменялась продовольственным налогом. Предполагался обмен в пределах местного хозяйственного товарооборота. При этом натурализация отношений полностью не преодолевалась. Как указывал В. И. Ленин, в тот период «предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим това-

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 174.

⁶ Ларин Ю. Деньги. — «Экономическая жизнь», 1920, 7 нояб.

рообменом восстановить крупную промышленность...»⁷. И далее В. И. Ленин говорил, что на практике этот товарообмен «вылился в куплю-продажу». Ленин со всей прозорливостью поставил вопрос о необходимости использования отношений товарного производства, таких стоимостных форм, как деньги, цена, кредит, и в особенности торговли в практике социалистического строительства.

Допущение в известной степени торговли означало, что коммунистическая партия считала необходимым и возможным строить социализм, преодолевать капитализм с использованием рынка и рыночных отношений. Это означало, что признавалась реальность существования товарного производства, действия закона стоимости и ставилась задача использования этих категорий для преодоления разбитого, но еще не уничтоженного капитализма и построения нового, социалистического общества. Положение о необходимости использования торговли явилось в практике строительства социализма, по словам В. И. Ленина, в тот период **открытием**⁸. И это открытие было не только для тех, кто считался грамотным экономистом, знающим марксистскую литературу достаточно хорошо. Всесторонне проанализировав реальную обстановку, выяснив действительные тенденции в развитии экономики послереволюционной России, реально сложившиеся общественно-экономические отношения и учитывая ту генеральную цель, которая стоит перед пролетариатом, руководимым коммунистической партией, — построение социалистического общества, — В. И. Ленин впервые всесторонне разработал экономическую политику диктатуры пролетариата, важнейшим элементом которой явилось использование рынка и рыночных отношений с целью полного и абсолютного преодоления капитализма.

* *
*

Исходная наиболее общая характеристика социалистического производства как такового, вне зависимости от ступеней его развития, его социально-экономическая природа заключается в непосредственной обобщественности процесса производства. В обществе ассоциированных производителей, работающих с помощью общественных, по своей природе, средств производства и планомерно расходующих свою рабочую силу, процесс труда становится непосредственно-общественным. Сущность социалистического производства заключается в том, что оно выступает как непосредственно-общественное, планомерно организованное производство.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 207.

⁸ См. там же, с. 309—310.

В отличие от товарной формы, планомерная форма хозяйствования предполагает, что субъектом, организующим процесс производства, является общество в целом. В этих условиях фундаментальной основой социалистического общественного процесса производства выступает не реализация каждым отдельным хозяйственным звеном своих экономических интересов, а планомерное развитие всего общественного производства за счет общества и во имя обеспечения полного благосостояния и всестороннего развития личности. В силу этого распределение общественного труда по сферам и отраслям народного хозяйства, определение основного направления развития общественного производства, темпы и соотношение между различными сферами и отраслями новых и сокращение старых видов производства, «запуск» новых предприятий и их оборудование осуществляются непосредственно обществом и не подвержены уже действию товарных отношений, закону стоимости. Регулятором социалистически обществественного производства становится закон планомерного развития, который свои регулирующие функции реализует прежде всего в русле действия основного экономического закона социализма, проявляющегося, в свою очередь, в еще более конкретных формах. Хозяйствование в масштабе всего общества свидетельствует о том, что субъектом хозяйствования выступает не отдельный работник, не предприятие как коллективный непосредственный производитель, не объединение, не отрасль и не регион, а все общество в целом. Именно в этом и проявляется непосредственно-общественный характер социалистического производства.

Сферы, отрасли, регионы, предприятия составляют органическое единство — общество в целом, без которого невозможно себе представить полнокровное функционирование социалистического производства. Хозяйствование на уровне сферы, отраслей, регионов и предприятий осуществляется на основе народнохозяйственного плана, где в концентрированном виде проявляются экономические интересы общества в целом. И эта природа, эта характерная черта присуща как низшей, так и высшей стадии развития коммунистического способа производства, т. е. социализму и полному коммунизму. Это подтверждено историческим опытом Советского Союза и других социалистических стран. Все это означает, что товарные отношения не выступают уже ни как исходная, ни как основная, ни как всеобщая форма развития социалистических производственных отношений.

Однако реальная экономическая обстановка первой фазы коммунизма свидетельствует о том, что в системе общественного производства имеются различные связи. Одни отражают собой отношения общие для низшей и высшей фаз. Это исходное и основное производственное отношение, а также закономерности развития процесса производства. Есть связи, которые возникают с зарождением коммунистического способа производства, но они отражают отношения, характерные лишь для низшей фазы, для

ступени неполного коммунизма: уровень социальной неоднородности труда, распределение в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, кооперативная форма общественной социалистической собственности, государственная форма единого экономического центра и т. д. Но есть еще связи, отражающие собой отношения, зародившиеся задолго до социалистической революции.

Еще в 30-х годах, когда только была создана система производственных отношений социализма и когда еще свежи в памяти были годы становления социалистического способа производства, в экономической литературе сложилось представление о том, будто товарное производство, закон стоимости преодолеваются в рамках переходного периода.

В этих условиях возникла задача объяснения существа тех стоимостных форм, с которыми приходилось сталкиваться и в теории, и на практике. Именно в тот период возникает попытка представить стоимостные категории как формы, полностью лишенные своего специфического товарного содержания. «Вероятно, что для совершенного развития трудового учета могут оставаться еще условные наименования продуктов в «рублях», но это будет уже не цена, а исключительно **условное наименование**, непосредственно определяемое планом»⁹. (Подчеркнуто мною. — Е. Г.). Авторы монографии «Развитие советской экономики», изданной уже в 1940 г., присоединялись к вышеприведенному положению и заявляли, что «денежная форма советского товара не выражает стоимости»¹⁰.

Однако реальная действительность свидетельствовала о том, что ряд категорий товарного хозяйства (товар, стоимость, деньги, цена, кредит и др.) не превратились еще в чисто организационно-технические формы, а, оставаясь экономическими категориями, выражают собой определенные общественные отношения. Об этом свидетельствовал анализ динамики цен и рентабельности в важнейших отраслях общественного производства, стремление преодолеть систему дотаций и укрепления хозрасчетных отношений, которое наблюдалось еще в 30-е годы.

В 1941 г. при обсуждении в ЦК партии макета учебника по политической экономии было подвергнуто критике положение о том, что социализм уже преодолел товарное производство. Впервые в марксистской литературе произошло признание товарного производства при социализме, что и было зафиксировано в статье, опубликованной в 1943 г. в журнале «Под знаменем марксизма». «Нет никаких оснований считать, — говорилось в статье, — что закон стоимости ликвидирован в социалистической системе народного хозяйства. Наоборот, он действует при социализме, но действует он в преобразованном виде»¹¹. Экономиче-

⁹ На новом этапе социалистического строительства, т. 2. М., 1930, с. 11.

¹⁰ Развитие советской экономики. М., 1940, с. 530.

¹¹ «Под знаменем марксизма», 1943, № 7—8, с. 75.

ская наука приняла формулу «товарное производство при социализме», которая была подтверждена итогами экономической дискуссии 1951 г. Не выдержала испытания временем лишь формула, выдвинутая в 1941 г., о действии при социализме закона стоимости в преобразованном виде. Формула «товарное производство при социализме» означала, что признание товарно-денежных отношений, действие закона стоимости рассматриваются как неизбежный на низшей фазе элемент внутри экономической системы социализма, и сама по себе не касалась коренной характеристики способа производства как непосредственно планомерно организованного.

В середине 50-х годов дискуссия по проблемам товарно-денежных отношений в нашей стране вновь разгорелась, что в значительной степени обусловлено было конкретно-исторической обстановкой. 60-е годы знаменуют собой процесс вступления экономики Советского Союза в новый этап своего развития, в этап развитого социалистического общества. Именно в этот период возникает потребность решения ряда вопросов, связанных, во-первых, с созданием системы категорий и законов политической экономии социализма и, во-вторых, с совершенствованием форм и методов планомерного управления общественным производством и повышением его эффективности.

В ряде работ стало проявляться забвение коренных черт социализма. Возникло мнение, будто товарные отношения обусловлены самой природой социализма, что социалистические производственные отношения по своему характеру товарные. Все чаще стали звучать слова о том, что социализм выступает как вид, разновидность и даже высшая форма товарного производства. Как правило, представители этого направления отрицали возможность использования метода исследования, который применял К. Маркс к буржуазному обществу, к анализу социалистического производства. Это нашло свое отражение в отрицательном отношении ряда экономистов к проблеме использования категорий материалистической диалектики в исследовании и изложении категорий и законов политической экономии социализма, к творческому использованию в этих целях метода восхождения от абстрактного к конкретному. В ряде работ отрицался тот факт, что при познании социализма, его природы и характера первоначально следует абстрагироваться от тех товарно-денежных форм, которые встречаются в реальной действительности. Отрицался либо просто замалчивался тот факт, что товарные отношения не могут выступать ни исходной, ни всеобщей формой развития производственных отношений социализма.

Так, например, Г. Лисичкин — один из наиболее ярких и последовательных представителей этого направления — считал, что «все остальные законы не могут в наших условиях быть выражены сами... без закона стоимости и основанных на нем категорий, таких, как цена, прибыль, хозрасчет и т. д., так как сами себе

они не дают ответа на вопрос о соотношении между затратами и результатами производства... Отказать закону стоимости в его регулирующей роли — значит по существу отказаться от попытки экономично руководить хозяйством, превратить стоимостные категории в учетные»¹². Сказано более чем определенно и откровенно. Однако на этом достоинство данного положения заканчивается, ибо концепция автора не соответствует ни общей теории товарного производства, ни реальному положению, которое имеет место в социалистической экономике, ни методологическим и теоретическим установкам марксистско-ленинской теории, которая, обобщая опыт истории, убедительно показала, что характер, последствия, направленность действия тех законов, которые функционируют в рамках различных социально-экономических формаций, определяются только специфическими, и прежде всего основным экономическим законом формации.

Если согласиться с автором в том, что все законы и категории политической экономии социализма проявляются только в стоимостной форме, то вторым неперенным шагом будет утверждение, будто всеобщей формой движения социалистического производства является товарность, товарно-денежные отношения. Следовательно, социализм действительно выступает как род, вид, разновидность, а может быть, и высшая форма товарного производства. Тогда, действительно, закон стоимости выступает как регулятор общественного производства. Но как теория, так и практика социализма противоречат такому подходу.

В соответствии с теоретическим пониманием места и роли товарно-денежных отношений разрабатывался вопрос и о хозяйственном механизме социализма. По существу в ряде работ отрицалось, что социализм рождает свой особый хозяйственный механизм, свои методы и формы планомерного управления общественным производством, отрицался и тот факт, что эти методы, отражая собой требования экономических законов социализма, и прежде всего закона планомерного развития и основного экономического закона, выступают как важнейшие, определяющие звенья в системе экономического механизма управления. Порой можно было встретить утверждение, будто экономические методы есть, где есть использование товарно-денежных отношений, где методы планирования и управления основаны на использовании стоимости. Так, в цитированной уже нами работе Г. Лисичкина утверждалось, будто планы в социалистическом обществе должны составляться «...на базе изучения и предвидения процессов, происходящих на рынке...». Сами планы не принимают директивный характер и являются простыми рекомендациями. Предприятия получают так называемую полную хозяйственную самостоятельность в вопросах определения «...целей и путей к ее дости-

¹² «Новый мир», 1967, № 2, с. 176.

жению». Государство воздействует на свои предприятия не непосредственно, а косвенно, через посредство налогов, кредита, банковского процента и т. п. стоимостных форм.

Такой подход приводил по существу к абсолютизации товарно-денежных отношений, к необоснованному расширению действия стоимостных форм и отрицал определяющую роль тех форм и методов управления и планирования, которые по своему существу являются непосредственно общественными. Это было ошибочным с методологической, теоретической точки зрения, а на практике он мог лишь привести к нежелательным явлениям в экономике.

И здесь хотелось бы обратить внимание на концепции так называемого «рыночного социализма», появившиеся в буржуазной и ревизионистской литературе Запада еще в 30-х годах. Представители теории «рыночного социализма» утверждали, будто в централизованном порядке государство определяет только соотношение между фондом накопления и потребления. Остальные пропорции воспроизводства складываются в итоге действия стихийных сил на рынке, под воздействием колебания цен в зависимости от соотношения спроса и предложения. Рост спроса на тот или иной товар обуславливает возрастание уровня цены и создает автоматизм в увеличении объема производства (в данную отрасль устремляются средства, ибо рентабельность здесь возрастает). Централизованные планирующие органы должны лишь пассивно отражать те изменения, которые происходят в стихийном порядке на рынке.

В 50—60-х годах в ряде социалистических стран появились концепции «рыночного социализма». Не имея возможности рассмотреть этот вопрос всесторонне и подробно, обратим внимание лишь на основные моменты, которые характеризуют концепции «рыночного социализма».

Сторонники этой концепции считают, что определяющей формой общественной собственности в условиях социализма является не государственная форма общенародной собственности, а групповая собственность непосредственных производителей. Всеобщей формой движения социалистического производства является не планомерность, а товарность. Закон стоимости выступает как главный, определяющий регулятор общественного производства. Централизованное управление общественным производством из единого экономического центра страны, функции которого на стадии социализма выполняет государство, сводится лишь к регулированию капиталовложений. Непосредственно общество в лице социалистического государства не управляет предприятиями, последние подвержены действию сил рынка. План, разрабатываемый государством и его органами, лишь пассивно отражает стихийно складывающиеся пропорции на рынке.

Предприятие, выступая как субъект собственности, получает полную хозяйственную свободу. В соответствии с требованиями

рынка предприятие само определяет объем, структуру производственного продукта, выбирает себе потребителей, находит и поставщика необходимых средств производства. Единственное обязательство по отношению к государству — передача государству части стоимости произведенного прибавочного продукта. Обособленность пронизывает все стороны, все звенья деятельности предприятия. Основные направления деятельности предприятия определяют рентабельность.

Каждая в отдельности социалистическая страна не выступает как органическое звено мировой социалистической системы хозяйства, а подчиняется стихийно развивающемуся мировому капиталистическому хозяйству.

Эти концепции «рыночного социализма» в методологическом и теоретическом отношении не состоятельны, не соответствуют самой жизни, природе и характеру социалистического способа производства; в практическом отношении они бесплодны. В идеологическом отношении эти теории вредны и порочны. Они способствуют возрождению, развитию буржуазной идеологии, создают благоприятную почву для возможного реставрационного процесса.

В 50—60-х годах был вновь поднят вопрос о существовании товарного производства при социализме. Опираясь на высказывания К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина и правильно исходя из природы социализма как непосредственно обобщественного, планомерно организованного производства, часть экономистов (кстати, эта группа также неоднородна и включает в себя различные направления) считает, что социализм и товарное производство несовместимы. Продукт труда, по их мнению, не принимает товарной формы, и уже полностью преодолено действие закона стоимости. Правда, в последние годы уже никто открыто не выступал с опровержением существования и функционирования товарно-денежных форм. Однако некоторые авторы считают, что эти товарно-денежные отношения действуют с присущим социализму новым содержанием и не несут в себе ничего своего собственного, товарного содержания. Полностью преодолено и действие закона стоимости.

Утверждение о том, что уже на стадии социализма происходит полное преодоление товарного производства и действия закона стоимости и имеет место лишь использование старых стоимостных форм в практике хозяйствования, вызывает целую серию вопросов. Прежде всего возникает вопрос о причинах сохранения старых, товарно-денежных форм. Почему в противоположность взглядам классиков марксизма-ленинизма, что «единственная стоимость, которую знает политическая экономия, есть стоимость товаров»¹³, утверждается, будто товара нет, а стоимость есть. В чем причина того, что в условиях социализма функционируют

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 318.

товарно-денежные, стоимостные формы, но отрицается вместе с тем их реальное товарное содержание?

Известно, что планомерная форма хозяйствования приходит на смену товарно-денежной капиталистической форме. И логичным в этой связи должно быть утверждение о том, что именно непосредственно-общественное, планомерно организованное производство рождает адекватные себе формы и полностью вытесняет все те, которые были рождены прошлыми экономическими условиями. Вместе с тем создается какая-то странная картина — товарное содержание полностью преодолено, а вот формы, в которых прежде проявлялись товарные отношения, остаются. Правда, в условиях капиталистического способа производства также происходит использование старых форм, рожденных в предшествующий период времени. Но вся проблема заключается в том, что сами экономические условия капитализма и социализма, характер их возникновения и развития принципиально различны, что не может не вызвать ряда специфических явлений в интересующей нас области.

Формы, исторически предшествующие буржуазному обществу, по своему содержанию представляют собой одновременно и условия исторического возникновения, предпосылки производства прибавочной стоимости, и результаты функционирования самого капитала, его собственной формы. Именно прибавочная стоимость предопределяет социальное содержание и экономическую значимость таких категорий, как деньги, прибыль, рента, процент, которые имели место и до господства капитала. Но для того, чтобы раскрыть сущность, содержание и природу тех форм, которые были до капитализма и в которых в условиях господства буржуазных отношений проявляются сами капиталистические отношения, необходим подход, который позволил бы вывести реальный механизм и реальный исторический процесс пронизывания и наполнения старой формы новым содержанием.

Вместе с тем товарно-денежные отношения не могут выступать как формы исторически предшествующие непосредственно общественному планомерно организованному производству. Это очень правильно и довольно определенно подчеркивают сторонники несовместимости товарного производства с социализмом. Здесь как раз и видны логические противоречия в их системе взглядов, ибо никто из них не смог убедительно показать, обосновать причины сохранения этих старых форм, которые используются с новым содержанием лишь при определенных, конкретно-исторических обстоятельствах, а именно тогда, когда есть определенная историческая преемственность в предпосылках и результатах процесса воспроизводства на данном этапе развития общественного производства, но логически товарно-денежные формы не являются предпосылками социализма.

Не менее серьезным является вопрос и о том реальном содержании, которое эти старые, стоимостные формы выражают. Не-

сомненно, что любая категория в условиях непосредственно общественного планомерно организованного производства отражает собой социалистические отношения, отношения сотрудничества и взаимопомощи. Но бесспорным является также и то, что любая категория фиксирует какую-либо определенную, особую черту в системе производственных отношений. Не признавать этого — значит не видеть всей сложности в развитии науки и закрывать себе дорогу в решении вопроса создания системы категорий и законов политической экономии социализма. Вместе с тем конкретное содержание товарно-денежных отношений как специфически социалистических форм эта группа экономистов еще не раскрыла. Не раскрыт и механизм наполнения этих форм новым социалистическим содержанием. Совершенно справедливо ратуя за укрепление и совершенствование централизованного управления, эта группа экономистов не может раскрыть причины и основные пути совершенствования хозрасчетных отношений, планового ценообразования и повышения значимости рентабельности.

В 50—60-е годы в экономической литературе произошла определенная консолидация. Большинство советских экономистов считают, что социализм по своей природе является непосредственно общественным, планомерно организованным производством. И как таковой он преодолевает товарное производство как систему, как строй хозяйства, пронизывающий все звенья общественного производства. В этих условиях как исходное, так и основные отношения, а также система категорий, решающая эти отношения, в своей основе ничего общего с товарно-денежными отношениями не имеют. Возникают качественно новые, принципиально отличные от всех предшествующих этапов развития общественного производства формы и методы управления народным хозяйством. И они по своей природе экономические, ибо отражают собой требования, механизм действия специфических экономических законов социализма.

Однако вся сложность, вся противоречивость низшей фазы коммунизма заключается в том, что процесс превращения товара в «нетовар», в продукт непосредственно-общественного производства не завершается в рамках переходного периода от капитализма к социализму. В силу объективных причин этот процесс продолжается и на стадии социализма. На стадии социализма продукт труда не только в личном подсобном хозяйстве рабочих, служащих и колхозников и не только в колхозном секторе, но и в государственном, принимает форму товара. Не сошел с экономической сцены и закон стоимости. Те товарно-денежные отношения, которые функционируют на низшей фазе и которые в настоящее время признают все, имеют в определенном смысле свое реальное, специфическое для этих форм содержание. И при всем значении планомерных форм и методов управления эти товарно-денежные отношения, эти стоимостные формы оказывают свое воздействие на процесс производства. Об этом влиянии свиде-

тельствуется ежедневная практика, те объективные противоречия, с которыми мы сталкиваемся в реальной действительности.

Нагляднее всего влияние товарно-денежных отношений, стоимостных форм на производство, его структуру и динамику проявляется в проблеме рентабельности и планового ценообразования. Собственно говоря, все наши реформы оптовых цен (а их было за все годы немало) исходили из необходимости преодоления убыточности промышленности и в связи с этим системы дотаций, обеспечения определенной степени рентабельности как условия осуществления хозрасчетной заинтересованности предприятий в росте производства и повышения его эффективности.

Нельзя забывать указания XXV съезда КПСС о том, что в системе мер, разработанных партией в области руководства общественным производством, важное значение приобретают вопросы более умелого использования «...экономических стимулов и рычагов: хозяйственного расчета, прибыли, цены, премии»¹⁴.

Товарно-денежные отношения, функционирующие при социализме, не выступают как остатки, элементы капиталистического товарного производства. Капитализм полностью уничтожен, а вместе с ним уже вытеснены все те отношения, которые непосредственно связаны с буржуазными производственными отношениями. Товарно-денежные отношения, стоимостные формы, наполняясь социалистическим содержанием, сохраняют еще генетическую связь с такой формой, как товарное производство вообще.

Однако сама природа социализма, его характерные черты и свойства придают товарно-денежным отношениям определенные особенности, обуславливают специфическое место их в способе производства. Товарно-денежные отношения при социализме уже перестали быть исходным, определяющим моментом в процессе воспроизводства. Они уже не могут выступать как нормальный, господствующий тип производства, как его всеобщая форма. Товарное производство, хотя и имеет место, но оно играет подчиненную роль и находится на стадии своего преодоления. Именно исходное и основное отношения социализма, пронизывая товарно-денежные отношения, подчиняют их себе, предопределяют основные тенденции развития, формы и методы использования.

Это означает, что закон планомерного развития, основной экономический закон социализма подчиняют своему воздействию закон стоимости, предопределяют сферу, характер и последствия его действия. Эта подчиненная роль товарно-денежных отношений в социалистическом обществе проявляется по разным направлениям.

Главным, основным товаропроизводителем в социалистическом обществе выступает предприятие. В своей значительной части (не считая кооперативной формы хозяйствования) социалистические предприятия создаются, оснащаются средствами производ-

¹⁴ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 60.

ства обществом в лице социалистического государства. Государство, исходя из требований основного экономического закона и закона планомерного развития, определяет основные производственные функции каждого производственного звена, в планомерном порядке устанавливаются его связи с другими предприятиями. Таким образом, место и роль каждого производственного звена в системе общественного разделения труда определяется обществом в целом.

Сфера товарно-денежных отношений значительно сузилась. Это проявляется в том, что полностью потеряла свою товарную форму рабочая сила. А между тем появление специфического товара рабочая сила являлось одним из важнейших моментов в том, что товарное производство достигло своей наивысшей точки и превратилось в «нормальный тип», в господствующую форму хозяйствования¹⁵. Не принимают товарную форму действующие предприятия, земля, недра.

Товарно-стоимостная форма связи не является уже единственной господствующей, определяющей в системе общественного производства. Социалистическое обобществление процесса производства обусловило появление и господство новой формы связи — планомерной, которая объединяет все общественное производство в единое целое и создает специфическую форму его движения.

Планомерная форма связи и движения общественного производства находится в противоречии с функционирующими стоимостными формами. При этом «борьба» идет не только по линии подчинения товарно-денежных отношений планомерности, не только в смысле обуздания стихийности, но и в плане постепенного вытеснения из них реального товарного содержания.

Именно под воздействием социалистических производственных отношений ряд черт, свойств, особенностей товара уже преодолен. Преодолена стихийность развития общественного производства, полностью ликвидированы отношения конкуренции и анархии производства. Стоимостные формы под воздействием главным образом исходного и основного производственного отношений начинают уже нести новую социальную нагрузку, характерную для непосредственно обобществленного, планомерно организованного производства. Это находит свое проявление в месте и роли таких категорий, как финансы, государственный бюджет, кредит, плановая цена и т. д., которые постепенно наполняются качественно новыми отношениями, в корне отличными от товарных отношений, и начинают выполнять новые функции. Так, например, цена и при социализме выступает еще как денежное выражение стоимости, подвержена действию закона стоимости. Но она в значительной мере выступает как плановая цена, как эко-

¹⁵ «Лишь тогда, когда наемный труд становится базисом товарного производства, это последнее навязывает себя всему обществу; но лишь тогда оно может развернуть также все скрытые в нем потенции» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 601).

номическая форма, планомерно регулируемая государством. Коренные отношения социализма обуславливают тот факт, что одна из функций цены — мера стоимости — получает преобладающее развитие и цена начинает уже выступать как специфическая форма учета непосредственно общественного труда. Эта особенность проявляется в наибольшей мере в решении проблем планирования цен в соответствии с изменяющимися в перспективе условиями в самом процессе производства.

По мере повышения степени обобществления процесса производства происходит преодоление товарно-денежных форм. При этом следует заметить, что степень преодоления товарности на различных этапах развития социализма и в различных сферах общественного производства различна. В этой связи следует, прежде всего, выделить различные уровни: 1) общественное производство в целом и взаимоотношение между сферами, отраслями народного хозяйства; 2) взаимоотношение между обществом в целом в лице социалистического государства и предприятиями, а также между предприятиями; 3) взаимоотношение между государством и колхозами, а также между колхозами; 4) взаимоотношения в сфере движения предметов потребления. Государственная розничная торговля.

Анализ этих уровней приводит к выводу, что степень развития товарно-денежных отношений в них существенно различается. В наибольшей степени преодолено действие стоимостных форм на уровне общественного производства в целом и в процессе его взаимоотношения с отраслями. Этот верхний этаж экономики, если не полностью, то в преобладающей степени свободен от действия стоимостных форм. И именно здесь такая, например, форма, как государственный бюджет, полностью сбросила свою товарную форму и по существу выступает как специфическая форма движения ресурсов, выраженных, правда, еще в денежной форме. Здесь деньги в большей мере выступают только в своей функции учета затрат общественного труда. Они начинают уже функционировать как так называемые рабочие деньги, как квитанции, о которых говорил еще К. Маркс.

Существование при социализме стоимостных форм, в той или иной степени очищенных от своей товарной сущности, объясняется, на наш взгляд, рядом причин. Прежде всего следует заметить, что товарно-денежные отношения и соответствующие им экономические формы в наибольшей степени, чем натуральные, соответствуют условиям крупного машинного производства, основанного на прогрессирующей системе общественного разделения труда и систематического углубления его специализации. Из самой сути стоимостных форм, условий их возникновения следует, что они способны учитывать движение производства, соотношение затрат и результатов в условиях сложной системы взаимосвязанных и взаимообусловленных отраслей, возникновения и повышение значимости так называемых прямых и обратных связей.

С другой стороны, в условиях, когда полностью товарное производство еще не преодолено, когда есть реальная база для действительных стоимостных категорий, возникает весьма существенное обратное воздействие товарно-денежных отношений на исходное и основное производственное отношение. В особенности это обратное воздействие сказывается в сфере сопоставления затрат и результатов, а также в движении производственных ресурсов.

Предприятие, как уже отмечалось, непосредственно входит в единую народнохозяйственную систему, а результат его производственной деятельности — продукт труда — осуществляет свое движение в товарной форме. Единство процесса воспроизводства на уровне предприятия, сфер, отраслей всего общественного производства и создает неизбежность функционирования этих стоимостных форм на всех уровнях. При этом нельзя не заметить, что функционирование этих стоимостных форм в значительной степени связано с проблемами определения и соизмерения затрат общественного труда, а также с определением размера и направления движения вещественной части производственных ресурсов по отраслям и сферам народного хозяйства.

Вместе с тем именно единство воспроизводства, определяющая, главенствующая роль основных черт социализма создают возможность и необходимость постепенного вытеснения из знакомых нам форм старого, традиционного содержания. Но этого мало. Происходит рождение и укрепление новых форм, полностью соответствующих социалистическому содержанию. Такой формой, на наш взгляд, является народнохозяйственная трудоемкость, определяемая на основе межотраслевого баланса.

В наибольшей степени товарные отношения развиты в сфере отношений между государственными предприятиями, между государством и кооперативной формой хозяйствования, а также между колхозами, в сфере реализации предметов потребления и, наконец, на колхозном рынке.

Именно потому, что товарное производство при социализме находится на стадии своего преодоления, играет подчиненную роль, а его функционирование не может отменить общую, принципиальную оценку природы и характера социализма как непосредственно общественного, планомерно организованного производства, именно поэтому в «Курсе политической экономии» формула «товарное производство при социализме» заменена формулой «отношения товарного производства при социализме».

«В целях же отмежевания от той группы экономистов, которая превратила признание товарного производства в объявление социалистического производства системой товарного производства, — говорится в предисловии к третьему изданию «Курса политической экономии», — во втором и третьем издании говорится о наличии при социализме отношений товарного производства.

Этим сохраняется признание товарного производства не в качестве системы, а в качестве определенного круга отношений, оказывающих влияние на производство»¹⁶.

§ 2. О НОВОМ СОДЕРЖАНИИ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вопрос о соотношении социализма с товарно-денежными отношениями является наиболее сложным, дискуссионным и вместе с тем практически важным.

Прежде чем решать вопрос о генетическом соотношении социализма с товарно-денежными отношениями, необходимо четко договориться, о каком реальном, конкретном круге отношений идет речь. Давно назрела необходимость четко и ясно разграничить два существенно различных вида отношений: товарно-денежные отношения, характерные для досоциалистических способов производства, и товарно-денежные отношения с новым содержанием, присущим только социалистическому, планомерно организованному, непосредственно-общественному производству. В программных документах нашей партии говорится об использовании товарно-денежных отношений с новым содержанием. Товарно-денежные отношения с новым содержанием — качественно новый вид отношений, неизвестный ранее, возникший только при социализме и объективно необходимый для него вплоть до перехода к коммунизму. От этого вида система не должна освободиться, напротив, она должна использовать его как собственный необходимый элемент, на основе собственных, специфических социалистических законов.

Товарно-денежные отношения с их обычным, старым содержанием характерны для системы товарного, рыночного хозяйства. Товарное производство в его марксистско-ленинском понимании есть «...производство обособленных производителей, связанных между собою рынком»¹⁷.

Отсюда следует прежде всего, что субъектами отношений в этом случае выступают обособленно хозяйствующие производители (а ими могут быть и частные собственники и коллективно-групповые и государственные предприятия). Они не связаны единым народнохозяйственным планом, не получают каких-либо плановых заданий о том, что производить и сколько, кому реализовать произведенные продукты и по каким ценам. Они хозяйствуют по собственному усмотрению, на свой страх и риск, подчиняясь только одному авторитету — рынку. Они сами принимают решения о том, какие виды продуктов производить и в каком количестве, свободно выбирают поставщиков и потребителей, сво-

¹⁶ Курс политической экономии. В 2-х т. Т. 1. Под ред. Н. А. Цаголова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1973, с. 34.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 425.

ободно договариваются о ценах, условиях реализации и т. д. Они имеют возможность свободно переключаться с производства одного вида товаров на другой в зависимости от рыночной конъюнктуры. На языке марксистско-ленинской политической экономии такой способ экономической деятельности называется частной формой труда или обособленностью производителей. Продукт такого производства с самого начала является частным продуктом, носителем противоречия между частным и общественным трудом, следовательно, товаром по существу и по форме. Общественная значимость труда, воплощенного в товарах, выявляется здесь косвенным путем, через рынок, на основе колебаний спроса и предложений, стихийно складывающихся рыночных цен. Такой вид отношений внутренне связан с овеществлением производственных отношений, господством рынка и вещей над производителями, регулирующей ролью стихийно действующего закона стоимости, свободной конкуренцией, дифференциацией производителей и зарождением капиталистических отношений.

Совокупность названных выше черт и признаков, развивавшихся из одной и той же сущности — обособленности производителей в системе общественного разделения труда — и образует собственное содержание обычных товарно-денежных отношений, характерных для досоциалистических способов производства. Именно такой вид отношений рекомендуется авторами рыночных программ для социализма.

Товарно-денежные отношения с новым содержанием присущи системе планомерно организованного, непосредственно-общественного социалистического производства. Их наиболее характерные признаки можно свести к следующим. Субъектами отношений здесь выступают уже не обособленно хозяйствующие предприятия, а звенья единой системы, связанной единым народнохозяйственным планом. Каждая из хозяйственных единиц получает плановые задания по номенклатуре, ассортименту, объему производства, вступает в отношения с поставщиками и потребителями на основе планово-установленных длительных связей. Каждое из таких звеньев единого планового хозяйства обладает хозяйственно-оперативной самостоятельностью в рамках плана, но эта самостоятельность не превращается в экономическую обособленность, характерную для системы товарного производства. Продукт социалистических предприятий переходит из рук производителей в руки потребителей не безвозмездно, а по плановой цене, устанавливаемой обществом до рынка и независимо от него на основе общественно необходимых затрат труда. При такой форме связей между предприятиями нет отношений конкуренции, свойственных товарному производству, а развиваются отношения товарищеской взаимопомощи и сотрудничества в рамках единой планомерной организации социалистического производства. Продукт социалистических предприятий по своей сути является непосредственно-общественным продуктом, а не носителем противоре-

чия между общественным и частным трудом. Он сохраняет внешние элементы товарной формы (цена, эквивалентность обмена). Сохранение этих элементов имеет важное практическое значение, порождая специфический круг отношений между предприятиями. Но эти отношения далеко не тождественны тем отношениям, которые возникают в товарном хозяйстве на базе его основного противоречия между частным и общественным трудом.

В этом состоит коренная противоположность двух рассматриваемых видов отношений.

Новое содержание подчинено и новым законам — специфическим законам социализма, и в первую очередь закону планомерного развития и закону общественно необходимых затрат труда. Весь механизм функционирования этого вида отношений принципиально, по существу отличается от механизма функционирования товарно-денежных отношений со старым содержанием и порождает принципиально иной круг социально-экономических следствий. Товарно-денежные формы, наполненные новым содержанием, не ведут к дифференциации производителей и зарождению капиталистических производственных отношений, как это неизбежно происходит при товарно-денежных отношениях с их обычным содержанием.

Авторы современных рыночных программ фактически стремятся сохранить товарно-денежные отношения с их старым содержанием, характерным в своей основе для всех досоциалистических способов производства. Что означают такие товарно-денежные отношения с практической точки зрения? В самой общей форме они означают отказ от директивного централизованного планирования и управления и передачу функций регулирования экономики рынку и его законам. Более конкретно этот переход связан с осуществлением следующих мероприятий.

1) Отказ от централизованного планирования номенклатуры, ассортимента и объема производимых изделий. Предоставление предприятиям права самим решать этот вопрос, сообразуясь с рынком, уровнем цен и рентабельностью производства тех или иных изделий. Эта мера имеет исходное и решающее значение на пути перехода от нового содержания к старому содержанию товарно-денежных отношений. Как только предприятия сами, по собственному усмотрению, на свой страх и риск станут определять что, как и сколько производить, ориентируясь на рынок, — их продукт станет частным продуктом, носителем противоречия между частным и общественным трудом со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2) Отказ от централизованной системы материально-технического снабжения и замена ее свободной торговлей средствами производства. Эта мера внутренне связана с первой. Если предприятию предоставляется возможность самому менять номенклатуру и ассортимент производимых товаров, то необходимо создать для него условия, чтобы оно в любое время могло приобрести

необходимые средства производства для производства новых видов изделий.

3) Предоставление предприятиям права свободного выбора поставщиков и потребителей в зависимости от выгодности тех или иных сделок.

4) Введение свободных «договорных» (а по существу стихийно складывающихся) рыночных цен.

5) Предоставление предприятиям права осуществлять капитальные вложения по собственному усмотрению в те отрасли, которые они считают прибыльными.

Совокупность этих мер и означает с практической точки зрения замену нового содержания товарно-денежных отношений при социализме их старым содержанием, регулируемым совершенно другими законами. Это — переход от системы непосредственно общественного производства к системе товарного производства (или к рыночной экономике).

Товарно-денежные отношения с новым содержанием имеют со старыми товарными отношениями то общее, что сохраняется цена и эквивалентность (или возмездность) при переходе продукта от производителя к потребителю. Продукт имеет двойственную форму — потребительную стоимость и цену. Но за этими общими чертами в сфере обмена скрывается различная сущность в сфере производства.

§ 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС

Повышение эффективности общественного производства является важнейшим элементом экономической стратегии партии. Этой задаче должна быть подчинена вся работа по совершенствованию хозяйственного механизма. Речь идет о том, в частности, чтобы наиболее обоснованно и продуманно сочетать укрепление централизованного планирования с развитием хозяйственной инициативы низовых хозрасчетных звеньев, с повышением их заинтересованности в выполнении плановых заданий и ответственности за свою деятельность. В этой связи Л. И. Брежнев в своем докладе на XXV съезде КПСС говорил о необходимости более умелого использования экономических рычагов и стимулов. К ним он прежде всего относил хозрасчет, цены, прибыль.

Надо подчеркнуть особую роль, которую занимают цены в системе экономических рычагов. Нормальное функционирование хозрасчетных предприятий (объединений) возможно лишь на основе экономически обоснованных цен. При завышенных ценах на свою продукцию предприятие, незначительно относящееся к использованию выделенных ему государством ресурсов, будет иметь неплохие экономические показатели. И наоборот, при заниженных ценах хорошо работающее предприятие будет иметь неудовлетворительные экономические показатели, станет мало рента-

бельным или даже убыточным. Еще более зависят от экономической обоснованности цен такие важные инструменты управления, как прибыль, рентабельность производства.

Партия и советское государство, овладевая экономическими законами социалистической экономики, ставят на службу интересам построения социализма и коммунизма также и цены. Сама цена подвергается плановому руководству со стороны государства, используется им для управления народным хозяйством. Поэтому для социалистической экономики характерной является не вообще категория цены, а категория плановой цены, сознательно устанавливаемой соответствующими государственными органами. Таким образом, цена становится объектом планирования. Вместе с тем государство использует установленную им плановую цену как инструмент воздействия на деятельность хозрасчетных звеньев хозяйства, цена становится орудием плановой деятельности государства; с ее помощью государство воздействует на хозрасчетные интересы предприятий (объединений), обеспечивает правильное сочетание общественных и коллективных интересов.

Конечно, эту свою роль цена может играть лишь в тех случаях, когда она экономически обоснована. Всякий волюнтаризм противоречит природе плановой цены в социалистической экономике.

Известно, что в условиях социалистического хозяйства еще нет необходимых экономических и организационных условий для прямого учета затрат труда. Этому препятствуют сохраняющиеся социальные различия в труде (труд на государственных и колхозных предприятиях), различия в квалификации и интенсивности труда и ряд других причин. В этих условиях общественно необходимые затраты труда находят свое проявление в стоимости созданного этим трудом продукта. Стоимость выражается в цене продукции. Однако было бы неправильно представлять себе, что в условиях социализма ценообразование должно опираться только на закон стоимости. Сложность категории цены находит свое выражение в том, что цена подвержена влиянию многих экономических законов, и прежде всего закона планомерного развития, а также закона непрерывного роста производительности труда.

Из сказанного ясно, что более умелое использование цены в хозяйственном управлении предполагает прежде всего лучшее выражение в ней общественно необходимых затрат труда. Большой шаг в этом направлении был сделан в результате реформы оптовых цен, проведенной в 1967 г. Однако последующая практика ценообразования показала, что в ходе этой реформы были решены далеко не все вопросы совершенствования ценообразования, приближения цен к общественно необходимым затратам труда. Остановимся на некоторых из них. Базой цены является себестоимость продукции. Между тем ряд вопросов совершенствования калькулирования затрат к моменту осуществления рефор-

мы цен оказался методологически неподготовленным. Экономическая наука тех лет сосредоточила свое внимание на проблеме формирования модели цены, а также спорах вокруг так называемого вопроса об едином уровне цен. Такой же важный вопрос, как вопрос об элементах себестоимости, о правильном разграничении затрат, включаемых в себестоимость продукции и, следовательно, в цену, и затрат, финансируемых непосредственно из государственного бюджета, серьезному рассмотрению подвергнут не был. Так, например, в ходе реформы в себестоимость горного сырья и топлива были лишь частично включены затраты на геологоразведочные работы. Впоследствии в девятой пятилетке доля затрат, отражаемых в себестоимости, была повышена. Однако полностью этот вопрос не решен до сих пор. Тем самым существенно занижена себестоимость ряда видов продукции добывающих отраслей промышленности, и прежде всего нефти и газа.

Точно так же недостаточный учет в себестоимости последующих затрат на рекультивацию земель при открытых разработках (восстановление земного покрова для сельскохозяйственного или иного использования) не дает необходимого представления о затратах общественно необходимого труда при открытых разработках ископаемых. Вопрос о правильном учете затрат государства на обеспечение необходимыми источниками воды стоит в ряде отраслей производства, где эти затраты значительны (черная металлургия, большинство отраслей химической промышленности). Не разработан вопрос о возмещении со стороны промышленности затрат государства, вызванных отводом ей земельных участков (дополнительные расходы государства, вызванные необходимостью компенсировать исключенные из сельскохозяйственного оборота земли — распашкой других земель или повышением урожайности остающихся).

Важность этих вопросов заключается не только в том, что таким образом цены полнее приближаются к общественно необходимым затратам и достигается большая обоснованность в оценке эффективности тех или иных технологических процессов, но и в том, что у предприятий создаются дополнительные стимулы к экономному использованию природных ресурсов.

Не менее важным вопросом для ценообразования является правильное определение затрат на каждый вид изделий в многономенклатурном производстве. К моменту реформы не были разработаны обязательные для всех предприятий правила разнесения общезаводских, цеховых и других накладных расходов на единицу изделия. В результате себестоимость единичных изделий могла существенно колебаться, особенно, если на предприятии преобладал так называемый котловый метод распределения затрат. В разные периоды в зависимости от интересов предприятия, а может быть, даже и произвольно, одно и то же изделие могло оказываться для предприятия высоко рентабельным или убыточным. В ходе девятой пятилетки по большинству отраслей

промышленности были разработаны отраслевые инструкции по планированию и калькулированию продукции. Однако эти инструкции медленно внедряются в практику, и вопрос остается актуальным.

Серьезным является также вопрос о том, какая себестоимость должна быть положена в основу цены. Отдельные хозяйственники делают попытки определить цены на основе своей индивидуальной себестоимости. Однако если строить цену на среднеотраслевой себестоимости или на себестоимости предприятий, производящих большинство аналогичных изделий в отрасли, то вопрос, все ли расходы, включенные в затраты отрасли, являются общественно необходимыми, остается открытым. Задачи активизации борьбы за повышение эффективности производства предполагают, что из такой себестоимости должны исключаться все непроизводительные расходы, неоправданные затраты сырья и материалов, расходы по браку. Все это означает, что при установлении цены должны приниматься во внимание не все затраты предприятий, а действительно общественно необходимые. Это предполагает, что государственные органы ценообразования должны активно вмешиваться в формирование затрат на предприятиях, квалифицированно анализировать представляемые им калькуляции. В перспективе это требует все большего внедрения в дело калькулирования различного рода нормативов расхода материалов и сырья, трудоемкости, степени загрузки оборудования и других с тем, чтобы основой цены все больше становились не отчетная и не плановая, а именно нормативная себестоимость.

Этому будут способствовать также все шире внедряемые в практику ценообразования нормативно-параметрические методы, по которым установление цен на новую продукцию базируется не только на уровне себестоимости, но и на соотношениях потребительских свойств и потребительского эффекта по сравнению с аналогичной продукцией.

В ближайшее время подлежит также решению вопрос о включении в себестоимость продукции затрат государства на воспроизводство рабочей силы. В экономической литературе по этому вопросу сложились три точки зрения.

Сторонники первой считают необходимым включать в себестоимость все затраты государства на формирование общественных фондов потребления в части, приходящейся на работников сферы материального производства. При этом имеется в виду установление специальных отчислений государству в процентах к заработной плате. Эта точка зрения аргументируется в основном тем, что не будь таких фондов, был бы соответственно повышен уровень номинальной заработной платы, что неизбежно сказалось бы и на уровне себестоимости. Экономисты, выдвигающие это предложение, на наш взгляд, не учитывают следующих обстоятельств: социальные расходы — такие, как пенсии престарелым, бесплатное образование и бесплатное здравоохранение, —

являются одной из функций социалистического государства и возложение их на предприятия противоречило бы его социально-экономической природе. При этом следует учитывать, что уровень таких расходов мало зависит от предприятий, а политика партии на неуклонное повышение номинальной заработной платы будет вести к непрерывному росту этих расходов. Кроме того, включение этих расходов в себестоимость неизбежно потребует во многих отраслях народного хозяйства повышения оптовых цен. Появление в распоряжении государственного бюджета новых доходных источников мало скажется на других доходах бюджета, и прежде всего на налоге с оборота. В результате повышение оптовых цен приведет лишь к росту государственных дотаций на поддержание уровня розничных и закупочных цен, на компенсацию удорожания капитального строительства. Иными словами, произойдет излишнее и неоправданное раздувание потоков финансовых ресурсов, усложнение финансовой работы. Что касается аргумента сторонников, считающих, что якобы при их предложении повысятся возможности применения новой техники в тех отраслях, где оно сейчас малоэффективно, то следует учитывать, что в настоящее время основным является вопрос не о внедрении малоэффективной техники, а о повышении эффективности вновь создаваемой техники.

Сторонники второй точки зрения занимают компромиссную позицию и предлагают повысить отчисления в общественные фонды потребления, формируемые в настоящее время в органах социального страхования, до размера этих расходов, т. е. примерно вдвое. Практически это означает возложение на отрасли народного хозяйства выплаты пенсий неработающим по инвалидности и старости. Нам представляется это предложение экономически необоснованным, поскольку и здесь идет речь о возложении на хозяйственные организации задач, которые должно решать государство. Так же как и первое предложение, это предложение не будет иметь существенного хозяйственного значения.

Поэтому мы являемся сторонниками третьего предложения, по которому платежи государству устанавливаются не в процентах к заработной плате, а в зависимости от численности работающих. Производя эти платежи, предприятия будут компенсировать государству затраты на подготовку для них рабочей силы (высшее и среднее образование, школы профессионально-технического обучения и др.). Достоинством такого решения вопроса является то, что такой платеж будет создавать у предприятий заинтересованность в снижении численности работающих, т. е. в повышении производительности труда, этом важнейшем показателе эффективности производства. Такие платежи могут дифференцироваться в зависимости от состояния баланса рабочей силы в отдельных районах страны, а также по категориям работающих. Вместе с тем при их введении не потребуется в большинстве случаев изменения уровня оптовых цен.

Таковы некоторые вопросы совершенствования содержания категории себестоимости и лучшего отражения в ней общественно необходимых затрат труда, вытекающие из решений XXV съезда КПСС.

Вторым элементом цены наряду с себестоимостью, как известно, является рентабельность. Уровень рентабельности также не может формироваться произвольно. Он выражает соотношение между фондом накопления и фондом потребления. При реформе цен в среднем уровень рентабельности был определен в 15% к производственным фондам. В десятой пятилетке сложились некоторые основания к его понижению. Это намеченное пятилетним планом перераспределение национального дохода в пользу фонда потребления. Кроме того, изменилось стоимостное выражение самой базы, к которой исчисляется рентабельность, произошла переоценка основных производственных фондов, в результате которой величина их повысилась. Надо учитывать также, что фактически средний уровень рентабельности в промышленности (но не по всем отраслям) сложился несколько выше нормативного. Все это, казалось бы, выдвигает задачу снижения оптовых цен на промышленную продукцию уже в ближайшие годы. Однако к этому надо подходить осторожно. Включение в себестоимость ряда новых элементов, о чем говорилось выше, само по себе в ряде отраслей должно повлиять на уровень рентабельности в сторону понижения. Кроме того, актуальным является вопрос об использовании части прибыли промышленности на содержание всех научных учреждений, входящих в систему промышленных министерств, что не учитывалось при реформе 1967 г. Наконец, интересы укрепления хозяйственного расчета требуют увеличения доли собственных накоплений промышленности в ее расширенном воспроизводстве. Во всяком случае техническое перевооружение предприятий, их реконструкция должны осуществляться за счет средств промышленности.

Крайне актуальным является вопрос о методах исчисления рентабельности применительно к отдельным изделиям. Согласно ныне действующему порядку рентабельность к производственным фондам определяется лишь применительно к отраслям (подотраслям) промышленности и хозрасчетным объединениям (предприятиям) в целом. Что касается рентабельности, учитываемой при определении цены конкретного изделия, то она по-прежнему определяется по установленному нормативу к себестоимости. Правда, между этими двумя методами есть определенная связь. Норматив себестоимости исходит из плановой суммы прибыли, определенной на основании действующего для данной отрасли (подотрасли) норматива к производственным фондам. При изменении второго норматива будет соответственно изменяться и первый. Однако так обстоит дело лишь при самом исчислении планового норматива. Что касается размера прибыли, учитываемой в составе цены продукции, она оказывается тем большей, чем

выше себестоимость изделия. Такой порядок не способствует заинтересованности предприятий в снижении себестоимости. Наиболее задетой оказывается при этом материалоемкость изделий, которая труднее поддается нормированию и контролю, чем непосредственные затраты живого труда. Между тем на XXV съезде КПСС указывалось на необходимость использования цены для стимулирования снижения расхода материалов. Этому требованию действующий порядок исчисления себестоимости не отвечает. Чем дороже применяемый материал и выше нормы его расхода, чем дороже приобретаемые со стороны комплектующие изделия и полуфабрикаты, тем выше оказывается масса прибыли на единицу изделия.

В целях устранения этого крупного недостатка в действующей системе ценообразования в ряде случаев высказывается предположение исчислять рентабельность отдельных изделий по тому же принципу, что и предприятия в целом, т. е. в процентах к используемым при производстве этого изделия производственным фондам и прежде всего к орудиям труда. Однако в большинстве отраслей промышленности, где на одном и том же оборудовании производятся разные изделия, определение фондоемкости каждого из них оказывается практически невозможным. Искусственное же распределение прибыли по каким-либо установленным коэффициентам ослабило бы значение цены и прибыли в экономике производства, поэтому оно также является неприемлемым. Поэтому крайне актуальной задачей является нахождение других методов распределения прибыли между отдельными видами изделий.

В связи с этим выдвигается предложение исчислять рентабельность только к собственным затратам предприятий (затраты заработной платы, общезаводские и цеховые расходы), не учитывая, таким образом, не только покупные комплектующие изделия, но и расходы на сырье и материалы в целом. Видимо, в отдельных отраслях принятие такого предложения является возможным. При этом, однако, надо учитывать, что при этом методе ослабляется заинтересованность предприятий в обоснованной кооперации и специализации с другими предприятиями, что опять-таки противоречило бы требованиям технического прогресса. Кроме того, опыт исчисления рентабельности к нормативной стоимости обработки в легкой промышленности показал, что в отраслях, где речь идет об удовлетворении самых разнообразных потребностей населения, этот метод лишает предприятия заинтересованности в применении более качественных и, следовательно, более дорогих видов сырья. Все это заставляет считать, что вопрос о методах исчисления рентабельности по изделиям должен решаться конкретно, применительно к особенностям отдельных отраслей промышленности. При этом, видимо, наибольшее распространение должна получить система двойного норматива — повышенного для собственных затрат предприятий и существен-

но более низкого для затрат материалов, покупных полуфабрикатов и комплектующих изделий. В целом эти оба норматива должны соответствовать ныне действующему нормативу рентабельности.

XXV съезд КПСС особо подчеркнул необходимость всемерного использования стимулирующей роли цены. «Осуществить мероприятия по дальнейшему совершенствованию оптовых цен и тарифов. Повысить стимулирующую роль цен в ускорении научно-технического прогресса, обновлении и улучшении качества продукции, рациональном использовании материальных ресурсов. При установлении оптовых цен на новые изделия, особенно на машины и оборудование, предусматривать снижение их уровня на единицу полезного эффекта»¹⁸.

Реализация этого указания должна осуществляться по двум направлениям. С одной стороны, следует и дальше приближать цены к общественно необходимым затратам труда, так как только таким путём цена может выполнять свою роль в качестве общественного параметра эффективности мероприятий по новой технике, новым капитальным вложениям, эффективности внешне-торговых связей и т. д. Установление цен на уровне, близком к общественно необходимым затратам, вместе с тем стимулирует повышение эффективности производства, поскольку ставит в менее выгодные экономические условия отстающие предприятия и в то же время создает максимально благоприятную обстановку для передовых предприятий.

Однако этого недостаточно. Не менее важным является и второе направление совершенствования механизма ценообразования, а именно планомерное отклонение цен от общественно необходимых затрат в целях обеспечения более высокой рентабельности, чем средняя при производстве технически прогрессивных изделий, а также изделий, пользующихся большим спросом населения и, наоборот, низкой (а в ряде случаев и нулевой) рентабельности для изделий морально устаревших, а в части товаров народного потребления — не пользующихся спросом населения. Разумеется дифференциация рентабельности изделий является сильным оружием в руках государства в деле воздействия на номенклатуру и ассортимент изделий, производимых на предприятиях.

При разработке указанных направлений совершенствования цен экономическая теория и практика сталкиваются с очень трудными вопросами. Дело в том, что технический прогресс требует устойчивости плановых показателей, доводимых до предприятий на период, по меньшей мере, нескольких лет. Только такой устойчивый план обеспечивает коллективу предприятия длительную перспективу развития, необходимую для перестройки производства на изготовление новых изделий, внедрение новой технологии и т. д. При этом речь идет не только о натуральных показателях

¹⁸ Материалы XXV съезда КПСС, с. 173.

плана, но и стоимостных — объеме реализованной продукции, сумме прибыли, платежах государству и т. д. Нет сомнения, что дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма приведет к расширению принципа применения длительно действующих нормативов, таких, как нормативы формирования фонда заработной платы, распределения прибыли между государственным бюджетом, министерством и низовым хозрасчетным звеном. Стабильность стоимостных показателей плана и нормативов требует также и стабильности цен, на базе которых сформированы эти показатели и нормативы.

С другой же стороны, изложенные выше требования к цене предполагают ее некоторую подвижность. Ведь общественно необходимые затраты труда изменяются по мере роста эффективности производства, экономии прошлого труда и повышения производительности живого труда. Если цены при этом будут оставаться неподвижными, будет происходить все больший отрыв цен от общественно необходимых затрат труда и ослабляться их роль в хозяйственной жизни, подрываться хозяйственный расчет. Такое положение уже имело место перед реформой 1967 г., когда многие отрасли промышленности и тем более отдельные предприятия стали убыточными, а другие, наоборот, — необоснованно рентабельными. При неподвижных ценах становится также невозможным их использование для стимулирования технического обновления продукции и повышения ее качества. Поэтому важнейшим вопросом совершенствования механизма ценообразования в свете указаний XXV съезда КПСС является нахождение правильных соотношений между устойчивостью цен и их необходимой гибкостью.

Видимо, этот вопрос следует разделить на два, хотя и тесно связанных друг с другом: изменение уровня цен по отдельным группам продукции и целым отраслям промышленности и изменение цен на отдельные изделия в пределах этого уровня.

Остановимся сначала на первом. Изменение уровня цен должно следовать за изменением уровня общественно необходимых затрат труда. Правда, при этом определенная доля экономии от снижения уровня затрат используется государством для повышения номинальной заработной платы и в этой части не будет влиять на уровень себестоимости и, следовательно, не будет вызывать необходимости в изменении цен. Необходимость в изменении уровня цен возникает тогда, когда изменение общественно необходимых затрат находит свое проявление в необоснованном изменении рентабельности производства (повышении или снижении). Кроме того, очевидно, что изменение уровня затрат должно вести к изменению цен лишь тогда, когда оно стало значительным и изменение рентабельности начинает наносить вред хозяйственному расчету и искажать роль цен как общественного параметра эффективности. Все это означает, что, как правило, изменения уровней цен не должны быть частыми. Большинство эконо-

номистов высказывается за то, чтобы цены изменялись раз в пять лет и при этом в такие сроки, чтобы новый пятилетний план мог бы быть составлен в новых ценах. Надо признать, что такое решение вопроса было бы наиболее желательным. Однако оно сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего в отдельных отраслях промышленности и в первую очередь в таких отраслях машиностроения, как электронная, радиотехническая, частично электротехническая и некоторые другие, изменения затрат и обновление номенклатуры производства происходит в более частые сроки. В этих отраслях снижение цен раз в пять лет будет вести к систематическому завышению цен и неправильной оценке эффективности новой техники. Опыт показывает, что в такого рода отраслях с быстрыми темпами технического прогресса изменение цен необходимо проводить два раза в пятилетие. Надо учитывать также, что в ходе исполнения пятилетнего плана часто возникают вопросы, решение которых требует применения механизма цен. В девятой пятилетке так обстояло дело, например, с необходимостью усиления влияния потребителя на номенклатуру проката черных металлов, что потребовало внесения крупных поправок в прейскурант этой продукции и некоторого изменения общего уровня цен на нее. Однако надо признать, что по большинству отраслей промышленности и видов производства изменение общего уровня цен один раз в пятилетие возможно.

К сожалению, сложность пересмотра прейскурантов, необходимость учета взаимных удорожаний и удешевлений, важность отражения в новом уровне цен задач и директив предстоящего пятилетнего плана при существующем уровне методологии разработки прейскурантов и использовании электронно-вычислительной техники делает практически невозможным их подготовку в такие сроки, чтобы каждый пятилетний план составлялся в новых ценах. Точнее, введение новых цен с начала пятилетки конечно возможно, но в большинстве случаев это уже будут устаревшие цены. Поэтому в настоящее время, по нашему мнению, было бы правильным изменять общие уровни цен раз в пять лет, но для того чтобы эти цены выражали требование пятилетнего плана, вводить их со второго или третьего года пятилетки, с соответствующим пересчетом показателей плана и нормативов. При этом имеется в виду, что процедура пересчета плана должна быть значительно упрощена.

Вторая группа вопросов связана, как мы указывали, с использованием цен для стимулирования технического прогресса и качества продукции. Здесь непосредственно общий уровень цен на продукцию не затрагивается, а речь идет об установлении цен на новые виды продукции. XXV съезд КПСС выдвинул в связи с этим очень важное положение о том, что цены на изделия новой техники в расчете на единицу их полезного эффекта должны снижаться. Вместе с тем производство новой техники должно быть для производителя более выгодным, чем старой. По наше-

му мнению, решение этих крайне важных для ускорения технического прогресса вопросов должно решаться в следующих направлениях:

— повсеместного введения в практику конструирования новых изделий лимитных цен, обеспечивающих достаточно высокую экономическую эффективность новой техники и возможность в дальнейшем установлении оптовых цен на единицу полезного эффекта более низких, чем по старым изделиям;

— совершенствования механизма возмещения предприятиям за счет специальных фондов временно повышенных затрат, связанных с производством новой техники;

— всемерного расширения применения ступенчатых цен, предусматривающих на стадии, когда техника является передовой, получение производителем с помощью надбавки к цене части дополнительного экономического эффекта от ее применения. Эта надбавка должна идти непосредственно в фонды материального поощрения предприятия производителя и не учитываться в его плане; наоборот, по мере морального старения с цены такого изделия должна производиться скидка. Вопрос о том, должна ли скидка эта передаваться покупателю или же зачисляться в бюджет, должен решаться конкретно, в зависимости от характера изделия и возможностей его замены другим, более совершенным. При этой схеме планы разрабатываются исходя из цены периода полного освоения изделия, т. е. без надбавок и скидок.

Механизм надбавок и скидок к ценам должен получить также гораздо более широкое применение и в целях стимулирования повышения качества продукции.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС отмечалось, что «...в 1976—1990 годах страна будет располагать примерно вдвое большими материальными и финансовыми ресурсами, чем в истекшем пятнадцатилетии. Тем самым создаются новые возможности для решения основных социально-экономических задач, поставленных Программой партии, последними съездами. Это относится прежде всего к дальнейшему повышению благосостояния советских людей, улучшению условий их труда и быта, значительному прогрессу здравоохранения, образования, культуры — ко всему, что способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни»¹. Современный этап развития экономической науки характеризуется поэтому большим вниманием к проблемам непроизводственной сферы. Об этом свидетельствуют многочисленные монографии и статьи, в которых анализируются как частные, так и общие проблемы экономики непроизводственной сферы. Множатся попытки осмыслить место и роль непроизводственных отраслей в системе экономических отношений.

В то же время, несмотря на возросшее внимание к этим вопросам, в литературе, на наш взгляд, все еще преобладают упрощенные, чрезмерно абстрактные и односторонние представления по ряду ключевых теоретических проблем экономики непроизводственной сферы. Обобщенным выражением этого является исключение некоторыми экономистами непроизводственной сферы из области действия экономических законов.

В защиту этой концепции нередко приводятся известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о предмете политической экономии. Так, из «Анти-Дюринга» берется следующее определение: «Политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом мате-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 40.

риальных жизненных благ в человеческом обществе»². Знаменитое «Введение» из «Экономических рукописей 1857—1858 годов» открывается словами. «Предмет исследования — это прежде всего *материальное производство*»³. Значит ли это, что только материальное производство должно изучаться экономистами? И как быть в таком случае с реальными экономическими проблемами непроизводственных отраслей, которые выдвигает практика?

Довольно значительная группа экономистов попыталась найти оправдание исследованию непроизводственной сферы в политической экономии в мнимой тождественности ее с материальным производством⁴. По мнению этих авторов, единственным путем включения нематериального производства в систему производственных отношений было бы перенесение на него характеристик производства материальных благ. Делались попытки доказать, что нематериальные блага якобы «так же производятся, как и продукты материального производства»⁵. Только полное тождество процессов труда и экономических отношений в обеих сферах народного хозяйства могло будто бы обеспечить возможность их совместного рассмотрения в политической экономии. Эта попытка включения непроизводственной сферы в совокупность производственных отношений имела целью согласовать данную позицию с рядом высказываний классиков о характере производственных отношений. В частности, Ф. Энгельс писал в рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии», что «...политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами и проявляются как вещи*»⁶. По сути дела речь шла о простом расширении понятия «материальное производство», и хотя термины «материальное» и «нематериальное» производство сохранялись в указанных работах, усилия экономистов были направлены главным образом на доказательство несущественности различий этих двух групп отраслей.

Существенно также, что аргументы, оправдывающие рассмотрение непроизводственной сферы в рамках экономической науки, относились, как правило, не ко всем непроизводственным отраслям, а лишь к таким, как образование, наука, культура. Что же касается экономических проблем сферы управления или охраны общественного порядка, то они по-прежнему оказывались как бы несуществующими. Важно и то, что вся теоретическая проблематика экономики непроизводственной сферы сводилась по сути

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 150.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 17.

⁴ См.: Глязер Л. Некоторые вопросы методологии планирования общественных фондов потребления. М., 1966; Агабабян Э. М. Экономический анализ сферы услуг. М., 1969; США: сфера услуг. М., 1971; Марксистско-ленинская теория стоимости. М., 1971; Медведев В. А. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М., 1968.

⁵ Марксистско-ленинская теория стоимости, с. 131.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 498.

дела к вопросам о производительном или непроизводительном характере занятого в этой сфере труда и его способности создавать стоимость. Именно в создании стоимости многие видели единственно возможный способ участия нематериального производства в системе производственных отношений. При всей важности вопроса о том, какой труд создает стоимость, серьезной ошибкой было бы забывать, что стоимость есть лишь одно из экономических отношений. Социализм выдвигает на передний план отношения, составляющие прямую противоположность стоимостным, хотя и сохраняет, использует эти последние, насыщая их новым содержанием.

На самом деле в определении предмета экономики непроизводительной сферы основная проблема состоит совсем не в том, чтобы доказать или опровергнуть подобие этой сферы материальному производству, хотя такие сопоставления должны проводиться, особенно на предварительной стадии работы; задача состоит в отыскании собственного места непроизводственных отраслей в системе общественного воспроизводства, раскрытия присущих только им особенностей. Марксистская методология подсказывает следующий путь решения этой задачи: необходимо попытаться выяснить, каким образом сами производственные отношения материального производства в силу логики собственного развития порождают экономические отношения в непроизводительной сфере. Представляется, что такой подход позволит не только составить правильное представление о новой области экономических знаний, но и осознать смысл приведенных выше высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса.

Конечно, эти высказывания не являются формальными определениями, «запрещающими» изучать непроизводительную сферу в политической экономии. Определяющим признаком экономических, производственных отношений, отличающим их от всяких иных отношений, складывающихся в человеческом обществе, является не сфера их действия (в материальном производстве мы тоже находим не только те отношения, которые изучаются политической экономией), а объективный характер.

Объективный характер производственных отношений обуславливается тем, что они «...складываются, не проходя через сознание людей...»⁷. Материальные, независящие от воли и сознания людей, условия производства жизненных благ прямо определяют совокупность тех или иных производственных отношений. Изменение этих условий неизбежно влечет за собой ликвидацию старых производственных отношений и возникновение новых форм общественного устройства.

Отношения, независящие от воли и сознания людей, есть и в непроизводительной сфере, но тем не менее К. Маркс и Ф. Эн-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

гельс далеко не случайно связывали предмет политической экономики прежде всего с материальным производством. И объясняется это не только малой развитостью непроизводительной сферы в эпоху, в которую они жили.

Дело в том, что экономические отношения могли первоначально возникнуть только в материальном производстве. Они, как известно, являются общественной формой, способом организации производительных сил, с помощью которых человек, непосредственно воздействуя на природу, воспроизводит свою материальную жизнь. Именно безусловная необходимость материального производства и отсутствие свободы в выборе его форм и породили определяющие отношения человеческого общества, его базис. Поэтому, если мы хотим понять экономический строй общества и изучающую его науку с точки зрения внутренней логики их развития, необходимым в качестве первичного, исходного окажется энгельсовское определение политической экономики как науки «о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ».

Проблема в том, чтобы проследить, как это определение развивается, постепенно охватывая и отрасли непроизводительной сферы.

Это развитие происходит потому, что движение материальных благ в определенной общественной форме включает в сферу действия экономических законов тех членов общества, которые не заняты непосредственно производством и обменом этих благ. Отношения производства и обмена неизбежно порождают отношения, связанные с дальнейшим распределением и потреблением благ. Уже сам по себе способ получения дохода и потребления материальных благ делает работников непроизводительной сферы участниками экономической жизни общества. Потребление благ, созданных другими людьми, есть непосредственное проявление отношений присвоения, т. е. собственности, иначе говоря, экономических отношений. Для того чтобы человек, не занятый в материальном производстве, мог потреблять его продукцию, он должен быть связан с непосредственными производителями такими экономическими отношениями, которые заставляют производителя передавать ему продукт своего труда.

Эти отношения могут быть различными. Так, на разных основаниях получают свою долю общественного продукта капиталист и феодал, лакей и государственный чиновник, работник непроизводительной сферы при капитализме и при социализме. Но потребление всех этих лиц (как и самих работников материального производства) непременно опосредуется отношениями собственности.

Для некоторых из экономических агентов отношения потребления возникают непосредственно в материальном производстве. Почти полностью внутри производства определяется потребление создателей материальных благ. В антагонистических формациях

то же относится и к прямым эксплуататорам их труда. Другие категории потребителей получают материальные блага на основе отношений, которые складываются на дальнейших стадиях движения продукта. Так, включаются в экономические отношения лица, занятые организацией обмена и потребления материальных благ (работники торговли и обслуживания). Наконец, есть лица, потребляющие общественный продукт на основании деятельности, обеспечивающей внешние условия производства, распределения, обмена и потребления материальных благ другими людьми (военнослужащие, чиновники), и особой роли в системе государственных институтов (монарх, священник). В этих случаях известная независимость отношений распределения и потребления от непроизводственных отношений материального производства, на которых они основаны, выступает особенно ясно.

Каким же образом работники непроизводственной сферы вступают в отношения по поводу материальных благ? Во-первых, труд их почти всегда в той или иной мере направлен на доведение материальных благ до потребителя. Это относится не только к труду продавца, повара или официанта, практически вся непроизводственная сфера является сферой общественно организованного потребления. Так, в труде работников школ, больницы, театров есть элементы организации потребления специально построенных зданий, оборудования и т. д., которые выступают в этом плане как предметы потребления длительного пользования. Но, конечно, не это в их труде главное, во всяком случае не только за это они получают материальные блага. Поэтому основное внимание нужно уделить тем элементам их деятельности, которые не направлены непосредственно на продукты материального производства.

Участие большинства работников непроизводственной сферы в распределении и потреблении материальных благ определяется в первую очередь тем, что они предоставляют производителям или владельцам этих благ некоторые другие блага, без которых материальное производство не могло бы вестись на данном техническом уровне и в данной общественной форме. Эти блага представляют собой сохранение и изменение в нужном направлении человеческой личности (рабочей силы) и общественных отношений. Таким образом, обнаруживается новая форма движения материальных благ от производителя к потребителю, которая представляет собой обмен деятельности между работниками материального производства и непроизводственной сферы. Итак, благодаря своему отношению к материальным благам, а именно, отношению обмена деятельностью, в экономическую науку входит новая категория — нематериальные блага. Одновременно появляется и новое понимание непроизводственной сферы — уже не только как общественно организованного потребления, но и как нематериального производства.

Итак, работники непроизводственной сферы — не просто потребители материальных благ. Своим трудом они создают нематериальные ценности, сохраняют здоровье человека, готовят его к трудовой деятельности. Они обеспечивают политическую жизнь общества и безопасность государства. Приступив к анализу их деятельности, мы убеждаемся, что по мере ее расширения и развития эти работники начинают вступать в экономические отношения не только с производителями материальных благ, но и между собой, а при капитализме — и с эксплуататорами их труда.

В связи с ростом специализации обмен деятельностью с присущими ему экономическими формами налаживается не только между материальным производством и непроизводственной сферой, но и внутри последней. При социализме работники непроизводственной сферы, участвуя в реализации высшей цели производства, вступают также в экономические отношения с обществом в целом не только по поводу потребления, но и по поводу затрат и результатов своего труда, учет которых составляет одну из важнейших проблем экономики непроизводственной сферы.

В непроизводственной сфере обнаруживается, таким образом, несколько «кругов» экономических отношений. Первый круг, включающий эту сферу в систему экономических отношений, — это потребление материальных благ ее работниками. Это наиболее общие отношения, в них мы еще не видим специфики отдельных непроизводственных отраслей, их роли в обществе. Работники непроизводственной сферы предстают пока в качестве «иждивенцев» для производителей материальных благ.

За первым кругом вырастает второй, реально обеспечивающий связь двух сфер. Это — отношения обмена деятельностью между ними. Здесь мы находим, с одной стороны, отношения обмена материальных благ со стоящими за ними отношениями производства, а с другой стороны, отношения обмена нематериальных благ, за которыми также должны открыться отношения, связанные с их производством.

Потребности в создании нематериальных благ, порождаемые в первую очередь нуждами материального производства, действительно вызывают к жизни такие отношения, которые составляют общественную форму нематериального производства. Они же, в свою очередь, создают отношения обмена деятельностью внутри непроизводственной сферы. Развиваются многообразные отношения распределения нематериальных благ и, наконец, их потребления.

Таким образом, экономика непроизводственной сферы изучает не только непосредственное продолжение отношений материального производства за его пределами, но и экономические отношения, зародившиеся в связи с развитием самого нематериального производства. В понимании К. Маркса, как известно, производительным трудом при капитализме является труд, не только соз-

дающий прибавочную стоимость, но и доставляющий прибыль⁸. А такой труд мог функционировать не только в материальном производстве. Поэтому отношение наемного труда и капитала, при которых обеспечивалась прибыль в нематериальном производстве, выступали как экономические отношения. То же самое относится и к отношениям в непродуцированной сфере при социализме. Если они обеспечивают реализацию цели социалистического общества, то выступают как экономические отношения, хотя при этих отношениях могут производиться как материальные, так и нематериальные блага.

Агентами экономической структуры общества являются, несомненно, все классы и все социальные группы. На наш взгляд, ложно само представление, согласно которому каждый вид человеческой деятельности должен быть отнесен либо только к надстройке, либо только к базису. Это представление порождает искусственное ограничение экономики некоторым более или менее широким набором отраслей. Между тем экономическая жизнь общества проявляется во всех отраслях деятельности. Это и позволяет базису выполнять свою определяющую роль. Невозможно представить общества, в котором какой-либо класс или социальная группа охватывались исключительно отношениями базиса или надстройки. В то же время базисные отношения неравнозначны. Определяющую роль здесь играют отношения, возникающие в процессе производства материальных жизненных благ. С известной степенью условности их можно назвать базисом совокупности производственных отношений общества.

Для непродуцированной сферы специфично то, что объектом трудового воздействия в ней является в основном не вещество природы, а сам человек. В ряде отраслей — это отношения надстройки, т. е. юридические и идеологические отношения. Но не их изучает экономика непродуцированной сферы. Вспомним, что политическая экономия вообще занимается не конкретными свойствами производимых благ, а материальными отношениями, возникающими в процессе их производства.

Историк или искусствовед изучает деятельность создателей культурных ценностей с точки зрения их содержания. Предмет их исследования — надстройка. Экономист, рассматривая ту же деятельность, интересуется ее экономической формой. Понятно, что это два совершенно различных направления исследования, имеющие разные цели и использующие разные методы.

Надстройка — категория исторического материализма, характеризующая содержание деятельности. Непродуцированная сфера — экономическое понятие, характеризующее экономическую форму деятельности. Специалист в области экономики непродуцированной сферы рассматривает надстройку в таком же аспекте, в каком

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 142.

экономист, специализирующийся по проблемам промышленности или сельского хозяйства, интересуется вопросами технологии.

До сих пор мы рассматривали вопрос о месте непроеизводственной сферы в экономике в наиболее широком плане, во многом безотносительно к данному способу производства. Теперь необходимо перейти к выяснению экономической роли этой сферы в социалистическом обществе. В первую очередь следует раскрыть функции непроеизводственных отраслей в достижении высшей цели производства и показать, каким образом в непроеизводственной сфере реализуется основной экономический закон социализма.

* *

*

В последние годы все большее число экономистов начинает отчетливо сознавать, что достижение полного благосостояния и всестороннего развития членов общества обеспечивается развитием не только материального производства, но и непроеизводственной сферы. Так, например, справедливо отмечается, что «цель социалистического производства ближайшим образом достигается не только путем производства, но и за счет непроеизводственной сферы. Следовательно, основной экономический закон является и законом движения непроеизводственной сферы»⁹. Ныне созданы уже все предпосылки для более конкретного рассмотрения вопроса о том, каким путем непроеизводственная сфера удовлетворяет потребности членов социалистического общества. Но для этого нужно прежде всего сказать несколько слов о самих потребностях и их экономических характеристиках.

По мнению некоторых исследователей, экономическими являются только те потребности, которые прямо связаны с материальным производством. Экономическими предлагается считать, во-первых, материальные потребности, поскольку якобы только они непосредственно удовлетворяются материальным производством, а также те духовные потребности, которые, как например потребности в образовании, диктуются нуждами материального производства. Большинство же духовных потребностей относится к неэкономическим¹⁰.

Хотя такой подход и не лишен рационального зерна, выводы его, на наш взгляд, следует признать ошибочными. Действительно, в основе всех экономических потребностей лежат материальные потребности, как в основе всей экономической жизни общества лежит материальное производство. Но любая потребность, удовле-

⁹ О системе категорий и законов политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова. М., 1973, с. 140.

¹⁰ См.: Радаев В. В. Потребности как экономическая категория социализма. М., 1970, с. 48.

творяемая общественно организованным путем, приобретает экономическую характеристику. Так, в условиях действия товарно-денежных отношений потребности в нематериальных благах, подобно потребностям в материальных благах, предстают как платежеспособный спрос. Одним из преимуществ социализма является тот факт, что многие духовные потребности удовлетворяются через общественные фонды потребления.

Все потребности, удовлетворяемые общественным трудом, должны изучаться в политической экономии, поскольку на каждой из них отпечатывается экономическая форма этого труда. Именно как предмет изучения политической экономии, т. е. как экономические формы потребностей, они и приобретают определение экономических потребностей. Содержание же как материальных, так и духовных потребностей изучается другими науками.

С другой стороны, духовные потребности в любом случае нельзя разделить на те, которые связаны с материальным производством, и те, которые с ним не связаны. Материальное производство потому и составляет основу жизни общества, что все виды человеческой деятельности и удовлетворяемых ею потребностей сводятся в конечном счете к воспроизводству материальных благ.

Наконец, неверно утверждать, что материальное производство удовлетворяет только материальные потребности. Принадлежность труда к материальному производству определяется его содержанием, а не назначением продукта. Так, продукция полиграфической промышленности, которая бесспорно представляет собой отрасль материального производства, предназначена в основной своей массе удовлетворять как раз духовные потребности. Средствами удовлетворения духовных потребностей служат телевизоры и радиоприемники, музыкальные инструменты и другие виды продукции материального производства. Вместе с тем некоторые материальные потребности удовлетворяются трудом работников непродуцированной сферы. Например, вовсе не духовную потребность пациента удовлетворяет зубной врач и хирург, пломбуя зуб или удаляя аппендикс. Пока речь шла о личных потребностях, т. е. таких, которые предъявляет индивид в связи с необходимостью воспроизводства своей рабочей силы и всестороннего развития. Но наряду с личными существуют и общественные потребности, т. е. такие, которые предъявляет не отдельная личность, а общество в целом. Общественные потребности, как и личные, удовлетворяются и материальным производством, и непродуцированной сферой.

Материальное производство удовлетворяет, как правило, материальные общественные потребности, главная из которых — потребность в средствах производства. Сюда относятся также и потребности в некоторых видах непродуцированных фондов. К духовным общественным потребностям можно отнести потребность в развитии науки. Наука дает новые знания не для индивида, а для всего общества. Удовлетворение же личной потребности в знаниях берет на себя другая отрасль непродуцированной сферы — образование.

Если личные потребности состоят только из материальных и духовных, то общественные включают в себя еще одну группу, которую можно назвать социальными потребностями. Это потребности в поддержании и регулировании существующей системы экономических и политических отношений. Они удовлетворяются трудом работников органов государственного управления, общественных организаций, финансовых органов. Такие же функции выполняют военнослужащие, работники торговли (в той части, в какой труд их обеспечивает смену форм стоимости) и некоторые другие категории трудящихся.

Итак, продукция материального производства (материальные блага) удовлетворяют материальные и духовные потребности человека как личные, так и общественные. Труд работников непродуцированной сферы удовлетворяет личные материальные потребности, личные и общественные духовные, социальные потребности.

Все отрасли социалистического народного хозяйства подчинены действию основного экономического закона. Однако не все они в одинаковой степени способствуют его реализации. Производство благ, удовлетворяющих материальные и духовные общественные потребности, создает необходимые предпосылки для удовлетворения личных потребностей, поэтому оно будет непрерывно возрастать на всех этапах коммунистического строительства. Однако само по себе оно лишь способствует достижению полного благосостояния и всестороннего развития личности, непосредственно же обеспечить его оно не может.

Еще более косвенным образом реализуют основной закон социализма отрасли, занятые удовлетворением социальных потребностей. Они создают внешние условия для развития других отраслей материального производства и непродуцированной сферы. Существование их в основном связано с незрелостью коммунистических отношений. По мере отмирания государства, армии, товарного производства и т. д. затраты труда в таких отраслях будут сокращаться. Но это, естественно, дело достаточно отдаленного будущего. В настоящее же время может нередко ощущаться необходимость не в сокращении, а в росте таких отраслей. Так, при сохранении товарно-денежных отношений увеличение производства материальных и духовных благ неизбежно порождает рост социальных потребностей в услугах торговли.

Непосредственная реализация цели социалистического производства — функция тех отраслей материального производства и непродуцированной сферы, которые производят блага для удовлетворения личных потребностей трудящихся и членов их семей. В современных условиях одно только материальное производство не в силах обеспечить полное благосостояние трудящихся, не говоря уже об их всестороннем развитии. Это задача, достижение которой в наибольшей мере выпадает на долю непродуцированной сферы. Поэтому, хотя в производстве материальных и нематериаль-

ных благ, удовлетворяющих личные потребности, имеются коренные различия, в главном они, с точки зрения основного закона социализма, выполняют аналогичные роли. Это позволяет отнести и те и другие к одной категории предметов потребления, которые в своей совокупности образуют фонд личного потребления общества.

Мы считаем, что фонд личного потребления общества, представляющий собой сумму годового производства материальных и нематериальных благ, удовлетворяющих личные потребности, должен занять важное место среди категорий политической экономии социализма. Именно в этом фонде реализуется высшая цель производства. До сих пор в этой роли обычно рассматривался фонд потребления национального дохода или чистая продукция, т. е. только часть фонда личного потребления общества. По мере опережающего роста непродуцированной сферы доля материального производства в фонде личного потребления будет сокращаться, а значит, все менее надежными будут становиться выводы, сделанные на основе изучения только одной его части, а именно, только фонда потребления национального дохода.

Одной из важных народнохозяйственных пропорций, до сих пор почти не изучавшейся экономистами, является пропорция между отраслями, непосредственно удовлетворяющими личные потребности, и другими отраслями народного хозяйства. Эту пропорцию можно изучать на основе сопоставлений численности занятых, материальных затрат и капитальных вложений. Но более полное представление о ней могло бы дать определение доли фонда личного потребления общества в общем годовом объеме производства материальных благ и услуг, представляющем собой сумму общественного продукта и полезного эффекта отраслей непродуцированной сферы. Повышение этой доли характеризовало бы прогрессивные изменения в структуре народного хозяйства.

Необходимость определять объем фонда личного потребления и общего годового производства и материальных благ и услуг выдвигает требование разработать методику денежной оценки продукции нематериального производства. Только денежное выражение даст возможность количественно сопоставлять услуги с материальными благами, складывать продукцию двух сфер народного хозяйства. Некоторые экономисты полагают, что денежная оценка услуг возможна лишь в том случае, если услуги обладают стоимостью. Это представление неверно.

Услуга может иметь форму стоимости (цену) и вместе с тем не иметь стоимости. Более того, даже услугам, не приобретающим стоимостную форму (например, услугам врача или учителя при социализме), можно в принципе дать денежную оценку. Ведь когда ставится задача выразить в денежной форме фонд личного потребления, речь идет не об исчислении стоимости входящих в него благ, а о нахождении меры совокупного объема этих благ.

Необходимость денежной оценки услуг признана в «Методических указаниях к разработке государственных планов развития

народного хозяйства СССР». В настоящее время в плановой практике уже исчисляется показатель общего потребления материальных благ и услуг, предназначенный отражать сумму материальных благ и услуг, потребленных населением. «Методические указания» предлагают «объем услуг тех отраслей», где преобладает платное обслуживание, «...оценивать выручкой соответствующих учреждений и предприятий, а объем услуг тех отраслей и видов обслуживания, где преобладает бесплатное и льготное обслуживание, — расходами государства и колхозов на содержание этих отраслей...»¹¹. Такого подхода придерживаются и многие экономисты. С нашей точки зрения, этот подход не обеспечивает единообразия в оценке элементов фонда личного потребления общества. Материальные блага и платные услуги оцениваются в сумме полных народнохозяйственных затрат, а бесплатные услуги — лишь в сумме затрат учреждений, без учета прибавочного труда работников непроеизводственной сферы. Нет, однако, оснований предполагать, что в отраслях бесплатного обслуживания отсутствует прибавочный труд. Напротив, высокий уровень квалификации работников народного образования или здравоохранения обеспечивает, по-видимому, очень высокую общественную отдачу затрат на развитие этих отраслей.

Экономические функции отраслей непроеизводственной сферы, непосредственно создающих фонд личного потребления общества, не исчерпываются удовлетворением личных потребностей. Удовлетворяя личные потребности, эти отрасли тем самым косвенно удовлетворяют и важнейшую общественную потребность — потребность в обеспечении воспроизводства рабочей силы для всех отраслей народного хозяйства. В особенности это относится к народному образованию и здравоохранению. Развитие системы образования является одним из основных путей увеличения производительности труда, которая, в свою очередь, стала главным резервом в расширении производства.

Итак, признание определяющего значения материального производства не предполагает, что работникам непроеизводственной сферы отводится пассивная роль потребителей материальных благ. Наряду с прямым участием в реализации цели социалистического производства непроеизводственные отрасли создают также основу для роста эффективности материального производства. Следовательно, быстрое развитие непроеизводственной сферы, которое наблюдается сегодня и будет продолжаться в перспективе, вполне оправдано. Это ставит перед экономистами задачу намного более широкого, чем ныне, исследования проблем данной сферы. Конечной целью такой работы явится разработка научно обоснованных рекомендаций, позволяющих наиболее эффективно использовать растущий объем ресурсов, направляемых в непроеизводственную сферу общества.

¹¹ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М., 1974, с. 480—481.

ВОПРОСЫ МЕХАНИЗМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

§ 1. УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Не подлежит сомнению, что одним из узловых вопросов современного этапа развития производства в нашей стране является вопрос о резервах интенсификации. Для мобилизации резервов существуют такие средства, как плановый управленческий и плановый хозяйственный механизм. Реализация резервов определяется именно двумя этими механизмами.

Для разработки проблемы реализации резервов на основе механизма системы управления необходимо иметь четкое представление, какие науки эту систему изучают, какую отдачу можно иметь от той или иной науки, чего от той или иной науки нецелесообразно требовать в силу ее характера.

Такой подход предполагает решение вопросов, связанных с системой наук об управлении, с организацией координации исследовательских работ. Каждый раз, когда мы пытаемся налаживать координацию исследований по управлению, мы всегда сталкиваемся с системой наук, изучающих управление. Попытки составить план работ в области науки управления наталкиваются на вопросы: включать или не включать в тематику проблем по управлению вопросы социологии, учета, статистики и т. д.

Представление о системе наук, изучающих управление, необходимо иметь также для того, чтобы квалифицированно разрабатывать учебный план подготовки того или иного специалиста.

Таким образом, можно выделить три момента, требующих определенности в понимании системы наук об управлении:

- 1) практические потребности рационализации;
- 2) организация исследований;
- 3) организация учебы и подготовки кадров.

В течение столетий вопросы управления не являлись предметом какой-либо науки. Если взять классические работы начиная с Макиавелли, то все они считали управление областью, в которой превалируют элементы искусства, и, как всякое искусство, оно не поддается какой-либо научной систематизации. Вопросы управления связывались прежде всего с качествами, которыми обладали занятые работники. Классики марксизма-ленинизма и в особен-

ности В. И. Ленин, впервые обосновали сущность, необходимость и возможности научного управления обществом и экономикой, связав развитие такого управления с переходом к социализму. В начале нашего века американские специалисты Тэйлор, Форд стали говорить о научном управлении в организационно-техническом плане.

В некотором роде в последние годы произошла определенная переоценка научной стороны управления. Мы увлеклись чрезмерным подчеркиванием, что в управлении все научно, что управление строится на основе определенных принципов, законов и т. д. Между тем управление остается в определенной зависимости от субъективных особенностей руководителей, от исполнителей, т. е. субъективных факторов, которые занимают в нем существенное место. Требуя разработки научной стороны управления, мы не должны игнорировать тот факт, что управление остается в определенном отношении искусством.

На наш взгляд, эту систему наук об управлении можно разбить на три части.

Первой частью системы науки об управлении являются методологические основы управления. Речь идет об управленческих аспектах фундаментальных наук. Сама по себе политическая экономия, несомненно, не является управленческой наукой, так как она охватывает всю систему производственных отношений. В то же время в политической экономии имеется целый ряд разделов, связанных с управлением. С этих позиций можно говорить о наличии в политэкономии управленческого аспекта, о политической экономии как методологической основе теории научного управления.

Есть управленческие аспекты и в научном коммунизме, философии. Так, учение об объективных условиях и субъективных факторах — управленческий аспект философии.

Методологическая основа управления — важнейшая часть системы наук об управлении. Но если ограничить научные основы управления только методологическими аспектами, было бы трудно управлять, так как практически мы были бы лишены конкретных рекомендаций. Поэтому в состав научных основ управления входит второй раздел науки, изучающий конкретные стороны управления. Это — народнохозяйственное планирование, статистика, учет, материально-техническое снабжение и т. д.

В течение многих лет система наук об управлении включала эти два раздела. В последнее время много стали говорить о третьей части системы наук об управлении — о науке или теории управления. Имеется ли особый предмет у теории или науки управления?

Мы считаем важнейшим результатом исследования последних лет то, что была доказана необходимость особой науки об управлении. Естественно, что особая наука, которая изучает управление,

возможна в том случае, если она не подменяет существующие науки, а находит новые проблемы, свой особый предмет.

Есть ли такие проблемы в нашей практике управления, которые не входят в предмет указанных выше двух разделов системы наук об управлении? На наш взгляд, таких проблем много.

Например, одним из недостатков нашего хозяйствования является несогласованность между планированием и статистикой (учетом). Здесь постоянно встречаются конфликтные случаи, когда показатели статистики, нужные для плановых расчетов, отсутствуют. С другой стороны, собираются такие статистические данные, в отношении которых неизвестно, как и кем они будут использованы.

Совершенно очевидно, что проблема стыковки планирования и учета выходит за пределы предмета этих наук. Необходима дисциплина, которая, используя все данные планирования и учета, ставила бы проблему их интеграции.

Другим недостатком практики нашего хозяйства является несогласованность между планированием и материально-техническим снабжением, а также между материально-техническим снабжением и финансированием.

Речь идет о проблеме несогласованности между собой тех или иных звеньев управления. Общая тенденция такова, что чем сложнее управление, чем больше оно подразделяется на отдельные функции и участки, тем сложнее задача интеграции этих участков в единую систему. И поскольку задача интеграции оказывается за пределами предмета конкретных наук, необходима особая наука — теория управления, предметом которой и являются проблемы, возникающие при интеграции частей управления в единую систему.

Если планированием заняты специалисты по планированию, снабжением — по снабжению, учетом — по учету, то интеграцией всех этих функций заняты линейные руководители. Директор предприятия, руководители объединения, главка, министерств — это лица, интегрирующие все функции в единый механизм, и именно им главным образом нужна теория управления. С этих позиций теория управления представляется как наука именно для руководителей, прежде всего линейных, отвечающих за систему управления в целом.

При таком понимании предмета теории управления она не вступает в конфликт с конкретными науками об управлении и не захватывает материала этих наук. Она опирается на эти науки и, используя их результаты, выступает надстроечной наукой над конкретными науками. Ее главная задача — интегрировать достижения всех других наук, изучающих управление.

Теория управления имеет дело с закономерностями особого типа. Правильнее говорить здесь не столько о законах, сколько о принципах, тенденциях. Если проводить аналогию с естествознанием, например, то там мы обнаруживаем фундаментальные законо-

мерности, скажем, законы сохранения энергии, и в то же время есть закономерности строительной механики и некоторых других частных областей. Нечто подобное происходит и с наукой управления. Наличие фундаментальных закономерностей производства и общества не опровергает того, что в управлении есть свои закономерности, подчиненные общим законам, но обладающие относительной самостоятельностью. Поскольку управление является конкретной деятельностью, то и наука управления имеет дело с управлением во всем его многообразии: она охватывает экономические, социальные, организационно-технические аспекты, т. е. берет объект хозяйствования во всем его конкретном многообразии, во всей сумме его отношений.

Второй момент, который необходимо отметить, говоря о методе науки управления, связан с народнохозяйственным, системным подходом. Отличительной чертой системы является наличие таких признаков целого, которые не сводимы к признакам его частей. Другими словами, теория управления изучает те черты целого, которых не было у отдельных частей системы управления.

Когда мы говорим об управлении социалистическим производством, то надо иметь в виду, что системность в применении к социалистическому управлению — это, во-первых, плановость, во-вторых, народнохозяйственный подход. Эти два признака, характеризующие системность, примененную к социалистическому управлению. Рассуждать о системности вне плановости и народнохозяйственного подхода нельзя. Только подход с точки зрения всего народного хозяйства, плановый подход позволяет находить эффективные решения в области управления.

Приведем пример из области хозяйственной реформы. Одной из фундаментальных идей реформы был тезис о фонде развития, который мы должны дать хозяйственной единице, предприятию. Положение, по существу правильное. Но оно трактовалось в отрыве от народнохозяйственной стороны дела. Мы представляли, что стоит дать предприятию фонд развития, как многие проблемы будут решены. На самом деле использование фонда развития в основном оказалось за пределами возможностей предприятия. Этот аспект не был достаточно учтен и проанализирован. И в результате ресурсы, выделяемые в фонды развития предприятий, не только не были использованы эффективно, но и в ряде случаев оказались неиспользованными. Здесь как раз и выступила недооценка народнохозяйственного подхода к управлению.

Исходя из понимания предмета этой теории, в ее состав можно включить следующие четыре раздела. Первый — связанный с формированием механизма управления. Этот блок включает цели, принципы и методы.

Вторая группа проблем, которая изучается в теории управления, — это создание структуры управления или системы управления в статистике.

Третья группа проблем связана с организацией функционирования управления. Здесь рассматриваются вопросы содержания процесса управления, его организации, его технологии.

Наконец, заключительный раздел посвящен проблеме совершенствования системы управления. Здесь рассматриваются вопросы организации работ по совершенствованию управления, экономики и эффективности управления, а также перспектив развития системы управления.

§ 2. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В последнее время в литературе наметилась определенная легкость в подходе к проблемам хозяйственного механизма. Именно поэтому анализ действующего хозяйственного механизма является одной из самых актуальных задач. «Центральный Комитет, — говорил на XXV съезде тов. Л. И. Брежнев, — против поспешных, необдуманных перестроек управленческой структуры, сложившихся методов хозяйствования. Не семь, как принято говорить, а восемь или даже десять раз нужно тут примерить, прежде чем отрезать. Но если уж мы примерили, если мы поняли, что непрерывно развивающемуся народному хозяйству стало тесно в рамках существующего хозяйственного механизма, то его надо решительно совершенствовать»¹.

Проведение работы по совершенствованию хозяйственного механизма, конечно, не свидетельствует о неудаче нашего экономического курса, как об этом любят писать антикоммунистические критики. Действующая система хозяйствования в основе своей соответствует характеру социалистического производства и особенностям развития на нынешнем его этапе. Предложения, которые выдвигаются якобы как альтернатива существующему положению, в действительности такой альтернативой не являются. Предложения о переходе от ныне действующей системы к системе, в основе которой лежали бы показатели производительности труда, фондоотдачи, материалоотдачи, человеко-фондопродукции, также базируются на использовании товарно-стоимостных форм и поэтому критические стрелы в адрес, допустим, прибыли и рентабельности, в той же степени можно отнести к любому из предлагаемых показателей.

Однако несмотря на то, что система в целом соответствует основным потребностям социально-экономического развития нашего общества, тем не менее проблема ее совершенствования реально существует. Необходимость совершенствования этой системы связана, как минимум, с тремя обстоятельствами. Во-первых, с созданием, развертыванием и совершенствованием ряда общеэко-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 61.

номических, народнохозяйственных предпосылок функционирования механизма экономического стимулирования. Во-вторых, с необходимостью реализации ряда принципов системы социалистического хозяйствования, которые по тем или иным причинам реализованы не полностью. В-третьих, необходимость совершенствования хозяйственного механизма связана и с тем, что в процессе его развития выявилась потребность формирования и внедрения ряда новых принципов.

Мы подчеркиваем особое методологическое значение разграничения в нынешних условиях предпосылок совершенствования механизма экономического стимулирования на внешние народнохозяйственные и внутренние, лежащие в пределах самой системы. Дело в том, что никакой, даже «идеальный» механизм экономического стимулирования не может решить тех проблем, которые связаны с народнохозяйственными предпосылками его функционирования. Поэтому нужно совершенно четко представлять себе, какие условия и предпосылки функционирования механизма экономического стимулирования лежат на стороне народного хозяйства в целом и какие условия и предпосылки функционирования экономического механизма лежат на нем самом. Без решения этой проблемы невозможно определить тенденции и перспективы развития системы в целом.

Правомерно выделить две принципиальные предпосылки народнохозяйственного аспекта, внешние по отношению к самому механизму. Первая предпосылка связана с необходимостью планомерного, пропорционального развития хозяйства. Дефицитность в снабжении участков народного хозяйства отдельными видами средств производства неизбежно порождает тенденцию к росту оптовых цен на них, к определенному отрыву оптовых цен от стоимостной основы. При наличии тенденции к необоснованному росту цен товарно-стоимостные формы, лежащие в основе всей совокупности технико-экономических показателей на разных уровнях хозяйствования, искаженно характеризуют результаты хозяйственной деятельности. В этих условиях никакой стоимостной показатель, какой бы мы ни взяли, не может объективно характеризовать результаты хозяйственной деятельности, эффективность производства, темпы экономического роста. Эти показатели подвергаются в той или иной степени искажению. В условиях действия этой тенденции справедлива та критика, которая раздается в адрес показателей реализации, прибыли и рентабельности, лежащих в основе системы показателей. Но с тем же успехом мы могли бы критиковать в условиях действия этой тенденции и недостатки любого другого показателя: производительности труда, условно чистой продукции, чистой продукции, фондоотдачи и др.

Введение показателя реализации было политико-экономическим признанием того, что проблема реализации в социалистическом обществе существует. Однако в условиях дефицита проблемы реализации в политико-экономическом понимании не существует.

Отсюда не срабатывает и показатель реализации. В условиях дефицита существует не проблема реализации, а проблема жесткого, централизованного прямого распределения средств производства по отраслям, регионам и предприятиям. Это иная проблема и решается она с помощью иных критериев, иной системы связей и отношений в хозяйстве. Проблема реализации реально существует в условиях планомерно организованной бездефицитной экономики. И адекватный этой проблеме показатель реализации «работает» только в условиях пропорционального развития. Это нужно видеть и не следует возлагать на показатель реализации ответственность за те проблемы и трудности, в которых он, в общем-то, не повинен и ответственность нести не может.

Возьмем показатель прибыли, который тоже в последнее время подвергается большой критике. Здесь та же самая ситуация. Нельзя возлагать на показатель прибыли и рентабельности те функции, которые эти показатели выполнить не могут. Если сегодня совершенно справедливо критикуют эти показатели за то, что они плохо характеризуют эффективность на уровне хозрасчетного звена в отдельных отраслях, то здесь, видимо, причины тоже нужно искать не в том, что показатель прибыли не имманентен условиям социалистической экономики, представляет собой чужеродное тело в экономике, должен быть исключен из системы оценки деятельности хозрасчетных звеньев. По нашему глубокому убеждению, виноваты не рентабельность и прибыль, а прежде всего условия функционирования этих показателей и в первую очередь диспропорциональность, допускаемая на отдельных участках хозяйства.

Вторая, не менее важная предпосылка связана с совершенствованием структуры управления общественным производством. Механизм экономического стимулирования должен работать во всех звеньях отраслевого управления. Он не должен замыкаться уровнем предприятия. Предпосылкой полной реализации системы является как раз переход к более высоким уровням хозрасчета и стимулирования производства. Как система он должен охватывать всю иерархию отраслевого управления. Превращение производственных объединений в основное хозрасчетное звено сопровождается продвижением хозрасчетных отношений на уровень среднего отраслевого звена, дальнейшим «прорывом» отдельных принципов хозрасчета на отраслевой уровень. При этом возникает очень сложная и важная проблема определения экономических границ хозрасчета. На какой стадии восхождения от первичного звена к высшему звену допустимо порывать с хозрасчетными принципами и методами хозяйствования? Пока что политэкономия на этот вопрос ответа не дает. Не дает на этот вопрос ответа и практика.

Решение этого вопроса имеет принципиальное значение для практики, для организации экономического стимулирования. Если мы замыкаем хозрасчетные отношения на уровне среднего отраслевого звена, на уровне промышленных объединений, — это одна хозяйственная ситуация, одна система хозрасчетных отношений и

экономического стимулирования. Если мы продвигаем систему хозрасчетных отношений на уровень отрасли в целом, здесь мы сталкиваемся с иной системой хозрасчетных отношений и вообще с иной экономической ситуацией в хозяйстве.

Несколько слов о внутренних проблемах системы экономического стимулирования, которые пока что не решены. Для того, чтобы четко представить себе, о каких проблемах сегодня идет речь, нужно прежде всего вспомнить об основных принципах системы, с которых мы начинали в 1966 г. Вспомнить об этом очень важно потому, что если сопоставить эти принципы с той системой, которая сегодня реально сложилась в хозяйстве, то между этими двумя системами существует определенная дистанция. Для оценки эволюции системы очень важно себе представить те причины, которые ее вызвали. Без проведения этой предварительной теоретической работы невозможно определить перспективы дальнейшего развития системы.

Особая цель системы заключена в обеспечении стимулирования роста эффективности производства. Рост эффективности производства должен обеспечиваться на основе реализации зависимости между эффективностью и поощрением в каждом звене хозяйства. Зависимость между эффективностью и поощрением является наиболее глубокой конституирующей чертой системы. Был предложен определенный хозяйственный механизм, определенная совокупность экономических рычагов, которая эту зависимость реализовала, причем каждый экономический рычаг выполнял особую, одному ему присущую роль в реализации этой зависимости. Зависимость между эффективностью и поощрением предполагалось обеспечить в двух аспектах: в статическом и динамическом. В статическом аспекте речь шла о решении проблемы внутриотраслевой дифференциации фондов экономического стимулирования, о том, что предприятия, работающие лучше, должны получать большие фонды экономического стимулирования, а предприятия, работающие хуже, должны получать меньшие фонды. Динамический аспект зависимости между эффективностью и поощрением сводился к тому, что по годам планового периода, допустим, пятилетнего периода, предприятия и объединения, отрасль, улучшающие показатели своей работы, должны были получать большие фонды, а ухудшающие показатели своей работы — меньшие фонды.

Статистический и динамический аспекты зависимости должны были реализоваться через систему нормативов. Статистический аспект — через отраслевые и групповые нормативы, динамический аспект — через стабильные нормативы образования фондов экономического стимулирования. Зависимость между эффективностью и поощрением предусматривалось реализовать на базе использования показателя прибыли, который в системе выполнял две функции. Первая его функция — это оценка эффективности звена. Вторая функция, когда прибыль выступает источником поощрения. Стимулирующая функция прибыли должна быть реализована по

этим двум направлениям. Однако система фиксированных платежей незаслуженно забыта нашими экономистами. Вот основные экономические рычаги, при помощи которых следовало изымать основную часть доходов в распоряжение общества. Вторая часть доходов должна была оставаться на предприятиях, идти на воспроизводственные цели, на цели экономического стимулирования и третья часть доходов в форме свободного остатка опять-таки изымалась в бюджет. Вот схема распределения прибыли, которая обеспечивает зависимость между эффективностью и поощрением и заинтересовывает в росте эффективности производства. Как работала эта система?

Плата за фонды пока что не превратилась в основной канал изъятия прибыли у предприятия. Через систему платы за фонды мы сегодня изымаем примерно 17—18% прибыли, доля фиксированного платежа — 5—6%, процент за кредит составляет незначительную величину. Таким образом, через эти три канала изымается у предприятия примерно 25% прибыли. Порядка 40% прибыли остается в хозяйстве на предприятиях и в объединениях. Примерно 35% в форме свободного остатка изымается в бюджет. Но уже общие пропорции распределения прибыли свидетельствуют о том, что здесь есть возможности их совершенствования. Основная форма изъятия — плата за фонды — в два раза меньше свободного остатка, который не играет стимулирующих функций в системе. Свободный остаток является своеобразным индикатором, характеризующим степень совершенности системы, степени охвата системой основных процессов распределения прибыли в промышленности. Большая доля свободного остатка свидетельствует о том, что примерно треть всей прибыли исключена из системы экономического стимулирования и «не работает» на нее. Но дело еще и в том, что не решена проблема фиксированного платежа.

Зачем нам понадобился фиксированный платеж и какую функцию он выполняет? Для ответа на этот вопрос нужно вспомнить о том, что в ходе дореформенной дискуссии был установлен один очень простой и, казалось бы, бесспорный факт. Дореформенная система стимулирования, которая базировалась на поощрении за план, его выполнении и перевыполнении, создавала заинтересованность в принятии заниженных планов.

Было установлен и тот факт, что показатель себестоимости, выполнение и перевыполнение плана по себестоимости не решали проблем стимулирования повышения качества продукции. Было предложено перейти к иной системе хозяйствования, к такой системе, в основе которой лежала идея стимулирования не только за план, но и за уровень и рост показателей, предусмотренных в плане. По сути дела, это главное, что отличает действующую систему от старой. Никакого иного арсенала стимулирования высоких плановых заданий, кроме стимулирования за уровень и рост показателей в плане, в нашей науке нет. И эту центральную идею нужно реализовать через систему экономического стимулирования. Каким

образом? Были введены в качестве важнейших оценочных, фондообразующих показателей, показатель оценки эффективности — уровень рентабельности — и темп прироста продукции, предусмотренный в плане. Проблему стимулирования за уровень следовало решать через показатель уровня рентабельности. Идея поощрения за уровень выдвигала на первый план совершенно новую для нашей экономики проблему — проблему сопоставления работы производственных звеньев по уровню их работы. Этот уровень характеризовался прибылью и рентабельностью, и эти стоимостные показатели формируются на основе как факторов (народнохозяйственных), внешних по отношению к данному звену, так и внутренних. Необходимо было очистить показатель рентабельности от влияния внешних факторов и ввести его в систему стимулирования как показатель, характеризующий количество и качество труда коллектива (стоимостной показатель, взятый сам по себе, не характеризует количество и качество). Исходя из всей суммы обстоятельств проблема стимулирования предприятий по уровню их работы на основе показателя рентабельности выдвигает на первый план проблему очистки стоимостного показателя, проблему расчленения прибыли и рентабельности, разграничения факторов, зависящих и не зависящих от предприятия. Основным рычагом в решении этой проблемы был фиксированный платеж.

Фиксированный платеж при ближайшем рассмотрении выступает как дополнительный чистый доход, связанный с лучшими технико-экономическими условиями хозяйствования, который должен быть изъят у предприятия в распоряжение общества. На основе использования фиксированного платежа мы и должны были превратить рентабельность из чисто стоимостного показателя, формируемого под влиянием закона стоимости, в показатель «очищенный», характеризующий меру труда коллектива. Проблема фиксированного платежа до конца пока не решена. Поэтому мы не смогли использовать расчетную рентабельность как меру труда коллектива, а в связи с этим не смогли и использовать отраслевые и групповые нормативы образования фондов экономического стимулирования. Использование же индивидуальных нормативов не позволило в полной мере решить проблему обеспечения зависимости между эффективностью и поощрением в статике. Не решена в полной мере проблема обеспечения зависимости между эффективностью и поощрением в динамике, поскольку не решена проблема стабильных нормативов. Мы ежегодно пересматриваем до 50 и более процентов нормативов образования фондов. Нестабильность нормативов, таким образом, превратилась в фактор, тормозящий реализацию зависимости между эффективностью и поощрением в динамике.

В результате всего этого в планировании фондов экономического стимулирования не был введен весьма существенный принцип экономического стимулирования: поставить движение фондов экономического стимулирования в зависимость от движения фон-

дообразующих факторов (рентабельности, прибыли, реализации, производительности и т. д.). Всю систему фондообразующих факторов и фондов экономического стимулирования, образуемых на основе этих факторов мы ограничили рамками годового плана, но и в годовом плане, если брать 9-ю пятилетку, фондообразующие факторы определяли не размеры фондов, а только корректировку фондов экономического стимулирования по сравнению с тем размером фондов и показателей, которые были предусмотрены в плане на данный год пятилетки.

Уже в ходе 9-й пятилетки было введено централизованное планирование производительности труда, а следовательно, и всей совокупности показателей плана по труду. В пятилетнем плане мы не планировали ни платы за фонды, ни фиксированных платежей, ни процента, лишь предусматривали общую рентабельность. Расчетная рентабельность была включена только в годовой план. С 1975 г. министерствам и ведомствам по их усмотрению в случае необходимости было разрешено планировать предприятиям и объединениям показатель себестоимости продукции вместо показателя рентабельности. Если превратить это половинчатое решение в общий нормативный акт, то мы столкнемся с новой ситуацией хозяйствования. Если ввести показатель себестоимости в годовой план вместо рентабельности, то это будет означать ослабление стимулирования и в годовом плане. Почему? Система стимулирования предусматривает использование платы за фонды, фиксированного платежа, процента, расчетной прибыли, расчетной рентабельности. Замена рентабельности и прибыли себестоимостью снимает в значительной мере проблему использования этих экономических рычагов. Не будет работать плата за фонды. В условиях большого свободного остатка прибыли предприятия не будут испытывать недостатка в ресурсах, все будет происходить за счет перераспределения между платой и свободным остатком. Фиксированный платеж и процент существенной стимулирующей роли играть не будут. Расчетная прибыль и расчетная рентабельность как критерии эффективности деятельности звена, как источник стимулирования прекратят в этом случае свое существование.

Показатель себестоимости ухудшает стимулирование качества, не создает заинтересованности в принятии высоких планов. Все это хорошо известно и поэтому от централизованного планирования этого показателя в свое время отказались. Так почему же теперь нужно заменять прибыль и рентабельность этим показателем? Тенденция к замене этим показателем совокупности экономических рычагов является спорной. Наряду с этой тенденцией намечается другая. Ряд министерств ставит вопрос о переводе их на систему Министерства приборостроения. Таким образом, налицо две тенденции: с одной стороны, в отдельных отраслях допускается централизованное планирование себестоимости, а с другой стороны, рассматривается вопрос о переводе министерства на опыт Минприбора, в основе которого лежит принцип самоокупаемости, показа-

тель прибыли и самофинансирования, нормативная система взаимоотношений с бюджетом. В этом свете представляется, что отдельные экономисты и хозяйственники слишком легко относятся к фундаментальным принципам системы стимулирования. Иногда частными решениями и без достаточных оснований предлагается существенно изменить фундаментальное положение. Думается, что это не лучшее решение вопроса. И, видимо, нам в нашей теоретической работе следует бережнее относиться к хозяйственному механизму. Мы не должны заниматься необоснованным реформированием системы стимулирования.

Когда в 1966 г. воцелилась новая система, у нас была определенная теоретическая концепция, был определенный вариант хозяйственного механизма. Если мы хотим заменить этот вариант другим, то нужно обсудить новую концепцию, новый вариант хозяйственного механизма.

В настоящее время ведется большая положительная работа по совершенствованию системы стимулирования. Проблему стимулирования нельзя решить только на путях хозрасчетного стимулирования поощрительных фондов, которые составляют 10—12% в фонде оплаты труда. Основные стимулы дальнейшего роста экономики связаны прежде всего с активизацией основной части заработной платы: с тарифом и окладом. Существует очень плодотворный путь стимулирования роста производительности труда, примерно аналогичный схеме, используемой на Щекинском комбинате. При переходе на новые условия оплаты разрешено повышать заработную плату остающимся работникам, производительность труда которых возрастает в размере до 30% к тарифу или окладу, при сокращении численности работников, против норм обслуживания и т. д. Это очень большой, существенный, стимулирующий рычаг, который нужно использовать в полную меру. Далее, в Госплане СССР разработан план проведения мероприятий по совершенствованию хозяйственного механизма. Он охватывает основные аспекты хозяйственного механизма.

Наиболее интересным аспектом в этой работе являются три мероприятия. Первое: разработка комплексной системы управления, планирования и финансирования отрасли промышленности. Речь идет о том, чтобы в рамках этой комплексной системы, обобщив крупные народнохозяйственные эксперименты, которые ныне проводятся: опыт Министерства приборостроения, электротехники и Главмосавтотранса и некоторых других, — создать в определенной степени новую комплексную систему управления отраслью. Это очень интересное, пожалуй, самое перспективное направление в проведении работы по совершенствованию хозяйственного механизма; второе: предусмотрено существенное повышение роли собственных ресурсов в воспроизводстве предприятий и объединений; третье: предусмотрена новая система оценки степени напряженности планов, которая базируется на показателях освоения и использования мощностей.

Если резюмировать все сказанное, то основные направления совершенствования хозяйственного механизма вырисовываются в следующем виде.

Первое направление. Это фундаментальная разработка принципов системы, их совершенствование и реализация. Сюда входят проблема фиксированных платежей, платы за фонды и другие вопросы. Речь идет об усилении стимулирования отдельных аспектов эффективности, если мы не решили пока в полной мере проблем стимулирования в целом.

Второе направление. Усиление стимулирования научно-технического прогресса (в основном опыт Министерства электротехники).

Третье направление. Совершенствование системы показателей. Это необходимо для развития прямых связей, для перехода к формам оптовой торговли и т. д. Новый показатель реализации с учетом выполнения плана поставок уже введен и функционирует. Существует много проблем, связанных с его использованием, но тем не менее шаг вперед здесь сделан.

Четвертое направление. Усиление стимулирования отдельных аспектов эффективности, производительности труда, снижения материалоемкости, роста производительности и снижения материалоемкости и снижения фондоемкости. Все это должно замыкаться в каком-то комплексе, на уровне отрасли в целом.

Таким образом, мы имеем перед собой целую программу дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма, осуществление которой поднимает этот механизм на более высокий уровень.

§ 3. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТЫ НАД ГЕНЕРАЛЬНЫМИ СХЕМАМИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

XXV съезд нашей партии наметил широкую программу совершенствования управления производством, имея в виду, что управление, научно-технический прогресс и улучшение качества работы во всех звеньях народного хозяйства—это основа повышения эффективности общественного производства.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду говорится о необходимости поднять управление экономикой, хозяйственный механизм на уровень новых требований. Это следует сделать, в частности, путем сокращения числа звеньев управления общественным производством, преобразования предприятий в современные крупные производственно-хозяйственные комплексы, обеспечивающие решение многих задач, таких, например, как соединение науки с производством, повышение качества продукции, организации труда и производства. Создание действительно современного предприятия—это объективная необходимость.

Решение задачи изменения облика производства имеет очень большое значение.

Задача изменения облика производства нашла отражение в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г. «О некоторых мероприятиях по дальнейшему совершенствованию управления промышленностью». Этим постановлением перед всеми министерствами поставлена задача разработать генеральные схемы управления, которые отражали бы необходимые мероприятия по совершенствованию организации управления в каждой отрасли промышленности.

Выполнение этого решения предполагалось сделать в соответствии с задачами, поставленными перед министерствами по разработке генеральных схем, разрабатываемых и внедряемых в различных отраслях промышленности.

Во-первых, имелось в виду через генеральные схемы определить типы и размеры современных предприятий—производственных объединений в каждой отрасли промышленности и максимально сократить число автономных небольших предприятий, связанных организационными, технологическими и экономическими связями с другими, более крупными и организационно подготовленными предприятиями, и таким образом обеспечить на базе этих предприятий создание крупных производственных объединений с соответствующим уровнем техники и технологии производства, его организации и управления с передачей соответствующих прав и полномочий этим крупным современным предприятиям для решения стоящих перед ними задач.

Во-вторых, определить необходимость создания конкретных органов управления среднего звена, потому что, независимо от величины производственных объединений, в ряде случаев создание органов управления среднего звена, которые будут объединять самостоятельные предприятия, связанные между собой деятельностью по поставкам продукции народному хозяйству, является необходимым условием нормального функционирования комплекса предприятий.

В-третьих, определить структуру аппарата высшего звена—отраслевого органа управления—министерства, которая полностью должна отвечать требованиям современной организации управления.

В-четвертых, определить рациональную для данного этапа развития экономики систему отраслевого управления, будь это двухзвенная или трехзвенная, а в ряде случаев является обязательной и четырехзвенная схема управления, особенно в союзно-республиканских министерствах.

Проекты развития объединений должны разрабатываться по всем образованным в соответствии с генеральными схемами объединениям, что является обязательным условием дальнейшей работы над реализацией утвержденных генеральных схем. Проекты развития объединений служат также основой их технического перевооружения и реконструкции.

Производственное объединение не должно быть суммой за-

водов, фабрик и других организаций. Производственное объединение состоит из заводов и фабрик, которые во взаимной связи могут эффективно работать. Необходимо добиться, чтобы эти заводы и фабрики, будучи органической, составной частью объединения, вместе с тем давали бы бóльший прирост объема производства и более высокую производительность труда, более высокую эффективность производства единого производственно-хозяйственного комплекса.

Генеральная схема должна стать основой для разработки долгосрочного и пятилетних планов совершенствования организации управления производством, определить систему планирования, управления и экономические методы руководства в системе производственного объединения, промышленного объединения и министерства.

Следует отметить, что впервые в истории социалистического планирования на десятиую пятилетку и долгосрочную перспективу предусмотрен специальный раздел в народнохозяйственном плане, именуемый «Совершенствование организации управления». Такого раздела до сих пор не было, и в планировании вопросы совершенствования управления не находили места.

Генеральная схема должна обеспечить получение значительного экономического эффекта от осуществления тех мероприятий, которые намечаются генеральной схемой каждого отраслевого министерства.

Главное внимание при разработке генеральных схем обращено на основное звено, первичное звено — на производственные объединения, создание которых является важнейшей задачей во всех отраслях промышленности и народного хозяйства.

Как же министерства подошли к реализации этого очень важного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР?

Некоторые министерства подошли к этому как к очень важной, очень серьезной государственной задаче и разработали генеральные схемы, которые отличают первичное звено, предусмотренное в генеральной схеме, от тех предприятий, которые были в данной отрасли до разработки генеральной схемы. Таким министерством, которое подошло к этому вопросу с таким расчетом, чтобы найти рациональные пути резкого повышения эффективности производства и значительного усовершенствования организации управления, является Министерство угольной промышленности СССР. Это Министерство предусмотрело в генеральной схеме создание крупнейших производственных объединений в основном звене, которые включают в свой состав ранее самостоятельные шахты, предприятия, входившие в среднее звено — в угольные комбинаты отрасли. Такие производственные объединения (раньше основным звеном были предприятия, сейчас им становятся производственные объединения) включают в свой состав, например, объединение «Воркутауголь», 14 ранее самостоятельных шахт, 9 обогатительных фабрик, завод железоз-

бетонных изделий, деревообделочный комбинат, ремонтно-механический завод, проектную организацию «Печорниипроект», шахтостроительную организацию, организации вспомогательного производства. В это производственное объединение входят органы материально-технического снабжения, складское хозяйство, УРСы, предприятия, обеспечивающие бытовые нужды работников объединения.

В целом это объединение имеет в своем составе свыше 43 тыс. трудящихся и добывает около 15 млн. угля. Производственное объединение оснащено современной вычислительной техникой для управления производством и представляет собой крупное современное предприятие, которое самостоятельно решает большинство вопросов оперативного управления производством и задачи, связанные с обеспечением поставок народному хозяйству продукции этого объединения. В состав 46 объединений подобного типа вошли около 1500 ранее самостоятельных шахт, заводов и организаций. Всего в угольной промышленности количество самостоятельных предприятий и организаций сокращено в 4—5 раз.

Очень важно, что количество органов управления среднего звена Министерство угольной промышленности СССР сократит с 56 до 7 и, наконец, в составе министерства предусмотрены изменения, которые позволили ему сократить аппарат министерства. За счет этого оно намерено несколько увеличить количество высокооплачиваемых главных специалистов. Тем самым министерство улучшает работу центрального аппарата помимо улучшения условий работы в основном и среднем звеньях производства.

Мы считаем, что эта генеральная схема наиболее полно отвечает тем требованиям, которые предъявлены к министерствам по разработке мероприятий, улучшающих систему и организационную структуру управления.

Примерно по такому же пути пошло Министерство нефтяной промышленности и ряд других министерств.

Неплохо провели работу по подготовке генеральных схем ряд машиностроительных министерств. Хорошая схема получилась у Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, которое сократило количество предприятий на 113, или более чем на треть, организовало 27 крупных производственных и 6 научно-производственных объединений. Очень важно, что Министерство пошло по пути специализации этих объединений, созданы объединения не только по выпуску конечной продукции (тракторов, сельскохозяйственных машин), для чего созданы крупные объединения, такие, как Волгоградское, Харьковское, Минское, Челябинское и ряд других по выпуску тракторов и сельскохозяйственных машин. Министерство пошло также по линии создания объединений, выпускающих отдельные узлы, агрегаты и даже детали.

Какой экономический эффект от создания объединений? Если говорить о трех отраслях—Министерстве угольной промышленности, Министерстве газовой промышленности и Министерстве нефтяной промышленности, то примерный экономический эффект представляется следующими данными: в общем сократилось количество обособленных предприятий более чем на 2 тыс., обеспечено сокращение количества органов среднего звена в 4,3 раза, экономический эффект от реализации указанных генеральных схем составляет примерно около 280 млн. руб. и сокращение численности административно-управленческого аппарата 24 тыс. человек, или 10%.

Кроме Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения утверждена генеральная схема по Министерству электротехнической промышленности, Министерству нефтехимического машиностроения, министерствам легкой промышленности, черной металлургии и химической промышленности. Реализация этих генеральных схем управления создает условия для значительного улучшения управления производством, сокращения количества обособленных предприятий и увеличения числа крупных производственных объединений, которые обеспечивают повышение эффективности производства и существенный экономический эффект, в общем итоге значительно превышающий тот, который дали три вышеназванные отрасли, за счет концентрации производства, сокращения трудовых и материальных затрат.

Разработка генеральных схем затянулась, в ряде случаев схемы требуют доработки, поскольку некоторые министерства допустили в них довольно серьезные недоделки.

Во-первых, несмотря на значительное сокращение числа самостоятельных фабрик и заводов, все возможности, концентрации производства, централизации управления, дальнейшего сокращения числа обособленных предприятий не использованы, и поэтому целый ряд схем содержит в себе значительные резервы, которые должны быть использованы при дальнейшем совершенствовании управления, которое не снимается с повестки дня и после утверждения генеральной схемы.

Во-вторых, многие министерства, несмотря на то, что формально представили генеральные схемы, в которых предусмотрено объединение многих предприятий в составе производственных объединений, предусмотрели сохранение самостоятельности многих заводов в составе производственных объединений.

Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР по совершенствованию управления и Положением о производственном объединении предусматривается, что заводы и фабрики, входящие в состав производственных объединений, наделяются только той степенью самостоятельности, которая обеспечивает их нормальную работу в составе объединения и не мешает руковод-

ству производственного объединения решать все задачи с точки зрения интересов всего производственного объединения. Однако в силу, видимо, психологического барьера многие министерства настаивают на том, чтобы в составе производственных объединений сохранять для отдельных производственных единиц их самостоятельность в полном объеме.

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривает, что при создании производственных объединений ведомственная принадлежность и административные границы не должны оказывать влияния на включение в состав производственного объединения предприятий, фабрик и заводов, которые относятся к данной отрасли производства, но находятся в подчинении других ведомств и по существу должны быть включены в состав данного производственного объединения.

К сожалению, некоторые министерства это Положение не учли.

Покажем на одном примере, насколько значительным является это отклонение и насколько оно снижает эффективность создания производственных объединений. В легкой промышленности всего насчитывается около 8800 предприятий, а в составе самого Министерства легкой промышленности насчитывается только около 3 тысяч предприятий, остальные предприятия отрасли легкой промышленности относятся к местной промышленности, бытовому обслуживанию и целому ряду других ведомств. Характерно, что если на предприятиях, подчиненных Министерству легкой промышленности, выработка на одного работающего составляет 17710 руб. в год, то на предприятиях, находящихся в подчинении других ведомств, выработка составляет всего 5687 руб. Производительность труда на предприятиях, подчиненных другим министерствам и ведомствам, составляет только 1/3 производительности труда на предприятиях Минлегпрома, т. е. это огромный резерв, особенно при том положении, когда не хватает рабочей силы. К сожалению, Министерство легкой промышленности с такой задачей не справилось. Это относится и к Минлеспрому, Минпищепрому и некоторым другим министерствам. Видимо, будет проводиться дополнительная работа по дальнейшему использованию возможностей крупного производства, куда должны быть включены в виде производственных единиц многие фабрики и заводы, пока еще не вошедшие в состав производственных объединений.

Некоторые министерства предусматривают относительно большое количество всесоюзных и республиканских промышленных объединений. Это вызвано прежде всего опасением потерять, упустить руководство, с другой стороны, это попытка сохранить те кадры и организации, которые раньше входили в состав главных управлений, так как в большинстве случаев всесоюзные и республиканские объединения создаются на базе бывших главных управлений.

Почти все министерства стремятся увеличить численность центрального аппарата. Казалось бы, при концентрации производства и централизации в первичном основном звене ряда функций, в результате передачи их из министерств в них должен сокращаться объем работы, должна быть перестроена структура и количество работников аппарата должно уменьшиться. Однако стремление к тому, чтобы количество работников аппарата оставить без изменений или даже несколько увеличить, имеет место у большинства министерств.

Для создания производственного объединения, которое должно значительно увеличить мощности и улучшить показатели в сравнении с суммарными показателями вошедших в объединение фабрик и заводов (в 2—4 раза), необходимо внимательно изучить действующие заводы и фабрики и продумать радикальные меры, которые обеспечили бы требуемое увеличение мощностей и улучшение показателей, то есть разработать научный проект развития производственного объединения, который составит значительно сложнее, чем разработать проект нового предприятия.

Такую работу по созданию проектов развития объединений необходимо сделать каждому министерству по каждому вновь созданному производственному объединению. Это—крупнейшая задача, имея в виду, что удельный вес продукции, выполняемый производственными объединениями, доходит до 70%. Создание проектов крупных производственно-хозяйственных комплексов является важнейшим условием их дальнейшей работы над техническим перевооружением, реконструкцией, модернизацией объединений, доведения их до такого состояния, чтобы они могли резко улучшить содержание работы, повысить производительность труда. Создание проектов развития объединений позволяет включить эти крупные работы (по техническому перевооружению, реконструкции, замене оборудования) в государственные пятилетние планы развития народного хозяйства.

В связи с разработкой генеральных схем и созданием производственных объединений возникает ряд вопросов. Это вопрос самостоятельности предприятий, самостоятельности тех заводов и фабрик, которые входят в состав производственных объединений. Эта самостоятельность стала «притчей во языцех». Все хотят, чтобы было объединение, но чтобы сохранялась самостоятельность у заводов и фабрик, самостоятельность, которую отстаивают и предприятия, и некоторые местные органы, и некоторые работники министерств. Может быть, в некоторых случаях это и необходимо для тех производственных единиц, которые находятся на значительных расстояниях от головного завода или фабрики, эти единицы имеют хозяйственные связи, расчеты за продукцию, кроме того, связь со своим головным предприятием. По продукции внутри производственного объединения все они могут обойтись без этой самостоятельности, так как оплату за

поставленные материалы на местах производить можно и без этой самостоятельности (этот вопрос должен быть разрешен). Получение денег за продукцию требует соответствующих изменений во взаимоотношениях организаций банка с производственными единицами. Для этого банку необходимо (и это делается) открыть расчетные и ссудные субсчета, которые позволили бы производственным единицам беспрепятственно производить банковские операции с другими организациями².

Надо иметь в виду, что создание производственного объединения ведет к тому, что товарно-денежные отношения во многих случаях будут заменяться прямым воздействием плана. Это значит, что объединение, само получая узкий круг показателей от вышестоящих организаций, должно доводить планы по всему кругу показателей, с учетом заключенных на основе плана и планомерно организованных длительных прямых связей и широкой номенклатуры и ассортимента продукции, предусмотренной в договорах, потому что объединение должно обеспечить выполнение не только задания государственного плана, а должно обеспечить и выполнение договоров, которые сегодня принимают обязательный характер. Нас интересует не только выполнение плана отдельными предприятиями, а синхронная работа всех предприятий страны, зависящая от обеспечения всем ассортиментом продукции. Этот ассортимент продукции у нас не задан государственным планом, а предусмотрен в хозяйственных договорах, на основе заданий государственного плана в укрупненной номенклатуре, планируется самим производственным объединением. Это задание доводится объединением каждой производственной единице, считая филиалы или цехи, и он должен быть выполнен, иначе объединение попадает в затруднительное положение и с показателями плана и с выполнением договоров поставок, что скажется на оценке деятельности объединения со всеми вытекающими отсюда последствиями.

§ 4. О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ХОЗРАСЧЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Теоретической основой планомерного использования экономических рычагов в управлении производством является решение вопроса о подчиненности товарных отношений планомерным. Если товарные отношения рассматриваются не в рамках планомерно организованного производства, а независимо от них, то это ведет к теоретически неверному тезису о товарной природе социализма и регулирующей роли закона стоимости в развитии социалистической экономики.

С трактовкой закона стоимости, особенностей его действия при социализме неразрывно связано то или иное понимание ро-

² Госбанк СССР инструкцией от 16 июня 1975 г. решил этот вопрос положительно.

ли и места экономических рычагов в управлении социалистическим производством. Если, предположим, закон стоимости рассматривать как самостоятельный регулятор развития социалистической экономики, то из этого неизбежно вытекает вывод о неограниченной самостоятельности социалистических предприятий, что обуславливает необходимость стихийного ценообразования. Если же цены устанавливаются стихийно, т. е. в соответствии со спросом и предложением, то тем самым создаются также условия для стихийного образования прибыли предприятий в связи с необходимостью конкуренции между ними за ее получение. Такие методы хозяйствования не соответствуют природе и специфике социализма.

В то же время отрицание товарного производства и закона стоимости при социализме ведет к лишению предприятий и объединений необходимой им хозяйственной самостоятельности, объективных критериев рентабельности ведения хозяйства, разработки и внедрения эффективно действующих систем стимулирования.

Таким образом, вопрос о роли товарных отношений и закона стоимости при социализме не является, как иногда думают, оторванным от жизни, абстрактно-схоластическим. Он служит теоретической основой методов хозяйствования, а поэтому имеет прямое отношение к теории и практике хозяйственного управления.

В настоящее время происходит процесс создания производственных и промышленных объединений, им предоставляются широкие права. Создание объединений должно сопровождаться повышением заинтересованности и ответственности на всех уровнях хозяйствования. На это обращалось серьезное внимание как на XXIV, так и на XXV съездах, где партия поставила задачу создания таких экономических условий, чтобы предприятия были заинтересованы в разработке и выполнении напряженного планового задания, в ускорении научно-технического прогресса и повышении качества продукции. Эту задачу нельзя еще считать полностью выполненной.

Развитие заинтересованности и ответственности на всех уровнях управления предполагает совершенствование хозрасчетных отношений, внедрение хозрасчета и его элементов в средние и высшие звенья управления. Этот вопрос возникал и раньше. Особенно он обостряется в связи с созданием промышленных объединений. Возникает вопрос о соотношении хозрасчета промышленных и производственных объединений.

Решение этого вопроса, на наш взгляд, предполагает наличие определенного ответа о сути полного хозрасчета. Не имея возможности входить в обсуждение всех точек зрения, отметим, что суть полного хозрасчета, на наш взгляд, состоит в обеспечении развития производства за счет собственной прибыли.

В соответствии с таким пониманием дела можно охарактери-

зовать черты, которые свойственны полному хозрасчету. Эти черты, по крайней мере, предполагают, что предприятие или производственное объединение:

а) выступает как товаропроизводитель, за которым закреплено государственное имущество для изготовления продукции, выполнения работ или оказания услуг в соответствии с народно-хозяйственным планом;

б) обладает единой для коллектива материальной ответственностью за результаты своей производственно-хозяйственной и финансовой деятельности, за нарушение условий и норм планово-финансовой и договорной дисциплины;

в) осуществляет совершенствование своих производственных фондов за счет собственных источников накопления;

г) выступает в роли юридического лица.

Эти черты, взятые в единстве, характеризуют полный хозрасчет, который свойствен лишь основному звену управления производством— крупным предприятием типа ЗИЛ, ГАЗ или производственным объединениям, что в сущности одно и то же.

Это означает, что воспроизводство на отдельно взятом социалистическом предприятии, под которым мы теперь подразумеваем крупные производственные объединения, приобретает новую форму, хотя и протекает в рамках и в соответствии с закономерностями всего общественного воспроизводства при высокой материальной заинтересованности коллектива и каждого работника в эффективном ведении хозяйства, экономном использовании материальных и трудовых ресурсов, мобилизации своих внутренних источников роста производства и повышения качества продукции как важнейшего средства повышения эффективности производства.

В условиях полного хозрасчета предприятие получает возможность не только самостоятельно возобновлять все элементы производства, но также их совершенствовать.

Так утверждается более совершенная система отношений— полный хозрасчет, важной чертой которого является способность предприятия в основном за счет собственных ресурсов и на основе плана отрасли осуществлять развитие производства. Замечательная черта этой способности состоит в том, что она повышает заинтересованность и ответственность коллектива объединения в мобилизации своих внутренних источников роста производства и тем самым способствует разработке и выполнению напряженных реальных планов.

В соответствии с таким пониманием хозрасчета, на наш взгляд, следует подходить и к оценке уровня рентабельности предприятий. В условиях планового хозяйства перед предприятиями недостаточно поставить задачу обеспечения или даже повышения рентабельности. Уровень рентабельности, как и доля прибыли, оставшаяся в распоряжении предприятия, объединения, должен быть достаточным для осуществления расширенного

воспроизводства, осуществляемого по плану развития отрасли в целом.

В связи с этим следует остановиться на причинах, обуславливающих необходимость различных типов хозяйственного расчета на уровне производственных и промышленных объединений, т. е. на уровне первичного и среднего звена управления.

Хозрасчет представляет собой определенное единство планомерных и товарно-денежных отношений. Это единство противоречно, что находит свое выражение и в организации управления. Хозрасчетное звено, с одной стороны, подчинено централизованному управлению, поскольку его деятельность протекает в рамках единого хозяйственного плана. С другой стороны, хозрасчетное звено обладает известной хозяйственной самостоятельностью и его деятельность в определенной мере подчинена мотивам товарного производства, действию закона стоимости. Именно последнее обстоятельство обуславливает специфику хозрасчетной формы, как метода управления.

Хозрасчетная форма организации и управления имеет свою специфику, определяемую товарно-денежными отношениями, действием закона стоимости. Без последних нет первого. Нельзя считать случайным тот факт, что необходимость хозрасчета была признана одновременно с признанием необходимости использования товарно-денежных отношений в период перехода к нэпу. Можно высказать предположение, что с отмиранием товарно-денежных отношений отомрет и хозрасчет в своем нынешнем виде. Хозяйствование всегда было и будет, но форма его изменится.

Мы имеем дело с хозрасчетом, который существует в рамках планомерно организованного производства, но в решении своих специфических задач связан с использованием товарно-денежных отношений и категорий. Коль скоро это так, то ключ к объяснению различных типов хозрасчета также надо искать в разной степени воздействия закона стоимости на разные уровни управления. Низовое, первичное звено хозяйственного управления, предприятия и объединения в большей мере подчинено мотивам товарного производства, действию закона стоимости, и этим обусловлена необходимость наиболее полного хозрасчета именно на этом звене управления.

Высшие, а также средние звенья управления, как, например, промышленные объединения и министерства, в меньшей мере подчинены мотивам товарного производства. Это находит свое выражение во многих явлениях. Так, они не выступают в роли товаропроизводителя и не отвечают по обязательствам входящих в их состав предприятий и объединений. Это говорит о том, что подотрасли (промышленному объединению) и предприятию (производственному объединению) характерны различные типы хозрасчета.

Выше говорилось о тех признаках, которыми характеризуется полный хозрасчет. Такой полнотой хозрасчет, на наш взгляд, обладает лишь в одном, а именно в основном звене управления. Что же касается других видов (типов, моделей) хозрасчета, то они названными чертами в вышеуказанном объеме не обладают. Так, например, имеется немало цехов, заводов, или филиалов, деятельность которых известным образом характеризуется как хозрасчетная. Им предоставлено право набирать, расставлять и использовать рабочую силу, формировать собственный фонд материального поощрения и т. д. Тем не менее такой хозрасчет весьма ограничен.

Как ограниченный выступает и хозрасчет среднего или высшего звена управления, отрасли или подотрасли.

Чем и как должен отличаться хозрасчет среднего или высшего звена от охарактеризованного выше полного хозрасчета основного звена управления? Для ответа на этот вопрос необходимо предварительно решить, что зависит от предприятий и производственных объединений, а что — от промышленных объединений и министерств. Проведение такого разграничения имеет огромное практическое значение. Ведь смысл организации хозрасчета на разных уровнях управления состоит в повышении ответственности. Поэтому нельзя допускать подмены одних органов другими. Для каждого уровня управления необходимо определить свой круг задач, решению которых должен быть подчинен его хозрасчет. Одни задачи стоят перед коллективом и руководством предприятия или производственного объединения, другие — перед отраслью или подотраслью, а соответственно перед министерством или промышленным объединением.

В работе отраслевых органов управления центр тяжести в современных условиях переходит на решение перспективных вопросов, главным образом связанных с обеспечением технического прогресса и повышением эффективности производства. Отраслевые органы управления — министерства и промышленные объединения в современных условиях сосредоточивают основное внимание на вопросах перспективного планирования, технического прогресса, материально-технического снабжения, ценообразования, развития мощностей, улучшения качества продукции. Они организуют свою деятельность в соответствии с необходимостью решения этих задач в рамках отрасли или подотрасли.

Дело не только в постановке этих задач, но и в определении способов их решения. Отмеченные задачи решаются в деятельности предприятий и производственных объединений. Средние и высшие звенья управления не подменяют руководство и коллективы первичного звена, а создают условия для повышения их заинтересованности и ответственности. Таков способ решения задачи. В то же время отраслевые органы непосредственно не отвечают за работу каждого подведомственного предприятия или производственного объединения, так как на деле это оборачива-

ется обезличиванием ответственности. Отраслевые органы отвечают за собственный круг задач и показателей, решение и достижение которых зависит от них. Положение о Всесоюзном и республиканском промышленном объединении определяет круг задач, решаемых им.

Если говорить об организации хозяйственного расчета на более высоком уровне, например отрасли в целом, то, разумеется, он будет решать другой круг задач. Так, важным элементом отраслевого хозрасчета является то, что министерством гарантируется поступление запланированных средств в государственный бюджет. Так именно обстоит дело в Минприборе. Вместе с этим следует подчеркнуть и необходимость гарантирования выполнения отраслью всей плановой номенклатуры.

Перевод подотраслей на хозрасчет предполагает существенное изменение их взаимоотношений с государственным бюджетом. Сейчас дело обстоит так, что предприятия отрасли перечисляют средства в бюджет, а затем фонд капитальных вложений в централизованном порядке распределяют по отраслям. При хозрасчете отраслей отпадает нужда в таком сложном круге движения средств. В соответствии с отраслевой потребностью в капитальных вложениях, достаточно утвердить норматив отчисления от прибыли предприятий средств в отраслевой фонд капитальных вложений. В таком случае отрасль (а соответственно и министерство) оказывается более заинтересованной в повышении рентабельности производства, поскольку от этого зависят как обеспеченность отрасли собственным фондом капитальных вложений. Такая организация работы создает определенную зависимость развития отрасли или подотрасли от работы управляющих ею органов. В таком случае, развитие отрасли и подотрасли начинает зависеть от работы отраслевых органов управления, а на основе этой зависимости разрабатывается и осуществляется система материального поощрения работников аппарата управления. В то же время органы управления, с одной стороны, сами участвуют в формировании отраслевого фонда капитальных вложений, а с другой стороны, оказываются способными воздействовать на деятельность подведомственных предприятий не только с помощью административных мер, но и финансовых средств.

Таким образом, хозрасчет отрасли характеризуется, во-первых, тем, что отрасль переводится на самокупаемость; во-вторых, прибыль становится основным источником развития производства; в-третьих, премирование аппарата министерства осуществляется за показатели работы отрасли. Такая организация работы основана на использовании принципов хозяйственного расчета, но в ней, на наш взгляд, отсутствует ряд важных моментов. В частности, аппарат управления отраслью не создает материально законченного продукта, не выступает в роли товаропроизводителя, хотя и участвует в создании чистого продукта отрасли;

не несет прямой ответственности, из которой бы неизбежно вытекали экономические санкции к работникам управления за нарушение планово-финансовой дисциплины; не выступает в роли юридического лица.

Ограничение хозрасчета аппарата управления отраслью необходимо для того, чтобы гарантированно обеспечить предприятиям и объединениям определенные права. Вместе с тем необходимо развитие тех признаков хозрасчета, которые повышают ответственность работников аппарата по линии создания наиболее благоприятных условий, стимулов ускорения технического прогресса, роста производительности труда и эффективности производства.

§ 5. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ И ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В ПЛАНИРОВАНИИ

Неуклонный рост материального производства при социализме требует постоянного совершенствования системы планирования. В течение последних 10 лет был выработан целый комплекс мероприятий по совершенствованию планирования, таких, как укрепление отраслевого принципа управления, сочетания его с территориальными условиями, выявление глубины резервов в экономике, развитие принципа демократического централизма, повышение активности и самостоятельности, создание объединений, усиление планового воздействия таких экономических рычагов, как цена, прибыль, рентабельность, развитие единой системы плана, состоящей из планов на длительную перспективу, среднесрочных, пятилетних и годовых планов. «Наша страна, — говорил на XXV съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — первой встала на путь планового руководства экономикой. Этому сложному искусству у нас учились и учатся десятки других государств. Но и перед нами сейчас встала задача поднять уровень плановой работы, привести ее в соответствие с новыми масштабами и обликом нашего хозяйства, с новыми требованиями времени»³.

Важным условием совершенствования управления является обеспечение пропорциональности и сбалансированности развития экономики, повышение материальной и моральной заинтересованности на всех уровнях и, наконец, значительное укрепление ответственности и дисциплины предприятий. Традиционными способами решать задачи уже невозможно.

Объем информации, который требуется для принятия плановых решений, уже не поддается физическому восприятию отдельного человека. Огромная сложность связей, необходимость при всем этом оперативных, правильных плановых и управляющих решений и, наконец, такой важный фактор, как элемент не-

³ Материалы XXV съезда КПСС, с. 59.

определенности наших планов, требуют проведения огромной работы по «встраиванию» новых методов в механизм существующей в течение более полувека системы управления экономикой. Мы должны оценить элементы неопределенности и разработать такие меры, которые бы нейтрализовали их действие, чтобы они не нарушали процесс выполнения плана, то есть разработать систему расчетов надежности наших народнохозяйственных планов.

Использование экономико-математических методов и электронно-вычислительной техники является одним из основных направлений решения всех этих задач на достаточно высоком уровне и повышения научной обоснованности наших народнохозяйственных планов. Указанные методы и сама техника позволяют переработать практически неограниченный объем информации, причем не вообще переработать, а сделать это в очень короткие сроки. Машины третьего поколения среднего класса, например ЕС 1050, осуществляют примерно 500 тыс. операций в секунду. Это означает, что машины могут быстро выдать необходимые данные и в удобной для восприятия форме, которая требуется для принятия правильного оптимального решения.

Но для того чтобы эффективно использовать современную технику, необходимо провести большую предварительную работу. Прежде всего должны быть разработаны соответствующие экономические методы и модели, которые присущи развитому социалистическому обществу нашей страны. Исключительно важную роль играет также система исходной информации, на которой строятся эти модели, возможность получения реальных достоверных данных.

В нашей стране за последние годы развернулась большая работа по созданию автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР), которая представляет собой систему разработки народнохозяйственных планов и контроля за их выполнением, в условиях развернутого применения экономических методов с соответствующей технологией, организацией работ и кадрами. АСПР является беспрецедентной по своим масштабам и сложности системой, для разработки которой привлечено более 100 научно-исследовательских организаций, в том числе экономические институты Академии наук СССР, все институты Госплана СССР, госпланов союзных республик, по крайней мере, по одному институту от отраслевых институтов. Головной организацией по проектированию является Главный вычислительный центр Госплана СССР.

Что представляет собой эта система? Она состоит из двух групп подсистем. Первая группа подсистем — функциональные, которые предназначены для решения плановых задач и контроля за выполнением плана. На уровне Госплана таких подсистем около 50; вторая небольшая по количеству, но очень важная группа — обеспечивающие системы, которые объединяют в единый

комплекс функциональные системы. В эту группу входит: методическое информационное; техническое; математическое; организационно-правовое; технологическое и, наконец, кадровое обеспечение.

АСПР является важнейшей частью создаваемой в стране в соответствии с решением XXIV съезда КПСС общегосударственной автоматизированной системы управления производством, АСПР будет тесно взаимодействовать с АСУ министерств и ведомств и как бы пронизывать всю экономику от предприятия до Госплана.

Важное преимущество АСПР состоит в том, что в отличие от технической системы, которая не может быть внедрена, пока она окончательно не спроектирована и испытана, АСПР внедряется в ходе ее разработки. Сейчас разрабатывается эскизный проект системы, но уже внедрен ряд отдельных элементов АСПР, которые работают не первый год и дают реальные результаты. Такой подход позволил накопить определенный опыт эксплуатации системы и избежать ошибок в дальнейшем проектировании. Прежде всего, разработан ряд важных методов для составления народнохозяйственного плана, и прежде всего метод межотраслевого баланса. Этот метод выражается в целой системе моделей, включающей восемнадцатитраслевою динамическую модель, развернутые натуральные и стоимостные статистические модели, модели многоступенчатой оптимизации и т. д., то есть целый ряд моделей, в основе которых лежит межотраслевой баланс.

Преимуществом межотраслевого баланса является то, что он кроме прямых затрат дает возможность получить и косвенные затраты. Такая информация является очень важной, поскольку коэффициенты полных затрат, которые получаются в результате расчетов, превосходят коэффициент прямых затрат в несколько раз. Например, полные затраты на создание завода в Тольятти в девять раз превышают прямые затраты. Когда принималось решение о строительстве этого завода стоимостью 4 млрд. руб., имелось в виду, что 36 млрд. руб. необходимо вложить в другие отрасли.

Следующая группа моделей—это модели обработки больших объемов информации. Следует отметить, что как раз с этих расчетов более 10 лет назад и началось внедрение экономико-математических методов в Госплане СССР. Несмотря на простоту этих расчетов, они позволили не только сократить время обработки информации, но и качественно повысить уровень планирования. Например, сельскохозяйственная техника планировалась в миллионах рублей, но и для этой техники нужно было поставить миллионы тонн металла, а нормы расхода рассчитывались на миллион рублей ее стоимости. И тут возникли разногласия с министерствами и ведомствами: Госплан считает, что металла достаточно, а министерства требуют его дополнительно. Было решено нормы расхода металла представлять по каждому из 1,5

тыс. наименований сельскохозяйственной техники. Эти нормы были введены в ЭВМ, и получена потребность на эту технику по 75 видам проката и труб. И сразу вопрос о выделении металла стал решаться конкретно, т. е. качественно по-новому стали разрабатывать и подходить конкретно к вопросам планирования.

Наряду с повышением научного уровня планирования, экономико-математические методы и вычислительная техника позволяют освободить человека от рутинной работы. Сейчас же более 30% всех плановых документов непосредственно с ЭВМ направляются в правительство или в Госплан.

Еще одна важная область, которая не может быть практически охвачена без применения ЭВМ,— это прогнозирование. По сути дела—это процесс планирования, который является органической частью самого плана, даже годового. Возьмите такой прогноз, как итоги сельскохозяйственного года. Мы разрабатываем годовой план и представляем его в Правительство 15 августа, а урожаем заканчивают собирать в ноябре. Поэтому мы должны в плане учесть особенности сельскохозяйственного года и создать необходимые условия для работы мясной, молочной и легкой промышленности. А прогноз спроса, структуры потребления населением товарной массы тоже являются основой для годового плана производства, играя еще большую роль в пятилетнем и долгосрочном плане. Некоторые прогнозы имеют не только экономическое, но и политическое значение. Например, по методике ЦСУ разработан прогноз численности населения до 2000 года с разбивкой по годам, по республикам в нескольких вариантах, исходя из разных гипотез, географических условий. Все это позволило уже сейчас сделать соответствующие выводы с тем, чтобы в 11 и 12 пятилетках обеспечить высокие темпы развития народного хозяйства.

§ 6. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

В области сельского хозяйства XXV съезд КПСС поставил две взаимосвязанные стратегические цели:

1. Добиться полного и надежного обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.
2. Обеспечить дальнейшее сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни.

Их решение требует постепенного перевода сельского хозяйства на новую, более высокую индустриальную ступень развития, основные направления которого определены в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхо-

зяйственной кооперации и агропромышленной интеграции». Учитывая очень высокую фондоемкость данной программы при необходимости решения и других крупных экономических и социальных программ, партия с особой остротой ставит задачу нахождения (с учетом конкретных условий) главных стратегических целей, которые обеспечили бы наибольший выигрыш во времени и по затратам ресурсов. Одним из главных условий эффективности и качества работы является достижение необходимой пропорциональности и сбалансированности всех производственных, экономических и социальных факторов. Решение этой задачи предполагает разработку комплексно-целевых программ развития сельского хозяйства. Определенный опыт такого подхода имеется в Эстонской ССР, где по заданию ЦК КПЭ была разработана поэтапная тактика перевода сельского хозяйства на индустриальную стадию в конкретных условиях республики. Она включает следующие основные элементы:

1. Оптимальная тактика фондовых вложений, позволяющая сбалансированно решать производственные, экономические и социальные задачи; в частности, найти оптимальную меру между двумя средствами повышения эффективности — концентрацией производства и подтягиванием отстающих звеньев. Так, можно представить два крайних решения в использовании имеющихся в сельском хозяйстве средств: концентрация вложений на относительно малом числе крупных производственных (и связанных с ними жилищных и социальных) объектов и равномерное распределение их по всему кругу хозяйств.

Экономические преимущества высокой концентрации производства вроде бесспорны. Самая большая производительность труда достигается на крупных промышленных комплексах. Но наряду с успехами нельзя не замечать определенных экономических и социальных издержек чрезмерной концентрации. Нередко из-за неотработанности технологии, недостатка племенного скота или ветеринарного обеспечения, слабости кормовой базы и по ряду других причин снижается отдача фондовых вложений. Имеется и другая опасность чрезмерной концентрации — возникновение социально-экономических диспропорций. При направлении ограниченных ресурсов только в небольшое число хозяйств в трудное положение попадают экономически слабые хозяйства. Длительная консервация их отставания приведет к чрезмерному оттоку рабочей силы, выпадению земли из сельскохозяйственного оборота и другим труднообратимым болезненным процессам, лечение которых дорого обходится обществу.

Нельзя согласиться и с равномерным распределением вложений по всему кругу хозяйств. Решая в определенной мере социальные задачи по выравниванию уровней, оно в то же время снижает эффективность затрат, воспроизводя во многом прошлую структуру производства. Таково реальное противоречие. В целях его разрешения в Эстонской ССР наряду со строительством от-

носителю небольшого числа крупных экспериментальных комплексов делается упор на реконструкцию существующих ферм, на превращение их в современные комплексы по так называемому блочному методу. Это позволяет ускорить переход к промышленным методам производства, расширить круг хозяйств, совершающих этот переход, и снизить примерно на одну треть фондовые затраты.

2. Совершенствование организационной и социально-экономической структуры сельского хозяйства для обеспечения динамичного и сбалансированного развития. Большое значение здесь имеет дальнейшее развитие процессов, обобществления в сельском хозяйстве — межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

В Эстонской ССР начат соответствующий эксперимент — создано Вильяндийское районное сельскохозяйственное объединение, включающее все колхозы, а также государственные сельскохозяйственные и обслуживающие предприятия. Объединение имеет хозрасчетные фонды и осуществляет экономические функции управления, целью которых является достижение максимального экономического и социального роста в рамках данного региона. При этом сохраняется производственная и юридическая самостоятельность каждого члена объединения, позволяющая использовать их инициативу и материальную заинтересованность в поисках лучших решений. На этом пути мы видим не только более эффективное решение текущих задач, но и дальнейшую реализацию основных идей ленинского кооперативного плана. В процессе совместного решения назревших задач происходит сближение и объединение двух форм социалистической собственности, а также сближение материальных и культурно-бытовых условий жизни города и деревни.

3. Совершенствование системы экономических рычагов и стимулов. Одной из важных проблем в этой области, поставленных XXV съездом КПСС, является создание действенной системы моральной и материальной ответственности каждого хозяйства и управленческого звена за выделенные ему земельные и материальные ресурсы. Эта проблема возникает как вследствие значительного увеличения затрат общества на сельское хозяйство, так и в силу ограниченности (дефицитности) ресурсов повышенной производительности. Общество, выделяя ограниченные ресурсы тому или другому хозяйству (объединению), вправе рассчитывать на получение должного эффекта. До последнего времени существующая система морального и материального стимулирования больше действовала в сторону высоких количественных показателей без достаточного учета качественной стороны — затраты ресурсов.

Современное состояние экономической науки (в частности, применение на основе теории дифференциальной ренты методов математической статистики и экономико-математического моде-

лирования) позволяет получить нормативы, характеризующие выход продукции и доходность при данном обеспечении ресурсами. На наш взгляд, повышение эффективности использования ресурсов может быть достигнуто при условии, когда в основу оценки работы сельскохозяйственных предприятий (объединений) и соответственно определения размеров их обязательств перед государством будут положены эти оценки и степень отклонения фактической эффективности от нормативной. Это позволит наладить механизм экономической ответственности за использование ограниченных ресурсов, не подрывая стимулов к лучшей работе (часть эффекта, полученного от ресурса повышенной производительности, останется хозяйству).

§ 7. НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

Проблемы развития социалистического соревнования давно привлекают внимание многих обществоведов. О соревновании написано немало книг, брошюр и статей. Например, только с 1958 г. по 1975 г. издано 1626 книг и брошюр по различным вопросам социалистического соревнования. С 1945 г. по 1975 г. на эту тему защищено 376 кандидатских и 12 докторских диссертаций.

Важное место занимают работы, посвященные анализу теоретических проблем развития социалистического соревнования. В них дается экономическая характеристика соревнования, вскрываются его материальные истоки, анализируется сущность и особенности соревнования в условиях развитого социализма.

Конечно, нельзя отрицать, что некоторым публикациям о социалистическом соревновании порой не хватает глубины и доказательной силы. Далеко не всегда они связаны с проблемами экономики и научно-технического прогресса. Не все проблемы соревнования исследованы равномерно. В известной мере это объясняется отсутствием четкой методики изучения темы и недостаточной планомерностью ее разработки. Отсюда проблемы в анализе некоторых важных вопросов соревнования, известная однотипность ряда исследований. Вот почему в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении организации социалистического соревнования» говорится о необходимости более «глубокой теоретической разработки проблем дальнейшего развития социалистического соревнования, движения за коммунистическое отношение к труду».

Одним из недостатков, непреодоленных в некоторых опубликованных брошюрах и книгах, посвященных соревнованию, является так называемый «иллюстративный метод» изложения. Согласно «иллюстративному методу» выдвигаемое автором уже известное положение подкрепляется одним или несколькими «примерами», и к этому сводится вся система аргументации.

Дифференцированное изучение соревнования дало возможность глубже исследовать отдельные его стороны. В рамках той или иной науки правомерно вести речь о соревновании в экономическом, нравственном, социально-психологическом и других аспектах. Однако наряду с таким изучением должен идти процесс интеграции накопленных знаний.

В настоящее время особенно необходим анализ общетеоретических аспектов соревнования. Это тем более важно, что среди ученых не существует единого мнения по вопросу о его природе и сущности.

Среди отдельных научных работников распространена так называемая морально-этическая концепция соревнования, т. е. соревнование рассматривается как категория надстройки. «Даже такие чисто надстроечные явления, как идеи,— пишет, например, С. А. Ленская,— овладевая массами, превращаются в материальную силу, которая служит величайшим источником производительности труда. Примером этому может служить социалистическое соревнование»⁴.

Морально-этическая концепция соревнования в нашей печати уже подвергнута основательной критике. Большинство экономистов пришли к выводу, что социалистическое соревнование— явление социально-экономическое, одно из существенных сторон производственных отношений социализма. «Социалистическое соревнование,— пишет И. Кузьминов,— это не надстроечное, а особое производственное, т. е. экономическое, отношение»⁵.

Еще недостаточно глубоко исследованы ценнейшие мысли К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина о социалистическом соревновании.

Некоторые стороны ленинских оценок соревнования используются в теоретических работах недостаточно полно и точно. В последние годы наметилось даже стремление в поисках «экономического содержания» соревнования толковать его в духе борьбы производителей за большой доход. Сторонники этой позиции, говоря об «экономическом соревновании», подразумевали под ним конкуренцию.

Ошибочная концепция о параллельном существовании при социализме и социалистического соревнования и конкуренции была подвергнута аргументированной критике. Например, И. Кузьминов, критикуя попытки отождествления социалистического соревнования и конкуренции, писал: «Какова бы ни была причина и подкладка этой трактовки, она извращает действительные отношения и объективно играет на руку проповедникам теории конвергенции двух систем»⁶.

⁴ Труд, техника, экономика. М., 1970, с. 156.

⁵ Кузьминов И. И. Очерки политической экономии социализма. М., 1971, с. 187.

⁶ Кузьминов И. Ленинские идеи социалистического соревнования. — «Социалистический труд», 1969, № 6, с. 4.

Конкуренция — чуждое социализму явление. В социалистическом обществе при общественной собственности на средства производства и планомерном управлении в соответствии с принципом демократического централизма конкуренция невозможна. Считать «конкуренцию» необходимым элементом конструкции социалистических производственных отношений, справедливо отметил В. Фединин, значит, извращать суть этих отношений⁷.

В экономической литературе существуют разногласия по вопросу, можно ли считать социалистическое соревнование экономическим законом. В ряде исследований оно объявляется экономическим законом социализма⁸. В других же работах выдвигаются возражения против возведения социалистического соревнования в роль самостоятельного экономического закона⁹.

При всей значимости социалистического соревнования в коммунистическом строительстве возведение его в ранг самостоятельного экономического закона, нам кажется, вряд ли оправдано. Видимо, правильнее считать социалистическое соревнование важным экономическим рычагом, стимулом усиления действия механизма функционирования этих законов, направленного на повышение эффективности народного хозяйства. Однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

В настоящее время в советской литературе существует несколько определений сущности социалистического соревнования.

Весьма распространено определение, в котором соревнование характеризуется как непосредственное проявление сотрудничества и взаимопомощи людей, свободных от эксплуатации. Например, в «Политэкономическом словаре» отмечается, что социалистическое соревнование «выражает товарищеское сотрудничество и взаимопомощь работников, социалистическое отношение к труду»¹⁰.

В данном определении не отражена другая, не менее важная черта социалистического соревнования — фактическое трудовое состязание, без которого о соревновании не может быть и речи.

Сущность социалистического соревнования носит двойственный характер, представляя собой диалектическое единство товарищеского состязания и товарищеской взаимопомощи. Движущими силами соревнования являются и сотрудничество, и взаимовыгодная борьба. Здесь товарищеское соперничество выступает в органическом единстве со взаимопомощью, а стремление к опережению других — с подтягиванием всех до уровня передовых. Ни один из этих двух признаков, взятых каждый в отдельности,

⁷ См.: Фединин В. Социализм и соревнование. М., 1970, с. 19.

⁸ См.: Бейлин Л. А. Социалистическое соревнование как экономическая категория. — В кн.: Экономические законы социализма и их использование. М., 1970, с. 247.

⁹ См.: Швец Я. Г. Социалистическое соревнование на современном этапе развития. М., 1974, с. 14—15.

¹⁰ Политэкономический словарь. Изд. 2-е. М., 1972, с. 285.

не может в полной мере охарактеризовать социалистическое соревнование. Их нельзя разорвать и противопоставить друг другу, нельзя также абсолютизировать один из них.

В условиях научно-технической революции возрастает роль и значение научной организации соревнования. Организация соревнования сейчас непосредственно смыкается с научной организацией труда. В последние годы становится все более очевидным, что качественно новый уровень, на который поднялась трудовая и творческая активность масс в социалистическом соревновании за успешное выполнение народнохозяйственных планов, входит в определенное противоречие с уровнем организации и руководства соревнованием. Социалистическое соревнование еще не в полной мере стало неотъемлемой составной частью механизма управления народным хозяйством.

Существует немало и других проблем организации социалистического соревнования. В свое время В. И. Ленин, например, писал о соревновании организаторов-практиков. Однако мы пока не знаем фактов гласного соревнования между руководителями предприятий, объединений, отраслей, хотя объект для такого соревнования несомненно есть. Следует пересмотреть государственную систему статистической отчетности предприятий с тем, чтобы она включала в себя не только показатели хозяйственной деятельности коллектива, но и результаты соревнования, показатели его качественного развития, увязать сроки представления отчетности со сроками подведения итогов соревнования. Следует подумать о решении и такого вопроса, как введение в отчетность более полного круга показателей для подведения итогов социалистического соревнования.

Мы наметили лишь некоторые проблемы, которые могли бы быть предметом научного анализа. Проблема социалистического соревнования требует пристального к себе внимания. Она и дальше должна быть объектом исследования со стороны представителей всех общественных наук.

ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА ОСНОВЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА И БОЛЕЕ ПОЛНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВСЕХ РЕЗЕРВОВ

§ 1. РЕЗЕРВЫ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

На XXV съезде КПСС было показано, что в условиях развитого социализма повышение эффективности общественного производства становится необходимым и закономерным. Это вытекает из полной занятости рабочей силы и невозможности заметного увеличения ее численности в материальном производстве в связи с ускорением роста нематериального производства и снижением темпов роста населения. Необходимо считаться и с ограниченностью другого фактора экстенсивного роста — использования новых природных ресурсов.

В этих условиях все более настоятельным становится повышение эффективности общественного производства. Неслучайно десятая пятилетка является пятилеткой эффективности и качества.

Каковы же пути повышения эффективности? Возможности быстрых темпов роста социалистического производства вытекают не только из того, что происходит увеличение производственных мощностей, но и из наличия больших резервов в народном хозяйстве и из необходимости их использования. На XXV съезде КПСС были сформулированы конкретные задачи повышения эффективности общественного производства. Решение этих задач требует освещения ряда теоретических и практических вопросов.

К их числу относятся, прежде всего, методы определения эффективности.

Эффективность — это отношение эффекта к затратам.

$$\varepsilon = \frac{\text{Эффект}}{\text{Затраты}}$$

Естественно, возникает вопрос, что принимать в качестве эффекта. Не останавливаясь на всех сторонах вопроса об эффективности, вытекающих из того, что эффективность социалистической экономики должна определяться основным экономическим законом социализма, следует констатировать: когда речь идет об эффективности материального производства, то в качестве наиболее

часто встречающегося в литературе показателя выступает национальный доход или чистая продукция, которая в стоимостной форме обозначается как $v+m$. Что касается затрат, то на этот счет имеется еще больше разных точек зрения.

Одна точка зрения такова: в знаменателе должны быть записаны затраты производства, т. е. $c+v$. Но это неполные затраты: $c+v$ в конкретном выражении — это сумма текущих валовых материальных затрат и выплаченной заработной платы. Это неточное выражение действительных затрат. Во-первых, величина c преувеличена вследствие повторного счета, а величина v отражает лишь часть затрат живого труда. Есть точка зрения, что знаменателем должна быть сумма $c+v+m$, т. е. весь валовый общественный продукт. Тогда эффективность общественного производства была бы выражена формулой:

$$\frac{v+m}{c+v+m}$$

По существу $c+v+m$ — тоже неполная величина затрат общественного труда на производство продукции. С одной стороны, как сказано, величина c — это материальные затраты с повторным счетом. При заводском способе учета валовой продукции материальные затраты повторяются столько раз, сколько ступеней проходит продукт от сырья до получения готового продукта.

Отношение $\frac{v+m}{c+v+m}$ — не что иное, как доля национального дохода в валовом общественном продукте. С течением времени эта доля снижается, так как в результате развития производства живой труд заменяется прошлым трудом. На это указывали основоположники марксизма-ленинизма, это — закономерность развития производства, начиная с самых ранних его стадий. Но снижение доли чистого продукта в валовом продукте отнюдь не означает снижения эффективности общественного производства. Отношение чистого продукта к валовому не является показателем эффективности.

Другая причина того, что $c+v+m$ не является полной величиной затрат общественного труда на производство продукции, заключается в том, что c представляет собой потребленные средства производства, что значительно меньше примененных средств производства.

Стоимость основных фондов находит отражение в валовом продукте в виде амортизации. Это верно, но амортизация отражает лишь потребленную часть основных фондов, а нужно учесть полную величину примененных основных фондов. В современном производстве эта величина весьма значительна. Сюда входят производственные здания и сооружения, машины и другое оборудование, транспорт и т. д. Для создания основных фондов, необходимых для пуска в ход крупного предприятия, тре-

буются значительные последовательные затраты, капитальные вложения в течение ряда лет.

Хотелось бы отметить еще одно предложение об учете в качестве затрат, т. е. знаменателе, — величины $c+v+m_a$, где m_a — не весь прибавочный продукт, а только та его часть, которая идет в производственное накопление. Получается выражение такого рода:

$$\frac{v+m}{c+v+m_a}$$

Насколько правомерен такой подход? Многократный счет все равно остается. Вместе с тем исключается та часть прибавочного продукта, которая после вторичного распределения составляет затраты общества на образование, науку, культуру, здравоохранение, армию, управление. Есть ли основание для такого исключения? Ведь эти затраты имеют большое значение для получения производственного эффекта, без них в действительности нельзя обойтись. С другой стороны, от этого исключения точность счета отнюдь не повышается, так как материальные затраты остаются преувеличенными.

Как же надо считать величину затрат? Нам представляется правильным включать в знаменатель прежде всего всю величину реальных затрат живого труда $v+m$. Сумма этих затрат не содержит никакого повторного счета.

Дальше надо включить амортизацию всех средств труда, которые действовали. Итак, в знаменателе будет $v+m+a$.

Если взяты полные затраты живого труда и амортизация — это означает, что, например, в добывающей промышленности учтены практически почти все затраты на добычу сырья, не считая энергии и вспомогательных материалов. Но затраты на энергию и вспомогательные материалы учитываются аналогичным образом через $v+m+a$ в электроэнергетике, нефтепереработке и др. отраслях.

Итак, получены полные затраты на добычу сырья. Это сырье пошло в промежуточную переработку. Прибавляя полные затраты живого труда на эту переработку и амортизацию к уже учтенной стоимости сырья, получаем полную затрату живого и прошлого труда на производство промежуточного продукта.

Наконец, на последней стадии выпуска конечного продукта получается то же самое: затраты живого труда плюс полные затраты труда на создание промежуточного продукта плюс амортизация.

Таким образом, затраты $v+m+a$ — это и будут все текущие затраты на производство конечного продукта без повторного счета. Обозначим эту величину через P .

Кроме этих полных текущих затрат нужно учесть и затраты на создание примененных средств труда. Но как их взять и просуммировать с текущими затратами?

Для суммирования текущих затрат с производственными фондами допустимо заимствовать прием из методов расчета эффективности капитальных вложений: приведение затрат на создание основных фондов к годовой размерности путем применения норматива эффективности. Имеется большой опыт применения нормативов эффективности к капитальным вложениям. Полагаю возможным применить его и ко всем производственным фондам, которые являются результатом последовательных капитальных вложений. Тогда получается формула:

$$E(F_{\text{осн.}} + F_{\text{об.}} + R),$$

где: $F_{\text{осн.}}$ и $F_{\text{об.}}$ — соответственно вся величина авансированных средств на создание основных и оборотных производственных фондов, участвующих в процессе производства. А что такое R ? Это авансированные фонды, необходимые для оплаты рабочей силы. Надо напомнить, что мы должны брать не весь годовой фонд заработной платы, а только его часть, которая необходима для того, чтобы авансировать оплату рабочей силы, пока не возвращается выручка от реализации продукции за время полного ее оборота, а вместе с ней возвращается и авансированный фонд оплаты рабочей силы.

Сумма $F_{\text{осн.}} + F_{\text{об.}} + R = F$ представляет собой всю сумму авансированных средств для ведения предприятия. Умножая на норматив E , приводим эту сумму к годовой размерности EF , чтобы суммировать с текущими затратами.

Все выражение величины эффективности общественного производства получается следующим:

$$\mathcal{E} = \frac{v + m}{P + EF}.$$

Здесь вся сумма затрат без двойного счета в течение года.

Надо учесть еще лаг времени между осуществленными затратами на создание производственных фондов и полученным эффектом \mathcal{E} . Этот лаг можно рассчитать с помощью коэффициентов корреляции. Такие расчеты были сделаны несколько лет назад В. В. Шиховым в Башкирском филиале Академии наук СССР. Подобный расчет был выполнен и в Институте экономики Литовской ССР.

В результате расчетов величина лага получилась 2—3 года. Пока окончательно не проверена и не принята величина лага, на практике эффект берется в отношении к затратам предыдущего года.

* *
*

Как известно, развитие социалистического общественного производства может идти и идет экстенсивным и интенсивным путя-

ми. К. Маркс писал, что воспроизводство осуществляется экстенсивно при расширении только поля производства и интенсивно при применении более эффективных средств производства. Иначе говоря, развитие может происходить вширь и вглубь. Когда мы говорим об экстенсивном пути развития, мы имеем в виду увеличение производства путем создания новых рабочих мест и привлечения новой рабочей силы, вовлечения в эксплуатацию новых природных ресурсов, количественного расширения производственных мощностей.

Интенсивный путь развития предполагает увеличение производства путем повышения производительности труда, лучшего использования существующих природных ресурсов, внедрения новой техники и реконструкции старых предприятий, повышения нагрузки производственных мощностей.

Как правило, развитие производства не происходит одним из этих путей в чистом виде: или только экстенсивным, или только интенсивным. Развитие осуществляется обоими путями при различном сочетании интенсивных и экстенсивных методов. Переход к преимущественно интенсивным методам хозяйствования не означает, что у нас не будет увеличиваться количество рабочих, что мы не будем строить новых предприятий—все это делать придется. Если речь идет о производстве новых продуктов или новых путей их получения, то обычно нельзя не строить новое предприятие. Когда мы к концу века придем к широкому использованию термоядерной энергии, то для ее производства нам придется строить новые специальные установки. Но в большинстве случаев, как об этом говорилось на XXV съезде КПСС, развивать уже существующие производства целесообразнее путем реконструкции действующих предприятий, их технического перевооружения.

Методы интенсификации производства было бы неправильным сводить только к повышению производительности труда. Нужно еще посмотреть, всегда ли повышение производительности труда представляет собой интенсивный путь развития? Много зависит от того, какой ценой повышение производительности труда достигается. Предположим, что производительность труда можно повысить на 10 или 15%, но для этого потребовалось бы увеличить основные фонды на 100%, т. е. удвоить их. Будет ли такое развитие интенсивным? Очевидно, нет. Такие соотношения возможны в какой-то мере лишь в период освоения новой техники, когда мы только начинали создавать крупные промышленные предприятия, когда было мало квалифицированной рабочей силы.

С другой стороны, не всякое привлечение новой рабочей силы говорит об экстенсивном пути развития. Например, предположим, что построен автоматизированный завод. Для него потребовалась новая рабочая сила, но в гораздо меньшем количестве, чем нужно было бы для нового завода той же мощности, но

традиционного типа. Из этого примера видно, что само по себе увеличение потребности в рабочих, создание новых рабочих мест еще не говорит об экстенсивном пути развития. Можно утверждать, что в приведенном примере развитие производства происходит интенсивным путем.

Из сказанного выше видно, что одного только показателя производительности труда недостаточно, чтобы судить об интенсивном или экстенсивном путях развития. Нужен более полный и всесторонний анализ.

Интенсивный путь развития в литературе разграничивается на фондосберегающий и фондоемкий. При фондосберегающем пути интенсивного развития фонды растут медленнее продукции, при фондоемком пути—быстрее. Иными словами, при фондоемком пути происходит повышение фондоемкости продукции. Возникает вопрос, является ли, вообще говоря, фондоемкий путь интенсивным типом развития? Может быть, только при фондосберегающем пути можно говорить об интенсивном варианте развития?

С такой постановкой вопроса согласиться нельзя.

В каких случаях фондоемкий путь развития может быть назван интенсивным? Это получается тогда, когда при повышении фондоемкости происходит снижение текущих затрат, снижение себестоимости продукции. Если нет снижения себестоимости, тогда не может быть оправдано вложение дополнительных средств капитальных вложений, т. е. повышение фондоемкости.

Весьма важно, в течение какого срока повышение фондоемкости окупится снижением затрат. Здесь встает вопрос о сроке окупаемости капитальных вложений. Если затраты окупаются в течение нормативного срока, а таким нормативным сроком ныне является 8,3 года—12%, то это оправдывает повышение фондоемкости. Если мероприятие окупается в нормативный срок 8,3 года, значит, такое мероприятие, несмотря на повышение фондоемкости, является интенсивным. Речь может идти о сравнении вариантов—если будет возможен другой вариант, который окупится не за 8, а за 5—6 лет, то его, вероятно, следует предпочесть.

Выходит, что для оценки принятого направления развития—интенсивное оно или экстенсивное—необходимы экономические расчеты.

Каковы же конкретные пути интенсификации, повышения эффективности общественного производства?

Мы не можем их отрывать от использования достижений научно-технической революции. Применение новой техники имеет громадное значение в повышении эффективности. Когда говорят о новой технике, иногда имеют в виду только принципиально новую технику—например, термоядерную энергетику. Это—принципиально новая техника. К принципиально новой технике относятся и производство атомной энергии на быстрых нейтронах.

Оно уже нашло применение на Мангышлаке в атомной установке, работающей на быстрых нейтронах. К принципиально новой технике можно отнести новые, ранее неизвестные виды вещества, лазеры, криогенные линии электропередачи и многое другое, над чем еще идет исследовательская работа.

Принципиально новая техника для народного хозяйства на сегодня еще не может дать значительный экономический эффект. В то же время ее разработка и внедрение — это генеральная линия развития производства, это наша столбовая дорога к построению материально-технической базы коммунизма. Основной эффект принципиально новой техники будет получен в перспективе, и этот эффект будет очень велик. Сегодня же наибольшую отдачу дает та техника, которая уже известна. Это — комплексная механизация, автоматизация производства, синтетические волокна, пластмассы, минеральные удобрения, конечно, хорошие и высокого качества. Эта техника опробована и всем известна, но еще имеет широкую сферу дальнейшего распространения. От применения такой техники сегодня можно получить во много раз больший эффект, чем от принципиально новой техники.

На XXV съезде КПСС в докладе А. Н. Косыгина было подчеркнуто значение разработки комплексной программы механизации ручного труда. В принятых съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» поставлена задача «ускорить темпы комплексной механизации и автоматизации производственных процессов во всех отраслях народного хозяйства, особенно механизации вспомогательных и подсобных работ».

Большое значение для повышения производительности труда имеет повышение квалификации рабочих. Даже в Москве нередко не хватает на машиностроительных заводах рабочих высших тарифных разрядов, например высококвалифицированных фрезеровщиков. Это очень важная задача — увеличение числа кадровых рабочих высокой квалификации. В соответствии с «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» в системе профессионально-технического образования необходимо подготовить примерно 11 млн. квалифицированных рабочих и увеличить не менее чем в 2,5 раза подготовку со средним образованием в профтехучилищах. Надо больше заботиться об активном распространении передовых методов труда. В этом отношении надо еще много сделать. На щекинский метод работы перешли всего два процента предприятий. Более широко надо применять метод строителя Николая Злобина — бригадный хозрасчет. Важное значение имеет социалистическое соревнование за повышение качества продукции, а не только количества. Тов. Л. И. Брежнев говорил на XXV съезде КПСС, что «высокое качество — это сбережение труда и материальных ресурсов», значит, и увеличение количества. Если из новых видов искусственного каучука делаются шины высшего ка-

чества и повышается их ходимость на 25%—это равносильно увеличению количества шин на те же 25%. Таких примеров можно привести много.

Все это говорит о том, что в деле повышения производительности труда имеются очень большие резервы.

Нередко можно слышать утверждения, что у нас имеется дефицит рабочих кадров, в особенности в крупных промышленных центрах. Так ли это? Во многих случаях можно использовать имеющиеся кадры внутри предприятия при условии более правильной организации труда на предприятиях, повышении трудовой дисциплины, сокращении простоев. Имеется немало предприятий, где слишком много всякого рода вспомогательных и обслуживающих работников, которых при правильной организации труда, его механизации и повышении производительности можно было бы использовать на основном производстве. Это говорит о наличии немалых резервов рабочей силы.

Сопоставление данных по предприятиям СССР и развитых капиталистических стран показывает, что производительность труда рабочих основного производства у нас выше, чем во многих развитых странах, но вспомогательных работников, ИТР и служащих у нас значительно больше, что снижает реальную выработку.

Большим резервом является снижение материалоемкости продукции. Удельный вес материальных затрат в составе себестоимости промышленной продукции выше 80%. Снижение этих затрат хотя бы на 1% дает громадный эффект—около 3,5 млрд. руб. У нас тут имеются очень большие возможности на всех стадиях производства, начиная с добычи сырья и вплоть до получения готового продукта. Немало сырья остается в недрах. Потери угля в недрах составляют до 25—28%, нефти—до 50—70% общего запаса месторождения.

При добыче сырья не всегда используются многие содержащиеся в нем полезные компоненты и они идут в отвалы. Нередко в них содержится так много полезных частей, что, например, эти отвалы на некоторых медеплавильных заводах называют «поверхностно залегающими рудами». Их использовать выгоднее, чем добывать руду из недр. За последние годы у нас много делается для комплексного использования природных ресурсов, но пока еще недостаточно.

На сегодня имеются большие потери как на стадии переработки, так и при получении полуфабрикатов или готового продукта. Один из таких примеров—потеря черных металлов. Несмотря на то, что наша страна занимает первое место в мире по выплавке стали, нам ее все-таки не хватает. Это одна из диспропорций, которую необходимо устранить. В то же время велики потери металла. По примерной оценке, эти потери только в машиностроении и металлообработке в виде стружки, опилок, угара и т. д. составляют около 16 млн. т. Большие потери в машиностроении и металлообработке объясняются тем, что нет

еще достаточного применения передовой технологии, слишком велик удельный вес резания металла в сравнении с другими методами его обработки—штамповкой; недостаточно применение точного литья. Существуют большие допуски при литье, от этого много снимается стружки. На XXV съезде КПСС даны указания о снижении удельного расхода черных металлов в машиностроении и металлообработке на 14%, в строительстве—на 6%.

Крупные резервы повышения эффективности заключены в улучшении использования основных производственных фондов. Речь идет о повышении коэффициента сменности, «расшивке» узких мест в производственном оборудовании, улучшении материального снабжения с целью устранения перебоев в использовании оборудования. Большое значение имеет реконструкция и модернизация, что может значительно поднять производительность и эффективность основных средств в промышленности и других отраслях народного хозяйства. В материалах XXV съезда КПСС записано требование поднять коэффициент сменности в машиностроении на 20—30%.

Несколько слов относительно резервов в капитальном строительстве. Всем известны большие успехи нашей страны в области капитального строительства. Достаточно посмотреть кругом, чтобы увидеть, как много построено и как много строится нового. Но тут встает вопрос, каковы затраты, связанные с капитальным строительством, нельзя ли было бы сделать еще больше, дешевле, скорее? Приходится признать, что эффективность капитальных вложений у нас еще недостаточна. Так, например, до сих пор не устранен такой недостаток, как распыление капитальных вложений. Строительство одновременно ведется на 270 тыс. объектов производственного назначения. Это говорит о большом распылении вложений. Если учесть, что из всего числа строительных рабочих, занятых на строительно-монтажных работах, около 3,5 млн. заняты на строительстве производственных объектов и разделить это количество на 270 тыс., то будет видно, что на один объект приходится в среднем всего около 13 человек. В результате распыления вложений строительство сильно затягивается. Большие сроки строительства предопределяются и недостаточными размерами финансирования. В самом деле, если на включение в план объекта выделяется в начале года 1/10—1/12 часть общей сметной стоимости—это значит, что предусматривается срок строительства 10—12 лет. Если к этому прибавить 2—3 года на проектирование и еще несколько лет на освоение, то оказывается, что когда предприятие начинает работать на полную мощность, то оно уже оказывается устаревшим.

Для предотвращения распыления капитальных вложений следует не допускать частых пересмотров планов капитальных вложений и включения в планы все новых и новых строек. Нам нужны стабильные планы капиталовложений. Тогда мы сможем решить очень важную задачу ускорения и удешевления строи-

тельства, его интенсификации. Имеются неплохие результаты в области индустриализации строительства, заблаговременного производства узлов и деталей, применения современных видов материалов, типизации проектов. Но еще велики потери от удорожания сметной стоимости, незавершенного строительства, в ряде случаев—невысокого качества строительно-монтажных работ.

Партия и правительство неоднократно обращали внимание на недостатки капитального строительства. На XXV съезде КПСС указаны меры по дальнейшему улучшению капитального строительства, в частности, по повышению удельного веса реконструкции и модернизации, которые обеспечивают более высокую эффективность, снижение затрат, ускорение строительства.

Подводя итоги, можно сказать, что резервы повышения эффективности у нас значительны. Десятая пятилетка является пятилеткой качества, повышения эффективности производства. Мобилизация имеющихся резервов требует усилий всего советского народа, всех трудящихся во главе с нашей партией. И нет никаких сомнений, что если по-настоящему мы приложим силы для реализации этих резервов, то мы добьемся больших успехов в дальнейшем росте нашего производства, в повышении производительности труда, сделаем большой шаг в деле построения коммунистического общества.

§ 2. О КАТЕГОРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Вопросам эффективности общественного производства в экономической литературе уделяется значительное внимание. Однако споры о характере этой категории, ее качественной и количественной определенности затянулись.

Известно, что категория экономической эффективности отражает соотношение между результатами производства и затратами, связанными с получением этого результата. Она является общей категорией, социальное содержание которой предопределяется типом производственных отношений. Так, социалистические отношения обуславливают тот факт, что в качестве экономического эффекта общественного производства выступает совокупность потребительных стоимостей, которые необходимы обществу для удовлетворения его потребностей, а не часть продукта в виде прибавочной стоимости как при капитализме. В качестве затрат выступает сумма затрат живого и овеществленного труда, а не затраты капитала.

Характер производственных отношений социализма предопределяет и критерий эффективности, которым является получение наибольшего результата при наиболее рациональном использовании имеющихся ресурсов. Природа социализма обуслов-

ливаает единый критерий эффективности, предопределяющий подход и к количественной мере эффективности, которая может выражаться в ряде показателей в зависимости от уровня управления, специфики отдельных отраслей производства.

Количественная мера экономической эффективности предполагает сопоставление результата производства, его эффекта с затратами труда, связанными с получением этого эффекта. Теоретически не подлежит сомнению, что наиболее обобщающим показателем эффекта социалистического производства выступает общественный продукт, рост которого наиболее реально отражает степень возрастания совокупности потребительных стоимостей, которые идут на потребление и расширение производства, рост богатства. Спор продолжается только о том, какая из трех его форм (валовой, чистый, конечный) в наибольшей мере подходит для этой цели. Мы считаем, что для этого лучше всего подходит конечный продукт, под которым понимается совокупность предметов потребления, фонда производственного потребления и тех средств труда, которые идут на замену выбывающим.

Измерение уровня и динамики эффективности производства требует сопоставления результатов производства с затратами труда. Но и по вопросу состава этих затрат, их понимания высказываются различные, подчас противоречивые точки зрения. Наиболее распространенным является мнение, что в качестве затрат следует брать текущие производственные затраты, т. е. сумму потребленных средств производства и оплаты труда работников материальной сферы. Здесь, во-первых, в затраты включается не весь использованный живой труд, а только его оплачиваемая часть, что искажает абсолютную величину эффективности. И, во-вторых, рост фонда оплаты (как за счет возрастания массы вовлекаемого в производство живого труда, так и повышения уровня его оплаты) выдается за соответствующее увеличение затрат живого труда. При этом искусственно преувеличивается степень роста затрат живого труда, следовательно, занижается возрастание эффективности.

Далее. Рост второй части текущих производственных затрат, т. е. потребленных средств производства, безоговорочно принимается за соответствующий показатель увеличения затрат оуществленного труда за тот или другой период. В действительности этот рост отражает увеличение массы физического объема потребительных стоимостей, направляемых в производительное потребление, а это увеличение является результатом возрастания как воплощенных в них фактических затрат труда, так и производительности труда. В данном случае отражается не только рост затрат труда, но и повышение его эффективности. При повышении производительности труда рост физического объема материальных затрат растет быстрее, чем воплощенные в них трудовые вложения. Для определения в них величины трудовых вложений и темпов их возрастания необходим учет снижения

трудоемкости. Вполне правомерно предположить, что она (трудоемкость) обратно пропорциональна повышению производительности труда в отраслях, производящих средства производства. Отсюда темп роста труда, воплощенного в материальных затратах, равен произведению индекса роста их физического объема на индекс трудоемкости.

Таким образом, если динамика фонда оплаты труда работников материальной сферы крайне искаженно отражает движение действительных затрат живого труда (преувеличивает), а динамика материальных затрат—движение овеществленного труда (тоже преувеличивает), то и показатели эффективности, получаемые на основе сопоставления индекса роста продукции и индекса движения суммы затрат текущих производственных затрат, т. е. как суммы $c+u$, также дают искаженный результат. Не меняет существа дела и высказываемое предложение, чтобы в качестве показателя совокупности затрат брать приведенные затраты — как сумму текущих издержек (без амортизации) и произведения среднегодовой величины единовременных затрат в формы вложения в основные и оборотные фонды на коэффициент их приведения к текущим затратам¹, или же, чтобы в качестве таких затрат брать сумму фонда оплаты труда работников материальной сферы и прироста материальных затрат². Аналогичными недостатками страдает и предложение проф. А. Ноткина сопоставлять движение чистого продукта с движением затрат как суммы текущих производственных затрат и производственного накопления³.

Представляет интерес точка зрения академика Хачатурова Т. С. В качестве эффекта Хачатуровым Т. С. по-прежнему берется национальный доход, но в затраты предлагается включать весь живой труд, а не только оплачиваемую часть. Это существенный шаг вперед. Но вместе с тем акад. Хачатуров Т. С. к затратам добавляет амортизацию, а также произведение единовременных затрат в производственные фонды (F) на коэффициент нормативной эффективности (E) и часть ресурсов, которые необходимы для авансирования заработной платы до поступления выручки (R), т. е. он предложил формулу:

$$Эф = \frac{HD}{HD + \text{амортизация} + EF + R},$$

где HD — национальный доход.

Эта формула вызывает ряд вопросов и возражений. Прежде всего неясно, как оценивать национальный доход в знаменателе,

¹ «Вопросы экономики», 1974, № 12, с. 112; «Вопросы экономики», 1972, № 10, с. 64.

² «Вопросы экономики», 1974, № 5, с. 135.

³ Там же, с. 120—121.

чтобы он отражал затраты живого труда в базисном и отчетном периоде, непонятен экономический смысл R : ведь в национальном доходе оценен весь живой труд, зачем же еще его дополнительная оценка? Неясно также, как оценивается живой труд в виде национального дохода. Прибавление единовременных затрат, умноженных на нормативный коэффициент эффективности, не улучшает эту формулу, а, напротив, усиливает ее искажающее значение.

Нам представляется, что для измерения динамики совокупных затрат труда, т. е. суммы всего использованного живого и овеществленного в потребленных средствах производства труда за тот или другой период, необходимо сумму этих затрат первоначально выразить для базисного периода в рабочем времени. Овеществленный в потребленных средствах производства труд в среднегодовых работниках выражается по данным межотраслевого баланса труда, а при отсутствии такого баланса можно применить менее точный, но приемлемый метод. Объем потребленных средств производства в годовых работниках можно выразить путем деления в базисном году их суммы на выработку одним работником продукции в отраслях I-го подразделения (а при отсутствии и такой информации можно и по выработке чистой продукции на одного работника, но в ценах без налога с оборота). Затем, умножая материальные затраты в годовых работниках на темп роста этих затрат в сопоставимых ценах, выражаем последние в среднегодовой численности работников в отчетном году. Но это без учета снижения трудоемкости. Индекс трудоемкости по материальным затратам определяется по росту производительности труда в I подразделении. Умножив индекс роста материальных затрат на индекс трудоемкости, найдем показатель роста затрат труда, воплощенных в материальных затратах. Их сумма с затратами живого труда соответственно в базисном и отчетном периодах и даст возможность рассчитать темп роста совокупных затрат, выраженных в годовых работниках. При расчетах совокупных затрат в разрезе отраслей материального производства необходим учет отраслевого состава материальных затрат и роста производительности труда в отраслях, продукция которых входит в материальные затраты в этой отрасли.

Сопоставление темпов роста продукции материального производства в целом и в разрезе отраслей материального производства с соответствующими полными затратами труда по существу отражает рост производительности труда, но определенного по совокупным затратам. Но именно такой показатель производительности труда дает ответ на вопрос, во что обходится производство единицы потребительной стоимости по народному хозяйству и в разрезе отраслей производства и как оно меняется.

Применение этого метода на практике связано с рядом трудностей. Одной из них является широко распространенное мне-

ние, что можно рассчитывать производительность только живого труда⁴, что «экономически неправомерно суммировать» затраты живого и овеществленного труда⁵. Здесь уместно обратить внимание на то, что К. Маркс делал расчет производительности совокупного труда как суммы живого и прошлого труда, овеществленного в продукте⁶. Более того, он отмечал, что в социалистическом обществе производительность труда измерялась бы общим количеством труда, т. е. живого и овеществленного⁷.

Отсюда следует, что в качестве показателя, отражающего движение экономической эффективности общественного производства на разных уровнях, является соотношение продукции и совокупных затрат, связанных с ее производством. Важно отметить, что по всему материальному производству рост производительности живого труда мало отличается от роста производительности по совокупным затратам. Однако в отдельных отраслях, особенно в сельском хозяйстве, мы не получим реального представления об изменении эффективности, если будем пользоваться показателем производительности живого труда.

§ 3. ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В КУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Теория и практика последнего времени выдвинули в центр внимания хозяйственного руководства проблему эффективности производства. В свое время эта проблема не находила места в политической экономии. Ее обычно сводили к повышению производительности труда. В этом, конечно, есть доля истины, поскольку рост производительности труда является выражением повышения эффективности производства.

Однако по мере развития научно-технической революции и возрастания роли интенсивных факторов роста становилось все более очевидным, что один и тот же результат, в том числе производительности труда, может быть достигнут за счет большей или меньшей величины произведенных затрат. Возникла проблема соотношения произведенных затрат и полученного результата. В таком виде данная проблема скорее выглядела как нахождение показателя, который бы выражал максимум производства при минимуме затрат. Литература 50-х и 60-х годов характеризуется поиском и конструированием такого именно показателя эффективности производства. Его нередко называли также показателем оптимальности.

⁴ См.: Карпунин Д. Н. Производительность общественного труда и народнохозяйственные пропорции. М., 1972, с. 16, 23.

⁵ См.: Чулков Т. Классификация факторов экономического роста. — «Экономические науки», 1974, № 12, с. 29—30.

⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 177; ч. 2, с. 72—73.

⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 287.

Пока дело сводилось к поискам показателя, понятие эффективности не могло найти себе места в политической экономии, поскольку последняя занимается не показателями, а экономическими категориями. Множество предложенных методов определения эффективности производства и капитальных вложений не обеспечили решения задачи. В ряде случаев тщетно пытались сконструировать единый показатель, годный для всех уровней хозяйствования и управления. Но не один из показателей не мог ответить этим требованиям. Национальный доход на единицу производственных фондов более или менее соответствовал условиям народного хозяйства в целом, но искажал картину на уровне отраслей или предприятий. Показатель прибыли более или менее пригодный на уровне предприятий не мог быть использован как обобщающий показатель развития народного хозяйства. Конструирование различного рода искусственных показателей также не принесло успеха.

Тогда возникла идея о том, что проблема не сводится к нахождению показателя, а необходимо рассматривать эффективность общественного производства как определенную категорию политической экономии, выражающую одну из важнейших сторон специфики социалистических производственных отношений. Вместе с содержательной трактовкой эта категория постепенно находит себе место в курсе политической экономии.

Понимание эффективности общественного производства как категории политической экономии было достигнуто на основе применения к социализму марксовской методологии изучения производственных отношений. Применение этой методологии предполагает признание отношений разного уровня, т. е. отношений первичного и вторичного порядка. Это был новый подход.

При таком подходе обнаружилась и глубокая специфика проблемы эффективности при социализме. При капитализме определяется лишь эффективность капитала, а последняя сводится к норме прибыли. При социализме прежде всего речь идет об эффективности общественного производства, а потому выделяется уровень народного хозяйства в целом. При такой постановке вопроса эффективность оказывается связанной с целью социалистического производства.

Идея о том, что при социализме есть разные уровни хозяйствования и управления, каждый из которых характеризуется своим особым кругом интересов, целей и показателей эффективности, первоначально встретила не столько серьезные, сколько шумные возражения. Некоторые усматривали в этом не иначе как попытку механически разъединить и даже противопоставить друг другу различные части народного хозяйства. В связи с этим определенные возражения встречала также идея об иерархии целей, о наличии общей, конечной цели общества как выражения коренных народнохозяйственных интересов, а также локальных целей, например цели хозрасчетного предприятия. Однако

теперь ясно, что формула XXIV съезда КПСС о том, что рост благосостояния народа является высшей целью политики партии, подводит некоторый итог дискуссии. Во всяком случае, данная формула исходит из существования различных целей.

Таким образом, применение марксовой методологии к изучению производственных отношений привело нас к выводу о необходимости последовательного изучения эффективности в курсе политической экономии. Последовательность в данном случае означает рассмотрение вопроса на разных уровнях хозяйствования. Более или менее широкое признание получила идея о том, что критерий эффективности общественного производства при социализме определяется степенью удовлетворения материальных и духовных потребностей людей, включая всестороннее развитие личности.

Дискуссионным остается вопрос о показателях эффективности производства на разных уровнях управления. У нас нет возможности изложить ход дискуссии. Отметим лишь, что идея о выделении разных целей получила широкое распространение. В одних случаях выделяют два уровня: народнохозяйственный и хозрасчетный. В других случаях выделяется множество уровней, целей и показателей эффективности.

С политико-экономической точки зрения, важно подчеркнуть первенство общенародных интересов и общенародного критерия эффективности, который, как правило, действует на всех уровнях хозяйствования. Локальные цели и показатели имеют реальное, хотя и подчиненное, значение и служат общей цели. Так, например, рентабельность на уровне предприятия и объединения рассматривается как показатель эффективности работы. Можно ли в таком случае говорить о цели предприятия (объединения)? Что выступает в качестве такой цели? На эти вопросы даются различные ответы. Но при всех условиях эффективность предприятия (объединения) не может быть правильно понята, если игнорировать то обстоятельство, что предприятие является органической частью совокупного общественного социалистического производства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
<i>Раздел первый. Методологические проблемы политической экономии</i>	5
Глава 1. Общие проблемы исследования системы категорий и законов политической экономии	
§ 1. Главные методологические проблемы политической экономии на современном этапе (Цаголов Н. А.)	7
§ 2. О применении генетического подхода к исследованию производственных отношений (Хессин Н. В.)	33
§ 3. К вопросу об исходном пункте научного исследования в политической экономии (Куликов В. В.)	48
§ 4. Некоторые проблемы создания политической экономии в широком смысле (Осадько М. П.)	60
§ 5. О политической экономии в широком смысле и о классификации экономических наук (Трифонов Д. К.)	64
§ 6. О методе политической экономии (Абалкин Л. И.)	66
§ 7. О системном анализе и его использовании в методологии политической экономии (Солодкова С. В.)	70
§ 8. Эмпирический и теоретический уровни исследования в политической экономии (Лячин В. И.)	77
Глава 2. Проблемы совершенствования системы категорий и законов политической экономии социализма	
§ 1. Вопросы структуры политической экономии социализма (Цаголов Н. А.)	83
§ 2. Пути совершенствования производственных отношений в условиях развитого социализма (Черковец В. Н.)	86
§ 3. О месте планомерности в системе производственных отношений социализма (Хессин Н. В.)	99
§ 4. Собственность в системе категорий политической экономии социализма (Колесов Н. Д.)	103
§ 5. Об исходном и основном производственных отношениях социализма (Куликов В. В.)	106
§ 6. Методологические проблемы структурного изучения политической экономии социализма (Сергеев А. А.)	117
§ 7. Об исходном пункте исследования политической экономии социализма (Левшин Л. В.)	120
§ 8. К вопросу о системе категорий и законов политической экономии социализма (Бычков А. П.)	122
	285

<i>Раздел второй. Некоторые теоретические проблемы политической экономии капитализма</i>	125
Глава 1. Новые явления в экономике современного капитализма	
§ 1. Новые явления в современной экономике империализма и их отражение в курсе политической экономии (Плетнев Э. П.)	127
§ 2. Особенности действия всеобщего закона капиталистического накопления в условиях современного капитализма (Володин В. С.)	136
✓ § 3. Капиталистическая монополия в системе экономических отношений современного капитализма (Рудакова И. Е.)	152
✓ § 4. Монополи-конгломераты и интернационализация производства (Чибриков Г. Г.)	166
§ 5. Особенности современного кризиса капиталистической системы (Чепраков В. А.)	177
§ 6. Империализм и развивающиеся страны в 70-х годах (Скоров Г. Е.)	181
1. Сдвиги в стратегии неокOLONИализма	182
2. Новый этап борьбы за экономическую самостоятельность развивающихся стран	183
3. Экспорт капитала из развивающихся стран	185
<i>Раздел третий. Актуальные проблемы исследования социалистических производственных отношений и их отражение в курсе политической экономии социализма</i>	189
Глава 1. Товарно-денежные отношения в планомерно организованном социалистическом производстве	
§ 1. Товарно-денежные отношения в системе законов и категорий политической экономии социализма (Городецкий Е. С.)	191
§ 2. О новом содержании товарно-денежных отношений (Хессин Н. В.)	208
§ 3. Совершенствование ценообразования в свете решений XXV съезда КПСС (Ситнин В. К.)	211
Глава 2. Экономические проблемы непродуственной сферы (Солодков М. В.)	222
Глава 3. Вопросы механизма социалистического хозяйствования	
§ 1. Управление в системе общественных отношений (Попов Г. X.)	234
§ 2. Проблемы совершенствования механизма экономического стимулирования промышленного производства (Егиазарян Г. А.)	238
§ 3. Некоторые итоги работы над генеральными схемами управления промышленностью (Драгичинский Н. Е.)	246
§ 4. О совершенствовании хозрасчетных отношений (Дзарасов С. С.)	253
§ 5. Об использовании экономико-математических методов и электронно-вычислительной техники в планировании (Лебединский Н. П.)	259
§ 6. Социально-экономические проблемы индустриального развития сельскохозяйственного производства (Бронштейн М. Б.)	262
§ 7. Некоторые актуальные проблемы социалистического соревнования (Смольков В. Г.)	265
Глава 4. Вопросы повышения эффективности общественного производства на основе научно-технического прогресса и более полного использования всех резервов	
§ 1. Резервы роста эффективности социалистического общественного производства (Хачатуров Т. С.)	269
§ 2. О категории эффективности общественного производства (Хан Н.)	278
§ 3. Проблемы эффективности производства в курсе политической экономии (Дзарасов С. С.)	282

*АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ*

Тематический план 1978 г. № 19

ИБ № 290

Редакторы *Н. А. Рябикина,
Е. А. Клепова*

Художественный редактор *Н. Ф. Зыков*

Переплет художника *В. П. Бодарецкой*

Технический редактор *К. С. Чистякова*

Корректоры *И. А. Большакова,
Л. А. Айдарбекова, А. А. Алексеева*

Сдано в набор 29.05.78. Подписано

к печати 28.02.79. Л-76061. Формат

60×90^{1/16}. Бумага тип. № 3. Гарнитура
литературная. Высокая печать.

Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 20,06.

Тираж 11000 экз. Зак. 399.

Цена 1 р. 30 к. Изд. № 3158.

Издательство Московского университета.

Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография Изд-ва МГУ.

Москва, Ленинские горы.

1-351618

1р. 30к.

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00841526

